

**ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ**

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Под редакцией академика РАН
С.П. Карпова

71

СЕРИЯ II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

31

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (председатель),
д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, д.и.н., проф. Н.С. Борисов, д.и.н., проф. Л.И. Бородин,
д.и.н., проф. А.Г. Голиков, д.и.н., проф. С.В. Девятков, д.и.н., гл. н.с. Л.В. Кошман,
академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин, д.и.н., проф. Л.С. Леонова,
к.фил.н., доц. Л.П. Лобанова, д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев, д.и.н., проф. С.В. Мироненко,
д.и.н., проф. Е.И. Пивовар, д.и.н. А.В. Подосинов, д.и.н. С.Ю. Сапрыкин,
д.и.н., проф. В.В. Симонов, к.и.н. Г.М. Степаненко, д.иск., проф. В.С. Турчин,
д.иск., проф. И.И. Тучков, д.и.н., проф. Д.А. Функ, академик РАН, д.и.н., проф. В.Л. Янин

Москва

2015

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

————— **А.В. Хорошева** —————

«УДЕЛ РОССИИ – УДЕЛ СЧАСТЛИВЫЙ...»

Историософия Н.Я. Данилевского

Издательство Московского университета

2015

УДК 94(470)“16/18”
ББК 63.3(2)4; 63.3(2)5
X 79

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

- Исторические источники • Исторические исследования
- Instrumenta studiorum • Библиографии

Рецензенты:

С.В. Девятов – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России XX–XXI вв. МГУ имени М.В. Ломоносова;

С.В. Мироненко – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России XIX – нач. XX в. МГУ имени М.В. Ломоносова;

Н.И. Цимбаев – д.и.н., профессор кафедры истории России XIX – нач. XX в. МГУ имени М.В. Ломоносова

Хорошева А.В.

X 79 «Удел России – удел счастливый...»: Историософия Н.Я. Данилевского : Монография / А.В. Хорошева – М. : Издательство Московского университета, 2015. – 300 с. – (Труды исторического факультета МГУ : Вып. 71; – Сер. II, "Исторические исследования": 31). ISBN 978–5–19–011–068–5

Монография посвящена комплексному изучению системы представлений Н.Я.Данилевского о современной ему действительности, выявлению истоков возникновения его историософии и идейного фона на котором она создавалась. В работе рассматривается жизненный путь Н.Я. Данилевского и влияние на становление его мировоззрения событий современности, выявляется сфера его интересов и общения, дается общая характеристика идейной атмосферы того времени. Подробно анализируются теоретические представления мыслителя о развитии всемирно-исторического процесса, его трактовка прошлого, настоящего и будущего России, особенности понимания им Восточного вопроса, а также его проект создания Всеславянского союза.

Для историков, преподавателей и студентов-гуманитариев, широкого круга читателей.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, теория культурно-исторических типов, проблема России и Европы, Восточный вопрос, панславизм.

ВВЕДЕНИЕ

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) и его книга «Россия и Европа», впервые опубликованная в 1869 г. и по сей день будоражит умы и вызывает споры всех, кто неравнодушен к судьбам России. Он был уверен, что «удел России – удел счастливый», поскольку на протяжении ее исторического пути ей приходилось «освободить и восстанавливать», а не «разрушать и завоевывать» в отличие от большинства цивилизаций, то есть нравственные побуждения и обязанности соединялись политической выгодой, а значит ей не надо было идти на преступления для того чтобы добиться преференций¹.

Данилевскому выпал жребий жить в переломное для его страны время. Он был воспитан на научных достижениях Запада. Будучи вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, будущий автор «России и Европы» увлекался учением французского утописта Ш. Фурье, посещал собрания М.В. Петрашевского, за что в 1849 г. и был арестован, а после следствия сослан в Вологду, а затем в Самару. Находясь вдали от центров общественной жизни, молодой ученый не потерял к ней интерес. Им остро переживались события Крымской войны (1853–1856), нейтрализация Черного моря, ставшая национальным унижением для страны, и последующая дипломатическая изоляция. Не остался он равнодушен и к попытке Западных держав вмешаться во внутренние дела России во время Польского восстания 1863–1864 гг. В тоже время Данилевский внимательно следил и за проведением реформ 1860-х гг. в стране. Все эти события оказали глубокое воздействие на него и, в конечном счете, сформировали его зрелое мировоззрение.

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 387.

ние, плодом которого стал труд «Россия и Европа». В нем им была изложена оригинальная теория развития всемирно-исторического процесса и связанный с ней идейно комментарий современной ему действительности. Вместе они составили историософию мыслителя. Впоследствии им были написаны статьи, посвященные, в частности, Франко-германской войне 1870–1871 гг., Русско-турецкой войне 1878–1879 гг., представляющие собой комментарий происходивших в тот момент времени событий в духе идей, изложенных в данном труде. Несмотря на то, что фигура мыслителя уникальна своей разносторонностью (он оставил после себя труды по биологии, ботанике, статистике, языкознанию, этнологии, географии, а также работы, посвященные проблемам внутренней и внешней политике России), именно «Россия и Европа» оказалась тем трудом, благодаря которому его имя помнят потомки.

Николай Яковлевич был ученым, и потому, принимая близко к сердцу неудачи русской внешней политики, он не мог просто возненавидеть Запад, ему необходимо было понять причины происходящего. Начиная с 1850-х гг. мыслитель начинает переоценивать идеалы юности, в конечном итоге приходит к выводу, что Россия и Европа – разные миры, в корне отличающиеся друг от друга, а, значит, и несвязанные какими-то ни было общими интересами.

Проблема «Россия и Европа» и тесно переплетенный с ней вопрос о выборе исторического пути, поднятые Данилевским, возникли еще во времена царствования Николая I, когда противопоставление русских и западных начал было возведено в ранг важнейшей составляющей части официальной идеологии. Ответом на это русского общества стало возникновение западничества и славянофильства.

Экономическая слабость страны, ставшая очевидной после поражения в Крымской войне, и международ-

ная изоляция вызвали новую волну споров о дальнейшем пути развития России. Данилевский попытался дать собственное истолкование проблемы. Его современники, основываясь на отрицании им общности судеб России и Европы, стали называть его новым идеологом славянофильства, подчеркивать консервативность высказанных ученым идей. Из публицистики пореформенного времени данные бездоказательные утверждения перешли в научные работы, посвященные рассмотрению творчества мыслителя.

В настоящий момент времени труд Данилевского и идеи, изложенные в нем, остаются в центре внимания ученых, публицистов, политиков, писателей и просто думающих людей, что свидетельствует о вневременном значении его историсофии. Зачастую оценки творчества мыслителя в нашей стране объясняются тем, как человек для себя отвечает на вопрос: «Европа ли Россия?» Данилевского к созданию его теории подтолкнули не очень радужные для Российской империи внешнеполитические реалии его времени. Однако поскольку взаимоотношения России со странами Западной и Центральной Европы, а также соотношение их сил, по сей день являются основой системы международных отношений, вопросы, поставленные мыслителем, остаются актуальными и в настоящее время. Как известно, каждая система международных отношений существует, пока сложившееся в ней соотношение сил отвечает историческим реалиям. За прошедшие более чем полтора столетия с момента издания книги Данилевского, положение России в системе международных отношений неоднократно менялось, она как вступала в союзы с различными европейскими странами, так и оказывалась в политической изоляции. Европа значительно опережала в XIX веке в экономическом и военно-техническом развитии остальные регионы, поэтому вполне естественно именно она стала регионом, где сложилась устой-

чивая система международных отношений, которая постепенно начала вовлекать в нее другие регионы, доминируя над ними. Автор «России и Европы» оспорил утверждение о центральном положении Европы² во всемирно-историческом процессе, тогда когда она находилась в зените своей славы и могущества. Он пытался убедить своего читателя, что у «германо-романского типа» всегда может появиться соперник, не менее одаренный, чем он. Фактически, Данилевский выступил против «Европоцентризма» современной ему действительности, поскольку он служил основанием утверждения превосходства Запада над остальным миром и как следствие оправданием колониальной системы. Отстаивая право славянского мира на самобытность, Данилевский затронул очень важную проблему о недопустимости навязывания идеалов одного народа или группы народов другому и важности сохранения своей индивидуальности как неотъемлемого условия сохранения многообразия мира, позволяющее развиваться ему более плодотворно. Эта мысль более чем актуальна в наш век глобализации, когда довольно остро стоит вопрос о типизации и как следствие упрощения культуры.

* * *

Данилевский оставил после себя богатейшее письменное наследие. Его личный архив хранится в Российской национальной библиотеке, также некоторые документы находятся в Вологодском Государственном архиве. Объем архивных материалов незначителен, в основном это письма и автографы научных статей Данилевского.

Центральное место в творчестве ученого занимает книга «Россия и Европа». Впервые она была опублико-

---

² Для Н.Я. Данилевского понятие «Европа» философское, а не географическое и является синонимом понятия «германо-романский культурно-исторический тип».

вана в виде серии статей в журнале «Заря» в 1869 г. №№ 1–6, 8–10 (в каждом номере печаталось по две главы). Когда Данилевский привез рукопись в Санкт-Петербург, полный решимости ее опубликовать, Страхов Н.Н., взявшийся помогать ему в этом деле, посчитал, что книгу, «написанную в таком духе», все журналы откажутся печатать, поэтому он попробовал ее поместить в «Журнале Министерства народного просвещения», что значительно снижало число потенциальных читателей «России и Европы». Спасло положение появление нового журнала «Заря»³. Это было не очень многообещающее начало.

Так как в «Заре» издавалась уже готовая рукопись, а не подготовительные статьи, первое издание «России и Европы» отдельной книгой было ошибочно названо вторым, что впоследствии вызвало общую ошибку в нумерации последующих публикаций. Итак, оно вышло в 1871 году в количестве 1200 экземпляров и находилось в продаже 15 лет⁴. В нем автором было сделано только одно или два небольшие дополнения к журнальному варианту текста⁵.

Тот факт, что первое издание «России и Европы» так плохо продавалось, свидетельствует о невостребованности идей ее автора в русском обществе. Все изменила Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Именно в этот момент книжки начали распродаваться хорошо⁶. Однако тут следует отметить, что неизвестно вспомнили бы о Данилевском, если бы Н.Н. Страхов не старался всячески пропагандировать его труд. Правда, в этот период времени им интересовалась в основном «читающая публика», а не «передовая общественность». У последней

---

³ *Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. XVIII. Далее Страхов Н.Н. Жизнь...*

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. XXXI.

⁶ Там же. С. XXVIII.

интерес к книге возник несколько позже. Когда в 80–90-х гг. XIX в. в публицистике поднялась волна споров вокруг «России и Европы», стихшая к концу столетия, что, вероятно, было связано с кризисом идей «славянского братства» и переориентацией политики молодых славянских государств на антирусскую. Таким образом, книга была обязана успехом изменениям во внешне-политической ситуации, что, в конечном счете, вызвало однобокость в ее интерпретации.

После смерти автора «Россия и Европа» была несколько раз переиздана. В издании 1888 г. были добавлены посмертные примечания, сделанные Данилевским ручкой на полях собственного экземпляра книги не ранее 1881 года⁷. Они весьма лаконичны и, как правило, представляют собой ремарки по поводу сбывшихся или несбывшихся надежд, высказанных им в тексте «России и Европы». К этому изданию Н.Н. Страхов написал обширное предисловие, которое с небольшими дополнениями печаталось во всех последующих дореволюционных переизданиях «России и Европы». Уже в 1889 г. вышло еще одно издание этого труда без каких-либо дополнений. Издание 1895 г. также вышло без особых изменений. К тексту книги были составлены указатели предметов, имен и географических названий, расширена библиография, а также помещена статья К.Н. Бестужева-Рюмина «Теория культурно-исторических типов».

В советское время книга не переиздавалась. Впервые после долгого перерыва «Россия и Европа» была опубликована в 1991 г. в Москве. Новое издание было осуществлено в несколько сокращенном виде, что по мысли издателя должно было облегчить восприятие книги массовым читателем. Соответственно, оно не может служить источником для научного исследования. Послесловие и комментарии к книге были составлены

---

⁷ *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXXI.*

С.А. Вайгачёвым. В 1995 г. в Санкт-Петербурге вышло полновесное научное издание «России и Европы» с приложением статей Н.Н. Страхова и К.Н. Бестужева-Рюмина. Впоследствии труд Данилевский переиздавался еще несколько раз, в связи с повышенным интересом к ней⁸.

Иностраннный читатель впервые получил возможность ознакомиться с историософским трудом Н.Я. Данилевского в 1890 г., когда он вышел в свет на французском языке в Бухаресте в сокращенном варианте. В 1920 г. книга вышла на немецком языке в Берлине. Перевод, выполненный К. Нётцелем, был весьма невысокого качества. Из семнадцати глав переведено было только десять. Английское издание вышло в США в 1966 г., предисловие к нему написал И.П. Иваска⁹.

«Россия и Европа» состоит из семнадцати глав. Теорию культурно-исторических типов сформулирована, в основном, в 3-х главах¹⁰, но некоторые теоретические вкрапления присутствуют и в других частях книги¹¹. Большинство глав посвящено рассмотрению практических вопросов, касающихся круга проблем связанных с прошлым, настоящим и будущим России и ее взаимоотношений с Европой и славянскими народами¹².

⁸ В нашей работе было использовано издание: *Данилевский Н.Я. Россия и Европа*. М., 2003.

⁹ [Danilevsky N.J.] *La doctrine panslaviste d'après par Skupiewsky L.I.* Bucarest, 1890; *Danilevsky N.J. Russland und Europe.* Sturtgart-Berlin, 1920; *Danilevsky N.J. Russia and Europe.* New-York, 1966.

¹⁰ «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческою?», «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения или развития.», «Отношение народного к общечеловеческому».

¹¹ Например, в 3, 10 и 17 главах («Европа ли Россия?», «Различия в ходе исторического воспитания» и «Славянский культурно-исторический тип. Вместо заключения»).

¹² «1864 и 1854 годы. Вместо введения», «Почему Европа враждебна России?», «Гниет ли Запад?», «Различия в психическом строе», «Различное вероисповедание», «Европичанье — болезнь русской жизни», «Восточный вопрос», «Место Австрии в Восточном вопросе», «Царьград», «Всеславянский союз», «Борьба».

Говоря о Данилевском нельзя забывать, что «Россия и Европа» далеко не единственный труд. Мыслитель после себя оставил богатейшее письменное наследие. Понять зрелую политическую публицистику Данилевского не возможно без знания его ранних трудов. В «России и Европе» ее автор пытался показать невозможность развития исторического процесса в одном направлении, а также довольно четко высказал свою антизападническую позицию. До этой работы подобных идей в его творчестве не было: из книг западных авторов он черпал пищу для размышлений, человечество же ему представлялось единым целым. Доказательством этого могут служить его ранние публикации¹³. В них он, в основном, выступал как комментатор и лишь в «Письме в редакцию» – как разоблачитель литературного плагиата О.И. Сенковского.

Данилевский является автором как ряда фундаментальных научных работ, так и небольших статей. Большая их часть представляет собой публикацию отчетов о проведении тех или иных исследований¹⁴. О признании данных трудов в научной среде говорит тот факт, что за работу «О движении народонаселения в России»

---

¹³ Данилевский Н.Я. Письмо в редакцию // Отечественные записки, 1843, №5–6. *Он же.* Дютроше // Отечественные записки, 1848. Т. 58, №5–6. *Он же.* «Космос» Гумбольдта // Отечественные записки, 1848. Т. 58–59, №6–8.

¹⁴ Данилевский Н.Я. Кавказ и его городские жители в нынешнем их положении. М., 1846. *Он же.* Статистические исследования о движении народонаселения в России за 1846 год // Журнал Министерства Внутренних Дел, 1851. Чч. 34 и 35. *Он же.* Климат Вологодской губернии // Записки Русского Географического общества. 1853. Т. 9. *Он же.* Краткий очерк уральского рыбного хозяйства // Вестник Русского Географического общества. 1856. Т. 22. *Он же.* Описание рыболовства в Черном и Азовском морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. 1871. Т. 9. *Он же.* Описание рыболовства в северо-западных озерах // Там же. 1857. Т. 9. *Он же.* Филлоксера на южном берегу Крыма – средства борьбы с ней. Феодосия, 1880.

ему была присуждена Императорским Географическим обществом премия Жукова, за работу «Климат Вологодской губернии» — малая золотая медаль, а его многолетний труд «Исследования рыболовства в России» был удостоен золотой Константиновской медали.

Ученым также был опубликован целый ряд экономических статей¹⁵, в которых им отстаивалась необходимость государственного покровительства отечественным производителям промышленной и сельскохозяйственной продукции. Занимался Данилевский и проблемами языкознания. Его работы в этой области¹⁶ получили признание, и в 1876 г. Данилевский был избран членом «Общества любителей российской словесности» при Московском университете. Кроме того, им были написаны и отдельные статьи по этнографии и геологии¹⁷.

Последние годы жизни Данилевский работал над обобщающим трудом по естествознанию «Дарвинизм», где попытался систематизировать личные естественнонаучные наблюдения над флорой и фауной, накопленные в течение всей жизни, и на их основе оспорить положения теории Ч. Дарвина «о происхождении

¹⁵ *Данилевский Н.Я.* Несколько слов по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности // Торговый сборник. 1867, №№ 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22. Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов // Русский вестник, 1883, №№ 8, 9. *Он же.* О низком курсе наших денег и новых источников государственных доходов // Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

¹⁶ *Он же.* Дополнение к опыту областного великорусского словаря // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1869. Т. 7. *Он же.* Несколько мыслей о русской географической терминологии // Записки Русского географического общества по общей географии. СПб., 1869. Т. 2.

¹⁷ *Он же.* Теория Ледникового периода // Записки Императорского Русского Географического общества. 1863. Кн. 1. *Он же.* О пути мадьяр в Лебедию // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1883. Т. 19.

видов путем естественного отбора». Он старался показать, что борьба за существование не играет главную роль в эволюции растений и животных, а, значит, доказать ложность «гипотезы» английского ученого, которая, по существу, устраняет из мира Творца¹⁸.

При сопоставлении публицистических и научных трудов Данилевского видны определенные закономерности в методах работы и стиле изложения материала. Он всегда придерживался одной схемы. Сначала им приводились несколько отвлеченные факты как зарисовка проблемы, далее ставилась сама проблема и задача исследования, после чего по пунктам следовала формулировка общетеоретических установок, далее делались практические выводы с небольшими теоретическими уточнениями, где это необходимо. Независимо от тематики, его работам всегда была присуща опора на логические построения. Данилевский отдавал приоритет естественнонаучным методам исследования, используемым в биологической науке, так как считал их универсальными. Отсюда проистекала и его уверенность в своих умозаключениях, как правило, он считал их неопровержимой истиной.

Поздняя публицистика Н.Я. Данилевского идейно связана с «Россией и Европой»¹⁹. При написании этих

---

¹⁸ Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1885. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1889.

¹⁹ *Он же.* Россия и франко-германская война // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. *Он же.* О настоящей войне // Данилевский Н.Я. Горе победителям! М., 1998. *Он же.* Как отнеслась Европа к Русско-турецкой распре // Там же. *Он же.* Проливы // Там же. *Он же.* Константинополь // Там же. Конференция или даже конгресс // Там же. *Он же.* Россия и Восточный вопрос // Там же. *Он же.* Владимир Соловьев о православии и католицизме. Далее Владимир Соловьев... // Там же. *Он же.* Происхождение нашего нигилизма // Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей СПб., 1890. *Он же.* Несколько слов по поводу конституционных вожелений нашей либеральной прессы // Н.Я. Данилевский: 175 лет. Липецк, 1998.

статей он, как правило, анализировал интересующие его проблемы, руководствуясь выводами, сделанными им в своем фундаментальном историческом труде. В них всегда присутствуют длинные цитаты из «России и Европы», причем автор неизменно подчеркивал верность приводимых умозаключений. Появление большинства этих работ связано с конкретными внутриполитическими и внешнеполитическими событиями²⁰.

Другие статьи этого периода («Происхождение нашего нигилизма» (1884), «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885) были попыткой автора оспорить некоторые идеи, бытовавшие в общественной мысли того времени, так как считал их «ошибочными», значит, вредными для развития русского государства. Делал он это с позиций его собственной исторической концепции, отсюда следовала определенная предвзятость в изложении материала.

Политические и экономические статьи Н.Я. Данилевского после его смерти были изданы Н.Н. Страховым отдельным сборником²¹. В наше время вышел новый сборник, на этот раз, только политических работ²²,

---

²⁰ Например, поводом для написания статьи Н.Я. Данилевского «Россия и франко-германская война» (1871) стал циркуляр, направленный министром иностранных дел А.М. Горчаковым странам, подписавшим Парижский трактат, в котором говорилось о том, что Россия больше не считает себя связанной обязательствами, предусмотренными этим мирным договором. К моменту написания статьи «Россия и франко-германская война» не была еще проведена Лондонская конференция, следовательно, не было международного признания отмены нейтрализации Черного моря, но Данилевский был уверен в благополучном исходе дела и спешил поделиться своими мыслями с читателем. В 1877–1879 гг. им был опубликован цикл статей посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и т.д.

²¹ *Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей.* СПб., 1890.

²² *Он же. Горе победителям!* М., 1998.

некоторые из них публиковались также в приложениях к современным изданиям «России и Европы».

Обширное интеллектуальное наследие Николая Яковлевича Данилевского не может быть изучено в рамках какой-либо одной науки, так как интересы этого человека были необычайно широки. Он серьезно занимался биологией, геологией, статистикой, экономикой, социологией, языкознанием. Если своими современниками он был преимущественно оценен как биолог, то наши современники ставят ему в заслугу создание новой концепции развития всемирно-исторического процесса.

Имя его далеко не всегда было на виду. Интерес к нему и его книге «Россия и Европа» всегда отличался некой дискретностью. Были периоды, когда он был повышенным, было время и практически полного забвения.

К сожалению, изучение наследия ученого и, в первую очередь, его историософского труда «Россия и Европа» практически всегда имело односторонний характер. Первоначальный интерес к труду Данилевского «Россия и Европа» возник в конце 70-х гг. XIX в., когда на страницах толстых журналов развернулась острая дискуссия вокруг идей, высказанных в книге. В свет вышло ряд статей и очерков, в которых содержалась критика данного труда. Известностью сочинение Данилевского было обязано изменениям во внешнеполитической ситуации, но из-за этого идеи Данилевского оказались с ней связаны и рассматривались общественностью через призму восприятия Восточного вопроса. За «Россией и Европой», как впрочем, и за самим автором, закрепился определенный образ. Он воспринимался не иначе, как идеолог национализма или панславизма, что совсем не одно и то же, а его книга — как «катехизис славянофильства» и сторонниками, и противниками. Единственное отличие в отношении к книге заключалось в том, какой знак поставить перед этими определениями.

Следует отметить, что отдельные статьи, посвященные книге «Россия и Европа», появились в печати сразу после ее выхода. Так, например, под псевдонимом «Z» в «Санкт-Петербургских ведомостях» была напечатана рецензия на сочинение в откровенно пренебрежительном тоне. Автор (В.П. Буренин), искажая содержание книги, свел его к фразе «Россия — не Европа»²³. Примерно в этом же духе, были написаны заметки в «Голосе», в «Новом времени» и, наконец, в «Деле»²⁴.

В «Русском вестнике» свое отношение к труду Н.Я. Данилевского высказал историк Петр Карлович Щебальский, который в нескольких словах небрежно изложил теорию культурно-исторических типов, представив ее автора изоляционистом, после чего гордо резюмировал: «ныне культура одна для всех»²⁵. Правда, он отметил, как заслуживающую внимания, идею Данилевского о величии славянского мира. За эту положительную оценку и ухватился Н.Н. Страхов в своей ответной статье в «Заре»²⁶. Он, прежде всего, акцентировал внимание читателя на оригинальности идей, изложенных в книге²⁷. Страхов всячески приглашал Щебальского к дальнейшей дискуссии, полагая, очевидно, что она могла бы привлечь внимание общественности к «России и Европе», но попытка эта оказалась тщетна. По всей видимости, историк считал, что ему нечего добавить к его первой статье.

Следующим критиком Данилевского стал экономист и публицист либерально-западнического направления В.П. Безобразов. Хотя он и признал необходимость глубокого уважения и внимания к «России и Европе» в сво-

²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1869. №119.

²⁴ Голос. 1869. №207; Новое время. 1869. №151; Дело. 1871. №4.

²⁵ Щебальский П.К. Заметка // Русский вестник. 1869. №7–8. С. 368.

²⁶ Страхов Н.Н. Критические заметки о текущей литературе // Заря. 1869. №7.

²⁷ Там же. С. 145–147.

ей работе «Война и революция»²⁸, но реальных попыток проанализировать взгляды автора не делал, ограничившись приведением примеров, по его мнению, иллюстрирующих несоответствие теории культурно-исторических типов реальности. Выводы Безобразова в целом не отличались от выводов предшественников.

Обратил свое внимание на книгу «Россия и Европа» и Н.К. Михайловский, социолог, публицист, литературный критик. Первоначально, его заинтересовала не теория Данилевского и практические выводы из нее, а сам труд как прекрасный образчик однобокости, который публицист приберет до удобного случая. Он представился в связи с критикой позитивизма, где он практически механически вставил пару страниц о «России и Европе» как занимательную иллюстрацию черно-белого мышления²⁹. Всерьез книгой Данилевского он заинтересовался несколько позже. В 1877 г. им была издана специально посвященная ей статья «Россия и Европа». Если в первой своей работе публицист, как и большинство первых критиков идей Данилевского, вовсе не стремился к их глубокому анализу, а лишь руководствовался желанием высказать свое несогласие с ними, то во второй — он попытался разобраться в теории культурно-исторических типов, дать полный ее критический разбор. Безусловным для Михайловского был тот факт, что книга посвящена исключительно доказательству того, что «славянский вопрос есть наш внутренний вопрос»³⁰.

Публицист полагал, что концепция Данилевского построена исключительно на факте существования национальных особенностей, что, по его мнению, перечеркивает ее научность, так как национальные особен-

²⁸ *Безобразов В.П.* Война и революция. М., 1873.

²⁹ *Михайловский Н.К.* Суздальцы и суздальская критика // Сочинения. Т. 4. СПб. 1897. С. 74.

³⁰ *Он же.* Россия и Европа. Записки профана // Сочинения. Т. 3. СПб. 1909. С. 874. Далее *Михайловский Н.К.* Россия и Европа.

ности есть, но научно их описать невозможно³¹. Несмотря на благожелательность и отсутствие агрессии в критике Михайловского, нельзя сказать, что он хоть как-нибудь ее поддержал. Теория Данилевского была абсолютно неприемлема для него. Он четко противопоставлял ей теорию классов: «взаимное отношение общественных сил, а не национальность должно стать основанием расположения исторического материала»³².

Кроме Н.Н. Страхова в этот период открыто воздал должное заслугам автора «России и Европы» В.И. Ламанский, ученый славист и общественный деятель. Правда, их констатации он уделил всего пару строчек в своей работе «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»³³. Больше к этому вопросу Ламанский не возвращался, даже когда вокруг книги разгорелись ожесточенные споры в 80–90-х гг. XIX в.

Как блистательные оценил статьи Данилевского в «Заре» и историк К.Н. Бестужев-Рюмин³⁴. Несколько более активно выступил О.Ф. Миллер, литературовед и публицист, уделявший особое внимание в своих работах славянскому вопросу. Но отношение его к книге «Россия и Европа» было весьма противоречиво и далеко не всегда положительно. В 1870 г. он опубликовал статью «Русско-славянский вопрос и “начало народности”», где подробнейшим образом сопоставил взгляды Н.Я. Данилевского с точкой зрения Р.А. Фадеева относительно славянского вопроса³⁵. Миллер писал о пора-

---

³¹ Михайловский Н.К. Россия и Европа. С. 880.

³² Там же. С. 883.

³³ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 11. Далее Ламанский В.И. Об историческом изучении...

³⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1972. С. 4.

³⁵ Р.А. Фадеев (1824–1883) в 1869 г. издал ряд статей под общим названием «Мнение о Восточном вопросе». В 1870 г. они с дополнениями были изданы отдельной книгой.

зительной схожести идей этих двух мыслителей, хотя они и незнакомы (что является фактической ошибкой, так как Фадеев сам ссылался на автора «России и Европы» в своей работе³⁶). Публицист отдавал должное теории культурно-исторических типов³⁷, но при этом все-таки подчеркивал, что идея Данилевского о необходимости борьбы для выживания славянских народов слишком тягостна³⁸.

Если подвести итог всему вышесказанному, то следует отметить, что уже сразу после выхода в свет «России и Европы» была заложена традиция однобокого восприятия идей Данилевского. В его книге видели лишь практические выводы, их критиковали, теорию же культурно-исторических типов признавали антинаучной. Эта тенденция получила всестороннее развитие во время оживленных дискуссий 80–90-х гг. XIX в.

У историософии Данилевского противников и сторонников было примерно поровну. Ее антинаучность пытались доказать В.С. Соловьев, Н.И. Кареев, П.Н. Миллюков. На обратном настаивали К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. Их работам была присуща публицистичность, хотя все авторы, естественно, заявляли о своей решимости дать научную оценку труду Данилевского. По сути, научной критикой можно назвать статьи лишь историков К.Н. Бестужева-Рюмина и Н.И. Кареева.

К.Н. Бестужев-Рюмин всегда особое внимание уделял изучению историографии. В ней, по его мнению, труд Данилевского занимает одно из виднейших мест. С самого начала отношение историка к теории культурно-исторических типов было сугубо положительным. Он не уставал повторять, что Данилевский умнейший чело-

³⁶ *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе // *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2003. С. 430.

³⁷ *Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. СПб., 1877. С. 96.

³⁸ Там же. С. 97–98.

век, а его книга — это открытие в истории философии, а его позиция по вопросу о судьбе России — бесценный гражданский поступок. Эти оценки переходили из одной журнальной статьи в другую³⁹. В сущности, он был прав, первопричиной нападков на книгу «Россия и Европа» была общественная позиция оппонентов и отсюда неприемлемость практических выводов Данилевского для большинства из них.

Сам Бестужев-Рюмин, к сожалению, не смог помочь увести споры вокруг сочинения в другую сторону. Он один из немногих пытался анализировать содержание «России и Европы» с научной точки зрения, но его попытка обернулось прямым пересказом идей Данилевского. Изложив содержание книги в статье объемом в десять раз меньше, чем первоисточник, он оказал дурную услугу ее автору. Его теория была упрощена (потерялись сложные логические связи), причем пересказ был внешне столь похож на оригинал, что соблазнял судить по нему о самом труде, тем более осилить статью было куда проще, чем объемистую книгу. Таким образом, можно сказать, что Бестужев-Рюмин не смог научно переработать содержание, выяснить границы возможного реального применения теоретических идей Данилевского в исторической науке, ограничившись хвалебными одами, сами по себе ничего не значившими.

Работа Н.И. Кареева «Теория культурно-исторических типов»⁴⁰ немногим уступила по объему статье Бестужева-

³⁹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Николай Яковлевич Данилевский // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1885. №10. *Он же.* Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. №5. Далее *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. *Он же.* О книге Н.Я. Данилевского «Сб. политических и экономических статей» // Русский вестник. 1895. №3.

⁴⁰ *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов // Русская мысль. 1889. №9. Далее *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов.

Рюмина. За стремлением историка научно осмыслить новую теорию стояло плохо скрываемое раздражение. Источником его были претензии Данилевского создать «естественную» методологию исторической науки, которые не могли не раздражать уже вполне сложившегося ученого, воспитанного в лоне этой науки, имеющего большие наработки в области методологии, и кому же, как ни ему, следовало дать отпор бесцеремонному биологу. Именно это желание руководило Кареевым при написании статьи. И тут он особо не разбирал средства: путал теоретические выводы с практическими, перефразировал законы развития культурно-исторических типов и оценивал их по своим формулировкам, вырывал из контекста фразы, описывающие сходные вопросы, и ставил их рядом, чтобы указать на «явное» противоречие. Основываясь на результатах, полученных подобным способом, Кареев делал вывод, что непоследовательность лежит в основе книги «Россия и Европа»⁴¹.

В самом начале своей статьи историк заявил, что, прежде всего, его интересует теория культурно-исторических типов, но он часто не различал или не хотел различать теорию и практические выводы в книге Данилевского, по сути, вся его критика сводилась к абсолютному неприятию последних и доказательству, что теория искусственно выдумана ради их обоснования⁴². Для того, чтобы сорвать научную личину с «воинствующего славянофила», Кареев доказывал антинаучность его теории. Суть доказательства сводилось к поискам у Данилевского позитивизма. Как истинный позитивист Кареев считал, что оспорить научно это учение нельзя, следовательно, и автор «России и Европы» не смог уйти от него. Обвиняя его в нечистоплотном изоляционизме, Кареев искал в теоретических построениях нали-

⁴¹ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 30.

⁴² Там же. С. 5.

чие единой линии исторического развития и находил ее в весьма некорректно вырванных из контекста фразах, тем самым доказывая, что Данилевский не может быть основателем новой теории истории, обосновывающей принцип мультилинейности развития человечества, так как не смог преодолеть старую систему. Таким образом, Кареев представлял книгу Данилевского как глубоко противоречивую, а ее автора — как человека, не сумевшего сделать ничего нового в исторической науке. Конкретные положения работы Кареева в дальнейшем развитии в историографии не получили, но его общее отрицательное отношение к историософии Данилевского вполне было созвучно общепринятой точке зрения по данному вопросу.

Куда большее влияние на историографию оказали Н.Н. Страхов и В.С. Соловьев. Именно их оценки в дальнейшем использовали исследователи. Они были ключевыми фигурами в научных, полунаучных и совсем ненаучных спорах вокруг книги «Россия и Европа». На фоне статей В.С. Соловьева работы Страхова выглядели куда более взвешено и трезво, однако, следует отметить, что последний сам породил миф, который впоследствии долго мешал трезво взглянуть на содержание «России и Европы». Имя это мифа — «катехизис славянофильства». Страхов смог всем доказать, что Данилевский — славянофил, и именно из этой аксиомы в дальнейшем исходили его критики. Хотя последний на страницах своей книги очень четко показал разницу между своими взглядами и учением славянофилов⁴³.

При всех хвалебных речах Страхова в адрес автора «России и Европы» и его «строго научной концепции философии истории, объясняющей многое»⁴⁴, сам он не смог осмыслить теорию культурно-исторических ти-

---

⁴³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 117.

⁴⁴ Страхов Н.Н. Жизнь... С. XVII.

пов как научную теорию, на основе которой можно проводить исследования, для него она важна, прежде всего, своими конкретными выводами. Это вполне естественно, ведь Страхов не ученый, а публицист. С его легкой руки такое глубоко публицистичное восприятие «России и Европы» стало общепринятым. И тут пример Н.И. Кареева, посвятившего свою статью номинально критике теории культурно-исторических типов, а фактически критике конкретных выводов, сделанных автором на основе этой теории, очень типичен.

Полемика Н.Н. Стрхова и В.С. Соловьева продолжалась в общей сложности шесть лет, причем степень ожесточенности ее со временем нарастала. Фактически, дискуссию открыл сам Н.Я. Данилевский, опубликовав статью «Владимир Соловьев о православии и католицизме» в журнале «Известия славянского благотворительного общества» в 1885 г. В ней он с теоретических позиций своей историософии критиковал взгляды философа относительно исторического прогресса как слишком огрубленную схему противостояния Востока и Запада⁴⁵. В.С. Соловьев ответил ему в том же журнале статьей «Ответ Н.Я. Данилевскому». Работа эта была более чем тактичная. Философ выказывал уважительное отношение к автору «России и Европы» и даже признавал его теорию с некоторыми оговорками⁴⁶. Тон Соловьева изменился коренным образом через три года, когда он опубликовал в 1888 г. статью «Россия и Европа» в журнале «Вестник Европы», где дал довольно резкую оценку труду Данилевского (уважение к личности самого автора пока еще присутствовало).

Суть возражений философа глубоко публицистична. По его мнению, теория Данилевского возводит рознь,

---

⁴⁵ Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев о православии и католицизме. С. 275–276.

⁴⁶ Соловьев В.С. Ответ Н.Я. Данилевскому // Собрание сочинений. 2-е изд. СПб. 1911–1914. Т. 4. С. 195.

существующую в человечестве, в закон, и поэтому не может считаться истиной⁴⁷. Таким образом, главное возражение Соловьева против книги «Россия и Европа» — это изоляционизм ее автора, окрашенный в националистические цвета. Он не пожалел красок, чтобы нарисовать национализм Данилевского в самом неприглядном виде. А чтобы смирить национальную гордыню, заявил, что славянам в области культуры и науки вообще гордиться нечем⁴⁸. Так же Соловьев подверг резкой критике мысли автора «России и Европы» о четырехосновности славянского культурно-исторического типа. Соловьев стремился показать, что Данилевский ставит русских выше других славян, хочет утвердить главенствующую власть России на Балканах, что было очевидным искажением идей последнего (он был именно панславистом, а не русским националистом). В сущности, в этом споре столкнулись две историософские системы, противоречившие друг другу.

Дело в том, что к этому моменту В.С. Соловьев был уже широко известен как автор ряда фундаментальных богословско-философских работ, как выдающийся религиозный мыслитель, необычно быстро преодолевающий ступени образования и науки. Он уже выработал собственную историософию, в ней, в частности, говорилось о необходимости соединения церквей, причем первое место должно было остаться за католичеством⁴⁹. В этом смысле историософия Данилевского с ее утверждениями о самобытности славянского культурно-исторического типа находилась в прямом противоречии с идеями В.С. Соловьева. По всей видимости, оно и стало главной причиной неприятия философом концепции

---

⁴⁷ Соловьев В.С. Россия и Европа // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1989. С. 335.

⁴⁸ Там же. С. 386.

⁴⁹ Он же. Письма. СПб., 1908. Т. 1. С. 114.

Данилевского и активной борьбы с ней на страницах журналов.

Страхов был возмущен статьей Соловьева и ответил работой «Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью г. Вл. Соловьева»⁵⁰. Вслед за этим Соловьев опубликовал статью «О грехах и болезнях»⁵¹. Далее дискуссия продолжалась с еще большим ожесточением: Страхов: «Последний ответ Вл.С. Соловьеву»; Соловьев: «Письмо в редакцию»; Страхов: «Спор из-за книг Н.Я. Данилевского»; Соловьев: «Мнимая борьба с Западом»; Страхов: «Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского»; Соловьев: «Счастливые мысли г. Страхова»⁵². На последнюю статью Страхов, вняв уговорам Л.Н. Толстого отвечать, не стал.

Ободренный своим успехом и молчанием оппонента, В.С. Соловьев решился окончательно перечеркнуть ненавистную теорию, обвинив ее автора в плагиате, на эту-то статью и дал свой последний, несколько запоздалый, ответ Страхову⁵³. В сущности, позиции оппонентов за годы полемики не изменились. Соловьев вполне четко сформулировал свои возражения против теории культурно-исторических типов еще в статье «Россия и Европа», Страхов обозначил свое отношение к труду

⁵⁰ *Страхов Н.Н.* Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью г. Вл. Соловьева // Русский вестник. 1888. №6.

⁵¹ *Соловьев В.С.* О грехах и болезнях // Вестник Европы. 1889. №1.

⁵² *Страхов Н.Н.* Последний ответ Вл. Соловьеву // Русский вестник. 1889. №2; *Соловьев В.С.* Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1889. №3; *Страхов Н.Н.* Спор из-за книг Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. №12; *Соловьев В.С.* Мнимая борьба с Западом // Русская мысль. 1890. №8; *Страхов Н.Н.* Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского // Новое время. 1890. 20 сент., 20 ноября; *Соловьев В.С.* Счастливые мысли г. Страхова // Вестник Европы. 1890. №11.

⁵³ *Соловьев В.С.* Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. №12; *Страхов Н.Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1894. №10.

друга сразу же после его написания. Их позиции далее не менялись, менялся тон философа, и если поначалу он давал лишь негативные, часто эмоционально окрашенные оценки труду Данилевского, то потом шел уже на прямые подтасовки фактов, передергивание фраз и т.п. Обличительный тон сменился на сарказм и откровенное издевательство над Данилевским, Страховым и «Россией и Европой».

Соловьев стремился последним поставить точку в этом споре и он заметно преуспел. По его статьям судили о Данилевском, по его стопам шел П.Н. Милюков, на его авторитет в этом вопросе прямо ссылался Н.А. Бердяев⁵⁴. Как ни странно, но именно Соловьев, а не Кареев заложил основы определенного восприятия «России и Европы» как в общественном мнении, так и в последующей научной и около научной литературе.

Это не случайно. Основательную критику теории культурно-исторических типов дал Кареев, перечеркнув всю ее научную значимость, после чего она была лишена права быть научной работой и в глазах всех стала исключительно философской, а в области философии исключительным авторитетом обладал именно Владимир Соловьев. Кто был Страхов — «литературный изгнанник» как о нем отзывался В.В. Розанов. Соловьев же — известный философ, так еще и овеванный ореолом страдальца⁵⁵, который многократно усилил к нему симпатии либеральной части общественности. Он редактировал философскую часть Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где написал нелестную статью о Данилевском⁵⁶, а ведь многие справкой в

---

⁵⁴ Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1997. С. 58.

⁵⁵ В.С. Соловьев выступил на публичной лекции с просьбой отменить казнь первомайковцам, после чего вынужден был оставить преподавательскую деятельность.

⁵⁶ Соловьев В.С. Н.Я. Данилевский // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1893. Т. 10. С. 77–80.

этом солидном издании начинали и заканчивали изыскания по данному вопросу. Чаще всего последующие исследователи шли вслед за Соловьевым, подтверждая его высказывания или опровергая.

Во многом голос философа звучал так твердо потому, что другие приверженцы теории культурно-исторических типов или молчали, или весьма скромно высказывали свое отношение. Так, например, Ф.М. Достоевский, писатель, философ и публицист, ознакомившись с журнальным вариантом книги «Россия и Европа» пришел в восторг⁵⁷, но этот восторг остался лишь в его личной переписке, к тому же он несколько сожалел, что Данилевский опередил его.

Ф.И. Тютчев называл Данилевского «ревнителем в уровень со своими притязаниями», убежденным человеком, являющим собою «редкое и освежительное явление»⁵⁸. Очевидно, ему был симпатичен политический панславизм автора «России и Европы», действительно, в чем-то созвучный с его собственной позицией, высказанной им в опубликованных за границей в конце 1840-х гг. работах «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», а также в неоконченном трактате «Россия и Запад», найденном после смерти поэта в его бумагах И.С. Аксаковым⁵⁹. Хотя, безусловно, следует отметить, что позиция двух мыслителей была схожа лишь отчасти. Тютчев, отдав должное таланту и уму Данилевского в своей личной переписке, публично его точку зрения нигде не защищал.

Через семь лет после первой своей статьи о «России и Европе» О.Ф. Миллер написал новую. На этот раз его отношение к труду Данилевского было скорее негативным, чем положительным. Вслед за Страховым он пи-

---

⁵⁷ Достоевский Ф.М. ППС. Т. 29. Кн. 1. М., 1986. С. 25, 30.

⁵⁸ Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1980. С. 242.

⁵⁹ Он же. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 2003.

сал о нем как о последователе славянофильского учения и, в тоже время, видел, что его взгляды далеко не всегда можно хоть как-то сопоставить с позицией, например, А.С. Хомякова. Для Миллера авторитет последнего был непререкаем. Соответственно, вслед за Хомяковым он утверждал, что славянство, прежде всего, необходимо самой Европе.

Таким образом, для него было неприемлемо утверждение Данилевского о невозможности существования внутреннего единства между германо-романским и славянским культурно-историческими типами. Более того, необходимость придерживаться трезвого расчета в проведении внешнеполитического курса, о которой писал автор «России и Европы», побуждало Миллера к еще более резкой оценке его труда, названного им даже «антихристианским»⁶⁰. С другой стороны, он соглашался с Данилевским, что следует всеми силами помогать славянским народам обрести независимость и оберегать их от чуждых западных влияний⁶¹.

Религиозный философ В.В. Розанов также не сомневался, что Данилевский славянофил. Он опубликовал две статьи о нем, где в основном опровергал обвинения в плагиате⁶², о самой теории философ практически не говорил, хотя в своей личной переписке указывал, что абсолютно согласен с автором «России и Европы» относительно его теории культурно-исторических типов⁶³.

На сторону Страхова в споре с Соловьевым встал и К.Н. Леонтьев. Он уделял большое внимание славянской проблематике в своем творчестве. В юности увлекшись либерализмом довольно быстро разочаровался в

---

⁶⁰ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 274, 312.

⁶¹ Там же. С. 311.

⁶² Розанов В.В. О борьбе с Западом в связи с деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. 1890. №4. Он же. Поздние фазы славянофильства: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев // Литературные очерки. СПб., 1899.

⁶³ Он же. Литературные изгнанники. М., 2001. С. 186.

нем из-за его «примитивно-уравнительной» сущности. Для него на протяжении всей жизни будет основополагающим принцип «разнообразия и эстетизма». Именно буйство красок Балканского полуострова, где проведет не один год как дипломат, а потом и как частное лицо привлечет его внимание к этому региону и будет способствовать его духовному перерождению. Отойдя от либерализма философ не стал консерватором в полном смысле слова, его историософская система имела целый ряд особенностей. В своих работах «Византизм и славянство», «Храм и Церковь», «Письма отшельника», «Письма о Восточных делах»⁶⁴ он рассматривал многие вопросы, связанные с идеей славянского братства, отсюда возникает вопрос, в какой степени сделанные им выводы перекликались с идеями Н.Я. Данилевского, на защиту которых он впоследствии встал⁶⁵. Его здравые замечания относительно несправедливости многих обвинений Соловьева, попытки осмыслить идеи Данилевского, все это вряд ли могло быть воспринято адекватно общественностью, коль скоро это исходило из уст человека, не пользовавшегося большой популярностью в обществе.

Не могла способствовать популярности книги и статья малоизвестного публициста Н.М. Соколова, который написал в равной степени длинную и скучную работу, где с придыханием говорилось о величии двух «главных славянофилов» Данилевского и Хомякова⁶⁶ и абсолютной идентичности их взглядов.

---

⁶⁴ *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Собрание сочинений и писем в 12-ти тт. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005; *Леонтьев К.Н.* Храм и Церковь // Там же; *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника // Там же; *Леонтьев К.Н.* Письма о Восточных делах // Собрание сочинений. М., 1912. Т. 5.

⁶⁵ *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского // *Леонтьев К.Н.* Храм и Церковь. М., 2003.

⁶⁶ *Соколов Н.М.* Хомяков А.С. Данилевский Н.Я. // *Русский вестник.* 1904. №7.

В полемике 1880–1890-х гг. поучаствовал и П.Н. Миллюков, известный историк и тогда уже начинающий политик⁶⁷. Его критика не носила даже оттенка научности. Он не ссылаясь на идеи предшественников, он, Миллюков, сам выносил приговор, хотя, в сущности, буквально дословно повторял все пункты обвинений В.С. Соловьева в адрес историософии Данилевского. Единственно, что Миллюков изменил — это, рассматривая идеи автора «России и Европы» о четырехосновности славянского типа, сосредоточил все свое внимание на критике представлений ученого о возможностях развития института «общины», оставив в покое способность славян к наукам и искусствам. Кроме того, Миллюков первым изобрел термин «эпигон славянофильства», которым удостоил не только Н.Я. Данилевского, но и К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева. Забегая вперед, следует отметить, что этот «ярлык» перекочевал в советскую историографию, где его активно использовали большинство исследователей, упоминавших имя автора «России и Европы».

Интерес к сочинению Данилевского начинает ослабевать на рубеже XIX и XX вв., что связано просто с изменением проблематики, интересующей общественность. На некоторое время имя автора «России и Европы» появляется на страницах уже эмигрантской философской публицистики. Это связано с попыткой переосмысления наследия общественной мысли XIX в., для преодоления мировоззренческого кризиса тех осколков русской интеллигенции, что оказались после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции. Этот период является логическим продолжением первого. В корне образ автора «России и Европы», нарисованный в исто-

---

⁶⁷ Миллюков П.Н. Разложение славянофильства: Н. Данилевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903.

риографии еще В.С. Соловьевым, не менялся. Просто Данилевский и его книга были вписаны в общую канву развития общественной мысли России в дореволюционный период, без особых изменений в оценках⁶⁸. Пожалуй, единственным исключением тут была позиция Н.А. Бердяева, который, следуя во всех своих рассуждениях прямо за В.С. Соловьевым, впервые заговорил о схожести идей Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера⁶⁹.

Отголоском этой историографической линии являлся труд чешского философа и политика Т. Масарика «Россия и Европа». Будучи представителем западной науки, он, тем не менее, увлекся трудами Ф.М. Достоевского и решил через русскую литературу постичь Россию изнутри⁷⁰. Масарик написал историю философской мысли в России, озаглавив ее «Россия и Европа». В этой книге нашлось место и Данилевскому. Сконцентрировав все свое внимание на «биологическом национализме» автора теории культурно-исторических типов, он довольно неточно пересказал саму теорию, подчеркивая ее несостоятельность⁷¹. В дальнейшем эта мысль в западной историографии не получила развития, так как самой историографии по данному вопросу на Западе на протяжении пятидесяти лет просто не существовало.

Не было в это время и советской историографии по данному вопросу. Можно назвать лишь две работы, где вкратце рассматривался труд Данилевского: «Дипломатия

---

⁶⁸ Примером тут могут служить труды В.В. Зеньковского «История русской философии». Л., 1991. Т. 1; «Русские мыслители и Европа». М., 1997.

⁶⁹ Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Освальд Шпенглер и «Закат Европы». М., 2000. С. 61.

⁷⁰ Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб., 2000. С. 3.

⁷¹ Т.Г. Масарик хорошо знал статьи В.С. Соловьева о Н.Я. Данилевском и даже ссылался на него.

и войны царской России в XIX столетии» М.Н. Покровского и «Славянофилы и Славянофильство» С.С. Дмитриева⁷².

Покровский весьма оригинален в своих оценках. Едва ли еще кто-нибудь кроме него отвел столь «высокое» место в общественной жизни пореформенного времени книге «Россия и Европа» и ее автору. Для Покровского Данилевский — это создатель официальной идеологии царствования Александра III⁷³. Всю историософию автора «России и Европы» историк свел к обожествлению крепостнического режима, что абсолютно неверно.

Дмитриев писал в ином ключе о Данилевском и его книге. Он впервые попытался критически подойти к определению места сочинения ученого в общественной мысли пореформенной России. По его мнению, абсолютно необоснованно относить автора «России и Европы» к славянофилам, так как сущность его воззрений в корне отлична от установок этого направления. Дмитриев полагал, что труд Данилевского — это образец реакционного панславизма. Забегая вперед, следует отметить, что мысль Дмитриева в дальнейшем не была развита⁷⁴.

Книга «Россия и Европа» вновь приковала к себе внимание после окончания Второй мировой войны, но,

---

⁷² Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923; Дмитриев С.С. Славянофилы и «Славянофильство» // Историк-марксист, 1941. №1.

⁷³ Покровский М.Н. Указ. соч. С. 248.

⁷⁴ Отнесение Н.Я. Данилевского к славянофилам традиционно для советской историографии. Кроме С.С. Дмитриева, с научной точки зрения также оспорил это утверждение уже в 1980-е гг. Н.И. Цимбаев в своей работе «Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века», М., 1986, он указал на принципиальные отличия взглядов истинных славянофилов и Н.Я. Данилевского.

правда, уже западных исследователей. Связано это было, с одной стороны, с международной обстановкой, противостоянием двух враждебных внешнеполитических блоков, следствием которого был, в частности, интерес к истории противника, с другой стороны, все большее признание в западных общественных науках получала теория цивилизаций, одним из основоположников которой наряду со О. Шпенглером назывался и Н.Я. Данилевский. Интерес этот стих к середине 70-х гг. XX в. В данный период времени появилось ряд крупных исследований, посвященных как исключительно философии истории автора «России и Европы», так и общих работ, где его наследию отводилось видное место⁷⁵. Наиболее ощутимый след в западной историографии этого периода оставили два ученых: П.А. Сорокин и Р. Мак-Мастер.

П.А. Сорокин, американский социолог (русский эмигрант первой волны) фактически основал школу социологии в США, его мнение имело огромный научный вес. Им не просто на основе идей Данилевского была выработана собственная концепция развития всемирно-исторического процесса, он активно пропагандировал историософию автора «России и Европы», доказывая ее

---

⁷⁵ *Fander F.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karamzin to Danilevsky (1800–1870). Georgetown, 1962; *Hare R.* Pioneers of Russian Social thought. N.Y., 1964; *Kohn H.* Dostoyewsky. Nationalist Messianism // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Boston. 1856; *Mac-Master R.* Danilevsky, a Russian totalitarian philosopher. Cambridge (Mass.), 1967; *Mac-Master R.* The question of H. Ruckert's influence on Danilevsky // The American Slavic and East European Review. 1955. №1–2; *Mac-Master R.* Danilevsky and Spengler: New interpretations // The J. of Modern History. 1954. №2; *Petrovich M.B.* The emergence of Russian panslavism, 1856–1870. N.Y., 1956; *Schapiro L.* Rationalism and nationalism in Russian nineteenth-century political thought. New-Haven–L., 1967; *Sorokin P.A.* Sociological Theories of today. N.Y., 1966; *Sorokin P.* Social philosophies of an Age Crisis. Boston. 1951; *Thaden E.C.* Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia. Seattle, 1964.

научную значимость. По сути, как в свое время В.С. Соловьев благодаря своему авторитету сделал теорию антинаучной, так спустя полвека П.А. Сорокин сделал ее всеми признанной. Для всех стало очевидным, что Данилевский предшественник О. Шпенглера и создатель новой методологии истории.

Р. Мак-Мастер сделал также очень много для признания теории культурно-исторических типов. Этот западный исследователь долго и основательно изучал творчество Данилевского, посвятив ему ряд работ и научных докладов. Одной из главных его заслуг является научное опровержение обвинений В.С. Соловьева в плагиате. Он произвел тщательную экспертизу: сопоставление текстов Данилевского и Г. Рюккерта, и выявил принципиальные отличия во взглядах двух ученых. Работы Мак-Мастера полны субъективизма и, оценив теорию культурно-исторических типов, он резко осудил внешнеполитическую доктрину Данилевского⁷⁶. Подобная точка зрения относительно практических выводов из историософии Данилевского вполне общеупотребительна в западной науке, и тут Мак-Мастер не привнес ничего нового.

Следует отметить, что, несмотря на негативное отношение к панславизму автора «России и Европы», западная историография в целом признала его теорию. Цивилизационный подход изучения истории в глазах многих выглядел весьма перспективно, его активно применяли в построении различных исторических и социологических концепций, а Данилевский занял почетное место одного из основателей данного направления. Однако действительно серьезных и глубоких исследований об его историософии так и не появилось, взяли из нее основную идею (существование культурно-исторических типов и множественность линий про-

---

⁷⁶ Mac-Master R. Danilevsky a Russian totalitaren filosofhen. P. 3–4.

гресса) и развили ее, особо не вглядываясь, что за ней стоит.

Западная историография не только признала научную значимость теории культурно-исторических типов, она еще и породила советскую историографию 1960–1980-х гг. по данному вопросу. Большинство работ этого периода начинаются с констатации необходимости опровергнуть извращенную методологию истории, столь популярную на Западе⁷⁷. Выводы исследователей были понятны заранее. Общим местом в данных работах была констатация, что Данилевский – эпигон славянофильства, его взгляды враждебны прогрессу, следовательно, теория культурно-исторических типов антинаучная. При доказательстве этого исследователи придерживались стандартной схемы, выбирая «возмутительные» цитаты из «России и Европы», часто даже не утруждая себя ссылкой на саму книгу, и опровергали их с помощью марксистско-ленинской методологии. Конечно, в каждом правиле есть свои исключения. В данном случае им является небольшая статья В.А. Грубина⁷⁸, ко-

⁷⁷ *Гайденко П.П.* Наперекор историческому прогрессу // Вопросы литературы. 1974. №5; *Голосенко И.А.* Социальная философия неославянофильства: Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России: Сб. Л., 1978. *Он же.* Философия истории Питирима Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. №4; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в пореформенной России // Вопросы истории. 1986. №1; *Маркарян Э.С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван. 1962; *Мордовская Н.В.* К критике «философии истории» Н.Я. Данилевского // Философские проблемы общественного развития. М., 1971; *Протопопов М.А.* Кладбищенская философия // Дело. 1982. №6; *Пустарнаков В.Ф.* Концепция культурно-исторических типов (локальных цивилизаций) // Цивилизация и исторический прогресс. М., 1983; *Филатов А.Н.* Методологические аспекты концепции «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского. Автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук. Казань. 1979 и др.

⁷⁸ *Грубин В.А.* Проблема общего и особенного в теории в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. Экономика, философия. 1973. Вып. 2, №11.

торый поставил вопрос о «необходимости анализа взглядов Данилевского для постижения генезиса и сущности одной из оригинальных форм русского самопознания второй половины XIX в. и ее роли в исторических судьбах очень распространенной и устойчивой тенденции в мировой мысли»⁷⁹. Автор обозначил лишь возможные направления поиска.

В начале 90-х гг. XX века отношение к историософии Н.Я. Данилевского изменилось. Она оказалась в фокусе всеобщего внимания, другими стали и оценки ее научной значимости. В историографии этого периода следует отметить некую двойственность. Дело в том, что последнее десятилетие прошлого века было временем поиска «забытых пророков» и воздание должного их заслугам, причем к наследию мыслителей и к ним самим исследователи часто относились некритично. Среди этих пророков оказался и, безусловно, талантливый русский философ В.С. Соловьев, но его оценка труда Данилевского была явно нелестна, так еще и вряд ли ее можно признать объективной. Несмотря на это, его точка зрения оказала серьезное воздействие на современных исследователей творчества Данилевского. С другой стороны, многие ученые заговорили о кризисе исторической науки, о насущной потребности освободиться от оков марксизма-ленинизма, о необходимости создания новой методологии истории. В цивилизационной теории стали видеть достойную замену устаревшей методологии. На Западе Данилевский был признан как один из основоположников нового подхода к изучению всемирно-исторического процесса, и исследование его наследия приобретало, в этой связи, практическое значение. Теорию культурно-исторических типов признали научной (а ведь Соловьев таковой ее не считал) и нача-

---

⁷⁹ Грубин В.А. Указ. соч. С. 129.

ли активно изучать. В различных по объему работах⁸⁰, посвященных историософии Данилевского, соседствуют в той или иной мере негативные оценки В.С. Соловьева и признание научности теории Данилевского, которую пересказывают, осуждают, хвалят.

Повышенный интерес к творчеству мыслителя, к сожалению, порождает и спекуляции с его идеями. Данилевского можно записать в «пророки». Использовать его авторитет, защищая свои политические убеждения. Как например, поступил А.С. Панарин, призвав использовать внешнеполитическую доктрину Данилевского в политической практике современной России⁸¹. По тому же пути пошли и авторы двух работ Л.Е. Шкляр, А.А. Штоквиш и А.Н. Аринин, В.М. Михеев⁸².

⁸⁰ *Банков С.И.* Идеиная борьба вокруг философско-исторической доктрины Н.Я. Данилевского // Из истории религиозной философии в России XIX – нач. XX вв. М., 1990; *Важинский В.М.* Историсофская концепция Н.Я. Данилевского // История – Философия – Культура. Историко-философские чтения, посвященные 40-летию Липецкой области. Липецк, 1994; *Евтушенко Л.П.* Социальная эволюция: гносеологические аспекты исследования А. Тойнби и Н.Я. Данилевского // Логика, методология, философия науки: тезисы междунаро. конференции. Обнинск. 1995; *Киселев Л.С.* Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский в общественной мысли России в последней трети XIX в. // Россия в XIX – нач. XX века. // Научные чтения. Ростов-на-Дону, 1992; *Киселев С.Н.* Апостол русской цивилизации // Проблемы мирового устройства и международных отношений в общественно-политической мысли XIX – XX вв. Симферополь, 1996; *Корнеев И.В.* Н.Я. Данилевский в российской цивилизации // Социум. 1995. №1. *Михеев В.М.* Парабола культуры у Н.Я. Данилевского и Х. Ортеги-Гассета // Социальная теория и современность. Вып. 10. М., 1993; *Павленко А.Н.* Прошлое и настоящее теории Данилевского // Россия и Европа: опыт сборного анализа. М., 1992; *Федотова В.Г.* Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. №12. и др.

⁸¹ *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим» // Вопросы философии. 1996. №10.

⁸² *Шкляр Л.Е., Штоквиш А.А.* Н.Я. Данилевский как культуролог и геополитик // Философская и социологическая мысль. 1992. №12; *Аринин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996.

Украинские исследователи Шкляр и Штоквиш, в выводах обратили особое внимание читателя на то, что «арсенал политических правил», предложенных автором «России и Европы» весьма опасен, в особенности если современные политики захотят ими воспользоваться⁸³. Там, где украинские ученые поставили минусы Аринин и Михеев поставили плюсы. Авторы не утруждали себя глубоким анализом идей русского мыслителя. Зато пытались старательно подвести читателя к мысли, что, с одной стороны, Данилевский был либералом, а с другой, приверженцем жесткой формы правления и время показало, что именно она лучше всего подходит России. И наконец, исследователи рекомендовали идеи автора «России и Европы» принять за руководство к действию⁸⁴.

В это же время появляются и серьезные научные исследования. Одной из первых попыталась пересмотреть оценки советской историографии Л.Р. Авдеева⁸⁵. Идеями Данилевского она заинтересовалась еще в начале 1980-х гг.⁸⁶ В чем-то ее отношение к «России и Европе» напоминает позицию советских историков. Так, например, Авдеева пишет об ультранационалистических взглядах Данилевского. Однако не на них она акцентирует свое внимание. Для нее, прежде всего, важна его историософия сама по себе. Исследователь приходит к выводу, что автор «России и Европы» стремился «гармонии согласованной целесообразности», а его концепция была попыткой противостоять надвигающемуся глобальному кризису культуры. В своей книге Дани-

---

⁸³ Шкляр Л.Е. Штоквиш А.А. Указ. соч. С. 140, 154, 157.

⁸⁴ Аринин А.Н. Михеев В.М. Указ. соч. С. 73, 83, 177, 197.

⁸⁵ Авдеева Л.Р. Русские мыслители. А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. М., 1992. Далее Авдеева Л.Р. Русские мыслители...

⁸⁶ Авдеева Л.Р. Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Серия V. Философия. 1982. №3.

левский использовал рациональные доводы и эмоциональные оценки, там же где возникали противоречия, он прибегал к апелляции к Божественному предначертанию. Именно в этом Авдеева видела причину того, что идеал Данилевского статичен⁸⁷.

На Книгу «Россия и Европа» обратил свое внимание и Ю.С. Пивоваров⁸⁸, отношение которого к Данилевскому двойственное: констатация заслуг ученого перед наукой и огромной значимости его теории соседствует с выводами о порочность теории, призывающей к агрессивному национализму, нетерпимости и т.п.

Менее резко, но, в сущности, ту же позицию занял и еще один исследователь наследия Данилевского С.И. Бажов. Им написан целый ряд работ, посвященных творчеству автора «России и Европы», изданных и в 80-е, и в 90-е гг.⁸⁹ В 1997 г. вышла в свет его монография⁹⁰, кото-

---

⁸⁷ Авдеева Л.Р. Русские мыслители... С. 64, 100.

⁸⁸ Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. №1. *Он же.* Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первая треть XX вв. М., 1997.

⁸⁹ Бажов С.И. Понятие культурно-исторического типа и законы его движения в философии истории Н.Я. Данилевского // Человек, философия, культура. Вып. 1: Тезисы выступлений слушателей V Всесоюзной школы молодых ученых (Звенигород, 1984). М., 1984. *Он же.* Проблемы культуры и цивилизации в философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского // Социальная философия в России в XIX веке. М., 1985. *Он же.* Некоторые методологические аспекты изучения содержания славянофильства как направления общественной мысли // Проблемы исследования истории философии народов СССР (Тезисы докладов к Всесоюзной конференции «Методологические и мировоззренческие проблемы истории философии»). М., 1986. *Он же.* Культура и цивилизация в философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского (критический анализ): Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1989. *Он же.* Учения о культурной самобытности в философской и общественной мысли России XIX–XX вв. // Философия и культура в России: методологические проблемы. М., 1992.

⁹⁰ Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.

рая, по сути, является пересказом полемики вокруг «России и Европы», развернувшейся после смерти автора. На словах признавая значимость его концепции, Бажов фактически в своем исследовании проводит мысль о том, что теория культурно-исторических типов была создана исключительно для превращения мечты о славянской цивилизации в реальность, что очень созвучно идеям В.С. Соловьева. Бажов в своем исследовании идет не от книги Данилевского, а от критики этой книги в конце XIX в., которую он действительно исследует. Отсюда его выводы — это лишь сглаженные, с небольшими ремарками выводы публицистов XIX в.

Еще одну монографию о Н.Я. Данилевском написал К.В. Султанов⁹¹. Как и Бажов, он является также автором ряда исследований на эту тему, изданных еще в 1980-е гг., когда его точка зрения была вполне традиционной для советской историографии, и в 90-е гг., когда она несколько видоизменилась⁹². По мнению Султанова, истоки теории культурно-исторических типов следует искать исключительно в научной деятельности Данилевского. Но при этом, по его мнению, историософия автора «России и Европы» мало чем отличается от славянофильской доктрины, остается не совсем понятным как принципы естествознания могут быть тождественны идеям, построенным на философии Гегеля и Шеллинга. Также, по мнению Султанова, Данилевский

---

⁹¹ Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского. СПб., 2001.

⁹² *Он же.* Концепция «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского и современная западная философия истории // Философские и социологические исследования. Вып. XIII. Л., 1972. *Он же.* Философско-социологическая система Н.Я. Данилевского и ее толкование в современной буржуазной философии (критический анализ): Автореф. дис... канд. филос. наук. Л., 1975. *Он же.* Социальная философия Н.Я. Данилевского и проблема «культурно-исторических типов» в современной общественной мысли: Автореф. дис... д-ра филос. наук. СПб., 1995. *Он же.* Философия истории Н.Я. Данилевского (История и современность). СПб., 1995.

абсолютно свободен от влияния даже отголосков позитивизма, но как тогда быть с естественными методами познания общества. Подобного рода противоречия можно найти и в работах Н.Х. Нугмановой и Л.И. Александровой⁹³. Так, например, данные исследователи убеждены, что Данилевский был последователем учения славянофилов, и в тоже время, идеологом консерватизма, учителем и вдохновителем К.Н. Леонтьева.

В какой-то мере от этой двойственности удалось избавиться И.Н. Ионову и В.М. Хачатуряну. Но эти исследователи впали в другую крайность. Их коллективной монографии⁹⁴ присуща переоценка значимости цивилизационной теории. Авторы стремятся показать, что она и только она является венцом всех исканий в области методологии исторической науки. Видимо, для придания солидности данной теории они ищут ее истоки в Античности и Древней Руси. По их мысли, Д. Локк и Ш.А. Монтескье были одними из основоположников теории цивилизаций. Разгадка появления столь сенсационных суждений лежит в абсолютно некорректном употреблении авторами термина «цивилизация», который имеет множество различных значений. По мысли же исследователей получается, что всякий мыслитель, употребивший это слово, уже является приверженцем цивилизационного метода изучения истории. Хотя авторы находят теорию цивилизаций в трудах большинства мыслителей прошлого, они все-таки не лишают Н.Я. Данилевского лавров создателя «целостной концепции локальных цивилизаций», искренне удивляясь,

---

⁹³ *Нугманова Н.Х.* Н.Я. Данилевский о всемирно-историческом процессе: основные понятия и категории // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1997. №2. *Она же.* Н.Я. Данилевский: традиции цивилизационного подхода в отечественной историографии. Автореф. канд. дис. М., 1996; *Александрова Л.И.* Идейные споры вокруг культурологического наследия Н.Я. Данилевского. Автореф. канд. дис. Нижневартовск. 1998.

⁹⁴ *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций. СПб., 2002.

как столь блестящее начало не породило столь блестящего продолжения.

Большой вклад в дело изучения творческого наследия Н.Я. Данилевского внесли липецкие ученые. Ими были проведены историко-философские чтения, посвященные 175-летию со дня рождения мыслителя. В своих докладах и сообщениях, изданных потом в специальном сборнике, они рассмотрели различные составляющие концепции автора «России и Европы», неизменно подчеркивая их современную актуальность⁹⁵.

Автором ряда работ, посвященных изучению историософии Данилевского, является Б.П. Балугев⁹⁶. Дан-

---

⁹⁵ *Важинский В.М.* Н.Я. Данилевский о цивилизациях или культурно-исторических типах народов // Николай Данилевский: 175 лет. Липецк, 1998; *Данильченко В.Я.* Исторические корни рода Н.Я. Данилевского // Там же; *Дмитриев А.В.* Н.Я. Данилевский в оценках К.Н. Леонтьева // Там же; *Долгих А.Н.* Н.Я. Данилевский и К.П. Победоносцев // Там же; *Земцов Л.И.* Николай Данилевский: жизнь, идеи, оценки // Там же; *Калганов Н.Е.* Н.Я. Данилевский и современные проблемы политической и экономической жизни России // Там же; *Ковалюк И.Н.* Н.Я. Данилевский и П.И. Бартенев // Там же; *Ковышев Ю.А.* Всеславянский союз в работе Н.Я. Данилевского // Там же; *Кретов В.В.* Россия и Европа: борьба ценностей и интересов // Там же; *Кукрак С.И.* Н.Я. Данилевский в «Русской думе» художника Ю.Селиверстова // Там же; *Логинов А.* Н.Я. Данилевский и В.С. Соловьев: понимание прогресса // Там же; *Найденев А.А.* Н.Я. Данилевский и Р.А. Фадеев о Восточном вопросе // Там же; *Полубабкина Н.И.* Философское наследие Н.Я. Данилевского и современность // Там же; *Шахов В.В.* Философско-филологическое наследие Н.Я. Данилевского в контексте развития русской культуры XIX–XX вв. // Там же; *Юрова А.Н., Лошкарева Л.Ю.* Летопись села Оберец // Там же.

⁹⁶ *Балугев Б.П.* Данилевский (1822–1885) // Историки России XVIII–XIX вв. Вып. 5. М., 1998. *Он же.* Россия и славянский мир. Устарела ли доктрина Н.Я. Данилевского? // Историческая газета. 1998. №7–9. *Он же.* Споры о судьбах России // Отечественная история 2000. М., 2000. *Он же.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь. 2001. Далее *Балугев Б.П.* Споры о судьбах России...

ного исследователя, прежде всего, интересует значение историософии автора «России и Европы» для развития общественной мысли XIX в., но ей самой он уделяет довольно скромное место в своей монографии. Цель его работы – снятие с Данилевского необоснованных обвинений, поэтому в центре внимания исследователя критика разных лет. Он более чем подробно изучил полемику вокруг книги. Говоря о восприятии мыслителем современной ему действительности, Балуев пересказал теоретические и практические выводы автора «России и Европы», неизменно подчеркивая их истинность. Для него теория культурно-исторических типов «новое слово в историософии», а доводы, используемые Данилевским при анализе внешней политики, «неопровержимы»⁹⁷.

Балуев стремится показать огромную значимость книги Данилевского, вследствие чего часто преувеличивает степень проявления симпатий общества к его идеям в 80–90-х гг. XIX века. Историк, желая поднять авторитет мыслителя, высказывает мысль, созвучную выводам Бажова, Ионова, Хачатуряна, о том, что Данилевский в своей книге лишь обобщил идеи, витавшие в воздухе. Он ищет и находит великие предтечи Данилевского: Герцена, Пушкина, Достоевского⁹⁸. При этом совершенно игнорируется тот факт, что Достоевский сам писал, что Данилевский его опередил, а любовь к русской общине мыслителю привил не Герцен, а увлечение молодости – фурьеризм.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что историософия Н.Я. Данилевского вызывает интерес исследователей с начала 1990-х гг. по настоящее время. В 2000-х гг. вышел целый ряд диссертацион-

---

⁹⁷ Балуев Б.П. Споры о судьбах России... С. 90, 196.

⁹⁸ Там же. С. 211–212, 226.

ных исследований⁹⁹. В большинстве случаев она попадала в поле зрения философов, исторических же исследований значительно меньше. В постсоветское время в научной среде особый интерес преимущественно вызывала его теория культурно-исторических типов и сформулированные в ней новые методологические принципы исторического знания, так как они стали рассматриваться как альтернатива формационной теории. Общественно-политическая позиция Данилевского всегда оставалась на втором плане, специально не анализировалась, что делает необходимым ее изучение. Адекватное понимание трактовки автором «России и Европы» современной ему действительности невозможно без анализа теоретических представлений ученого о развитии всемирно-исторического процесса, так как они тесно связаны между собой и составляют единую историософию.

* * *

В заключение автор хотел бы выразить признательность всем тем, кто поддерживал, помогал как словом,

---

⁹⁹ *Болдаренко И.Ю.* проблемы культурно-исторической типологии личности: Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, А.Ф. Лосев. Дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону. 2006; *Дубинина В.С.* Русский консерватизм и Н.Я. Данилевский. Дис. ... канд. ист. наук. Самара. 2000; *Ефремов А.В.* Концепция Н.Я. Данилевского в оценках современников: 1870–1890-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Клементьев А.А.* «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского в истории русской философской мысли. Дис. ... канд. философ. наук. Челябинск. 2006; *Ли Хайянь* Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Дис. ... канд. философ. наук. М., 2010; *Поломошников А.Ф.* Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева. Дис. ... доктор. философ. наук. Ростов-на-Дону. 2007; *Сороковых В.В.* Педагогический потенциал наследия Н.Я. Данилевского в контексте российского философского поиска. Дис. ... канд. пед. наук. Елец. 2005; *Хорошева А.В.* Творчество Н.Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007 и др.

так и делом, чье мнение и помощь были, безусловно, важны и неоценимы в ходе работы над темой исследования и подготовке текста для публикации. Прежде всего, хотелось бы высказать слова благодарности рецензентам проф. С.В. Девятову, проф. С.В. Мироненко, проф. Н.И. Цимбаеву. Также следует отметить и всех тех, кто своими пожеланиями и поддержкой сделал эту рукопись лучше: Д.А. Андреева, С.Н. Драган, Л.И. Земцова, Л.В. Жукову, В.И. Косика, Л.В. Кузьмичеву, А.С. Медякова, И.И. Тучкова и др., а также Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кроме того, хотелось бы высказать благодарность всем моим друзьям, а главное семье без поддержки и терпения которых этот труд не увидел бы свет.

Теории не возникают сами по себе, воплощение им дает человек, прошедший определенный жизненный путь, имеющий определенные наклонности и интересы, живущий в определенную эпоху. Без знания биографии мыслителя невозможно понять идеи, им сформулированные.

О Николае Яковлевиче Данилевском часто судят по его книге, что не совсем верно. Жизнь этого человека была чрезвычайно богата, хотя бы поэтому ее нельзя сводить к написанию одной работы. Он родился 28 ноября 1822 г., в селе Оберец Орловской губернии Ливенского уезда в родовом имении его матери. Отец его, Яков Иванович, командовал гусарским полком и впоследствии был бригадным генералом. Центром притяжения в семье была его мать Дарья Ивановна, к которой он сохранил самые нежные чувства до конца своих дней. Все свое детство Данилевский провел в переездах. А уже в одиннадцать лет был и вовсе оторван от родных. В 1833 г. он находился в пансионе пастора Шварца близ Верро (в Лифляндии), в 1834 г. в Москве, в пансионе Павлова, а в 1836 г. там же в пансионе Боргардта. В 1837 г. юный Николай Данилевский был принят в Царскосельский лицей. С первой же встречи в Лицее у него завязалась дружба с Николаем Петровичем Семеновым, поступившим вместе с ним и бывшим потом всю его жизнь ближайшим другом. По словам Страхова, отец Данилевского приезжал навестить сына лишь однажды¹.

Будущий автор «России и Европы» вырос в довольно жестких условиях, его не баловали, он был привычен к самостоятельности. Основной упор в воспитании мальчика делался на образование, но ребенок всегда остается

---

¹ *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXI.*

ся ребенком, будучи не избалован отеческим вниманием, он компенсировал недостаток родительского тепла искренней и теплой дружбой. Для Данилевского она значила много больше простого знакомства, ей было присуще родственное тепло. У него было немного друзей, но все таковыми оставались всю жизнь. Его ближайшим товарищем стал Николай Петрович Семенов (1823–1904), поступивший в Царскосельский лицей одновременно с Данилевским. Он познакомил его со своим братом Петром Петровичем Семеновым (1827–1914), будущим Семеновым-Тянь-Шанским, ученым-естествоиспытателем, общественным и государственным деятелем. Их семьи с этого момента и на протяжении всей жизни будут поддерживать самые теплые отношения. П.П. Семенов разделит с Данилевским в будущем не только одну квартиру во время обучения в Санкт-Петербургском университете, но и работу над рядом научных исследований. Сын Николая Семенова впоследствии напишет некролог Данилевскому².

Сходное воспитание в отрыве от родителей получали многие дворяне в этот период времени. Судьба Данилевского, который все свое детство провел в пансионах вполне типична. Но в его случае это его не испортило и не сломало. Полученное им образование соединилось с природными дарованиями и дало в будущем прекрасный результат. Данилевский был очень одарен, об этом в один голос говорили его друзья. П.П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «в своем классе он был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников»³. Н.Н. Страхов писал, что «Николай Яковлевич отличался с детства необыкновенными способностями, почему легко и успешно проходил всякие курсы. Впрочем, он делал большое различие между предметами преподавания; одни он любил и рев-

² Семенов П.Н. Н.Я. Данилевский. СПб., 1885.

³ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. Пг., 1917. С. 180.

ностно изучал, другими упорно пренебрегал и посвящал на них только несколько дней перед экзаменом. Память у него была изумительная, но также с особенностями. Легко усваивая языки, отлично удерживая всякие имена и цифры, а также всякую мысль, он с большим трудом останавливался на буквальном выражении мысли, на данном порядке слов: он очень любил стихи и прекрасно их читал, но почти вовсе не мог их помнить»⁴.

Будущий автор «России и Европы» был живым молодым человеком, и поэтому не следует его идеализировать. Из слов Страхова следует, что обязательность его имела определенные границы. Юный воспитанник Царскосельского лицея занимался увлеченно лишь тем, что ему было интересно. Прекрасно зная цену своим дарованиям, он легко увиливал от рутины. Не по нраву будущему автору «России и Европы» пришлось роль чиновника, к которой готовили в этом престижном учебном заведении. После его окончания Данилевский записался на службу в канцелярию Военного министерства, но никакой должности занимать не стал и вскоре вышел в отставку⁵. С легкостью оставив службу, не пробыв там и дня, Николай Яковлевич устремился в шумные коридоры Петербургского университета.

Его друзья указывали на то, что причиной этого было горячее влечение Данилевского к естественным наукам⁶. Он записался вольным слушателем на естественный факультет Петербургского университета, где и занимался четыре года (1843–1847). Сам Данилевский объяснял это неудовлетворенностью изучением политических наук, не видя в них «не той изысканной metody, ни того обилия результатов естествознания»⁷. Впол-

⁴ *Страхов Н.Н. Жизнь...* С. XXI.

⁵ *Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары.* Т. 1. С. 180.

⁶ *Страхов Н.Н. Жизнь...* С. XXII.

⁷ Дело Н.Я. Данилевского // Дело петрашевцев. Т. 2. Л.–М., 1940. С. 319.

не очевидно, что Николай Яковлевич обладал математическим складом ума, что очень скоро дало о себе знать в его работах. Однако не только научный интерес руководил им. Он привык ощущать себя талантливым еще в Лицее, а таланту нужна пища в виде всеобщего внимания. Это, безусловно, трудно было сыскать на чиновничьей службе в царящей там атмосфере выслуживания и холуйства, зато студенческая среда, так восприимчивая к красивым словам и пылким ораторам, вполне позволяла молодому Данилевскому раскрыться. Не рассказы о минералах волновали публику, а желание переустроить общественный порядок. Социализм был в моде.

Николай Яковлевич успешно совмещал изучение естественных наук со штудированием французских утопистов, причем особо выделял учение Фурье. Конечно, следует отметить, что его увлечение социализмом не было чем-то вроде дани моде. Он действительно им заинтересовался. Данилевский внимательно прочитал множество книг по истории, социологии, политической экономии, а также все лучшие сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений⁸. Судя по записке, составленной им на следствии по делу петрашевцев, он изучил учение Фурье детально, причем увлеченность предметом чувствовалось даже в столь специфической форме изложения. На данном этапе его жизненного пути его интересы совпали с интересами публики. И Данилевский не плохо себя ощущал в толпе любопытствующих студентов. Вот как это описывал Страхов: «В конце этого времени я в первый раз увидел его в университетском коридоре; хотя потом мне вовсе не приходилось его видеть, и я познакомился с ним только в 1868 г., но первая встреча осталась в моей памяти. Между студентами

---

⁸ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 180.

вдруг пронесся говор: «Данилевский, Данилевский!» — и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайšie к нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божиим и о системе Фурье»⁹.

Занимаясь тем, что ему было интересно, Данилевский отнюдь не терпел ради этого недостатка в деньгах, хотя собственного состояния не имел. Как только материальная скудость начинала ощущаться, он с легкостью мог набросать статью, чем выручить не только себя, но и друзей. При всей легкости его литературного труда, он был обстоятельным и добротным. Эти научные статьи были по достоинству оценены литературными критиками и общественными деятелями В.Г. Белинским, В.Н. Майковым, А.А. Краевским, которые отмечали необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию¹⁰. При написании этих работ Николай Яковлевич активно использовал свои природные дарования. Его память, отмеченная Страховым, помогла вычислить литературный плагиат О.И. Сенковского, который не распознал Белинский, а теоретически заточенный ум позволил ему осмыслить и ясно изложить научные открытия французского биолога Анри Дютроше (1776–1847), который изучая анатомическое строение растений, высказал идеи, предвосхитившие клеточную теорию, а также систему взглядов немецкого естествоиспытателя, географа, путешественника Александра Гумбольдта, оказавшего большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании.

---

⁹ *Страхов Н.Н. Жизнь...* С. XXII.

¹⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары.* Т. 1. С. 195.

Первые публицистические опыты Данилевского могут многое сказать о нем. Они свидетельствуют об огромной эрудиции их автора, который продемонстрировал, что следит за интересующей его литературой на иностранных языках, непереведенной на русский. Уже в этот период Данилевский выработал определенные подходы к изучению интересующих его предметов, которых он придерживался и в дальнейшем. Ученый считал эмпирическое исследование предмета малоэффективным, противопоставляя его теоретическому. Он ратовал за глубокое изучение как можно большего количества смежных наук, для того, чтобы достигнуть осязаемого успеха в отдельных отраслях. Именно к этой мысли он подводит читателя в конце «Дютроше» и «“Космоса” Гумбольдта»¹¹. Также следует отметить, что уже тогда им уделялось особое внимание методологии науки, как в теоретическом плане, так и в конкретной реализации. В этот период Данилевский всецело верил не только в силу научного знания, но и в единство судеб России и Европы, для которых достижения в науке станут двигателем прогресса.

Интерес к изучению передовых общественных учений привел Данилевского в 1844 г. в кружок М.В. Буташевича-Петрашевского, но его охлаждение повлекло отстранение молодого ученого от шумных «пятниц». В обществе Петрашевского Данилевский оставался самим собой: туда его влек прагматический научный интерес, а не желание бороться с цензурой путем подтасовок со знаками препинания, столь увлекшее членов кружка. Для него, прежде всего, была интересна библиотека Петрашевского, так как возможность высказаться у него была и так. Дело все в том, что последний занимал должность переводчика в министерстве иностранных дел. Единственная обязанность его состояла

---

¹¹ Данилевский Н.Я. Дютроше. С. 4. *Он же*. «Космос». С. 61.

в том, чтобы присутствовать в качестве переводчика на судебных процессах над иностранцами и при составлении описей их выморочного имущества, особенно библиотек. Это занятие было крайне на руку Петрашевскому: он забирал из них все запрещенные сочинения, заменяя их разрешенными, формируя из отобранных книг свою собственную библиотеку¹². Данилевский стремился объять необъятное (его интересовал полный спектр общественных наук) и, надо сказать, преуспел в этом, причем книги Петрашевского были неплохим подспорьем.

Пока молодой человек пробовал вкус общественной жизни, он не оставлял и своей научной деятельности, ради которой поступал в университет. Он выбрал ботанику в качестве своей специальности. В 1847 г. Данилевский получил степень кандидата, а зимою 1848–1849 гг. выдержал экзамен на присвоение ученой степени магистра ботаники. В общем-то, ученому всегда была свойственна разносторонность. Утописты в его голове прекрасно сочетались с минералами и образцами растений. Причем последними он занимался не с меньшей охотой, чем первыми. В связи с этим, примечательна пешая экскурсия Данилевского из Петербурга в Москву, предпринятая им с П.П. Семеновым летом 1848 г. Они добрались до Москвы на двадцатый день, причем по пути своего следования чуть было не пострадали от холерного бунта¹³.

Увлечение социализмом оказалось занятием не столь безобидным, как собирание образцов растений, за первое Данилевский поплатился научной карьерой. Дело в том, что 1847 и 1848 г. он был то в Петербурге, то в Рязанской и Орловской губерниях. Николай Яковлевич изучал флору Орловской губернии и для магистер-

---

¹² *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Т. 1. С. 195.

¹³ Там же. С. 181.

ской диссертации составил ее описание. Летом 1849 г., когда он вместе с другим магистрантом Петром Петровичем Семеновым находился в Тульской губернии на берегу реки Красивая Меча. Они занимались по поручению Вольного Экономического общества исследованием границ черноземной полосы России и ее флоры. Неожиданно Данилевский был арестован и отвезен в заключение в Петропавловскую крепость. В вину ему ставилось его участие в «пятницах» Петрашевского.

Во время следствия Н.Я. Данилевский держался с достоинством, никого не оговорил. Поскольку главным обвинением против него было распространение учения французского утописта Фурье, он, прежде всего, постарался доказать, что в его поведении не было ничего предосудительного. По мнению подследственного, фурьеризм не был официально запрещен, книги с его изложением на французском языке свободно продавались в книжных лавках. Данилевский утверждал, что данная теория не содержит в себе ничего опасного, а ее автор лишь хотел найти форму более производительного труда да и только. Молодой человек настолько стройно излагал свои доводы, что позже один из членов следственной комиссии Я.Н. Ростовцев полушутя признавался, «что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами»¹⁴.

Несмотря на то, что будущий автор «России и Европы», в конце концов, был оправдан, полной свободы он не получил. Следственная комиссия освободила Николая Яковлевича от суда, но он был выслан из Петербурга и зачислен 20 мая 1850 г. в канцелярию вологодского губернатора, а потом 3 ноября 1852 г., по ходатайству В.А. Перовского, бывшего председателем суда по делу Петрашевского, переведен в канцелярию самар-

¹⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 212.

ского губернатора, с 24 февраля 1853 г. он состоял переводчиком Самарского губернского правления. Данилевский обратился к начальнику Третьего отделения графу А.Ф. Орлову с прошением позволить ему защитить ранее, еще до ареста написанную и представленную диссертацию, но ему было отказано. Не дали ему и завершить исследования в Тульской, Орловской и Рязанской губерниях, так как император Николай I «не изъявил на это Высочайшего соизволения»¹⁵. Далее Данилевскому суждено было заниматься наукой только как чиновнику министерства государственных имуществ.

В конце 1840-х гг. ученый был увлечен не только научными исследованиями и социализмом, но и другого рода переживаниями. Еще в 1843 г. Данилевский познакомился со своей будущей первой женой вдовой генерал-майора Верой Николаевной Беклемишевой, урожденной Лавровой. Влюбившись, молодой человек не решался объясниться, и лишь уговоры П.П. Семенова помогли Данилевскому преодолеть природную стеснительность и сделать предложение в 1849 г. С годами мыслителю все сильнее будет свойственна определенная замкнутость его внутреннего мира, то, что для него поистине важно, будет переживаться им одним. Ему всегда будут ближе по духу братья Семеновы, нежели Страхов с его тягой к публичности и суете петербургской жизни. То, какая часть души Данилевского была открыта Страхову, а какая Семеновым, наглядно демонстрируют их воспоминания об его пребывании в Петропавловской крепости. Страхов пишет о том, что «заключение, продолжавшееся сто дней, было особенно тяжело сначала, когда запрещены были книги. С разрешением книг и своей способностью отдаваться работе мыслей, Николай Яковлевич стал легко переносить одиночество. Между прочим, «Дон Кихот» в хорошем старин-

---

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52. Л. 53.

ном французском переводе возбудил в нем восторженный смех, о котором он любил потом вспоминать»¹⁶. Петр Петрович Семенов же вспоминал о том, что во время своего заключения Данилевский изучал с необычайным вниманием Священное Писание¹⁷.

Безусловно, арест для будущего автора «России и Европы» стал переломным моментом в его жизни. Но усталость от вечеров Петрашевского, желание устроить свою личную жизнь, рост интереса непосредственно к своей научной деятельности и собственным размышлениям вне шумного общества — все это было до ареста на реке Красивая Меча. Пребывание в Петропавловской крепости завершило его внутреннее перерождение, сделало его необратимым. Вероятно, брала вверх натура, которой суетность была чужда. Все возвращалось на круги своя, вернулась и вера в Бога, потерянная в студенческие годы, а с нею и определенные ценности, которые с этого момента будут сопровождать Данилевского всю жизнь. То, что следствие по делу петрашевцев повлияло на него именно таким образом, связано с определенным складом души молодого ученого, ведь заключение на членов кружка Петрашевского подействовало по-разному. Кто-то, как Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский, раз и навсегда распрощались с желанием менять общественный строй, а кто-то жил мечтами написать, а затем издать мемуары о «пострадавших за убеждения», как, например, Д.Д. Ахшарумов¹⁸.

С началом административной ссылки для Данилевского начинается новый этап его жизни. Рутинная, от которой он когда-то сбежал, настигла его со всей своею неотвратимостью. Служба переводчиком в канцелярии никак не могла удовлетворить интеллектуальных запро-

---

¹⁶ *Страхов Н.Н.* Жизнь... С. XXII.

¹⁷ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Т. 1. С. 217.

¹⁸ *Ахшарумов Д.Д.* Из моих воспоминаний. СПб., 1905. С. 36.

сов молодого ученого. Именно поэтому перемена жизни стала для него столь мучительна. Однако надо отдать должное его уму, он долго не задержался в канцелярии. Хотя не только ум и дарования сыграли свою роль. В царствование Николая I подобные административные ссылки носили патриархальный характер: ссылаемые определялись на государственную службу под отеческий надзор губернатора. Так, например, можно было за восемь лет сделаться из ссыльного вице-губернатором, как это произошло с Михаилом Евграфовичем Салтыковым, близким другом братьев Семеновых¹⁹.

Жизнь у Данилевского довольно быстро наладилась. 18 июня 1853 г. Николай Яковлевич был «командирован в звании статистика на два года в ученую экспедицию для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море»²⁰. Руководил ей академик К.М. Бэр. Эта поездка определила всю дальнейшую судьбу Николая Яковлевича. Экспедиция была организована в рамках деятельности Императорского русского географического общества. То, что Данилевский был приглашен принять участие в ней, не было случайностью. Он был членом данного общества. В 1853 г. исследование, написанное им о климате Вологодской губернии, было удостоено Жуковской премии²¹. Надо отдать должное деловым качествам Данилевского. Будучи взят в экспедицию на Каспийское море под началом академика К.М. Бэра всего лишь в звании статистика, он сумел сделаться ближайшим научным сотрудником маститого ученого, стать его правой рукой²². Когда участники экспедиции

¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 217.

²⁰ Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXIII.

²¹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. СПб., 1896. С. 62.

²² Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.–Л. 1946. С. 177.

разделялись на группы, Бэр всегда брал себе в спутники Данилевского²³.

Карл Максимович Бэр (1792–1876) интересовался широким спектром научных вопросов. Он прославился как основатель эмбриологии, оставил труды в сравнительной анатомии, зоологии, географии и ряда других научных областей. Работая бок о бок руководителем экспедиции будущий автор «России и Европы» не мог не испытать на себе влияния его идей. Хотя вряд ли можно утверждать, что оно было единственным. На дальнейшее формирование взглядов Данилевского, очевидно, воздействовали также споры в Этнографическом Отделении Географического общества относительно этногенеза народов. И тут Данилевский пошел не за Бэром, который смотрел на этнографию с антропологической и естественно-исторической точек зрения. То есть на первое место он ставил зависимость исследуемых народностей от природных особенностей местности, где они обитают. Николай Яковлевич стал на точку зрения Н.И. Надеждина, который отстаивал принципы «психологической этнографии», то есть необходимости первоочередного исследования духовной и материальной культуры народа²⁴.

С поездки на Каспий в жизни Данилевского началась нескончаемая череда экспедиций. Он исследовал рыболовные промыслы во всей Европейской России, составляя для них законодательство, действовавшее до самой революции. Эта деятельность, начатая им еще под руководством знаменитого натуралиста К.М. Бэра, продолжалась десятки лет самостоятельно. Последний труд этого рода была поездка на озеро Гохчу. В этом деле Данилевский нашел себя и как практик, так и как теоретик. Причем делом он своим болел, последними сло-

---

²³ Бэр К.М. Автобиография. М., 1950. С. 421, 424.

²⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. История... С. 37–39.

вами в его жизни были: «испортят они нашу Гохчу!»²⁵ Ему удалось найти службу по духу, а вместе с ней и свою нишу в бюрократической иерархии, дослужившись до чина тайного советника, члена совета министра государственных имуществ, никогда не выслуживаясь.

Данилевский сформировался как человек с разносторонними интересами, он никогда не занимался исключительно изучением ботаники или ихтиологии. И в этом смысле его арест на реке Красивая Меча ничего не изменил. Увлечение общественными науками, и связанными с ними проблемами никуда не исчезло. Но Данилевский выпал из общественной жизни, его таланты и ум быстро забылись, кому мог быть интересен ихтиолог на государственной службе, какую пищу для ума он мог дать молодой легковой читающей публике. Будучи физически удален от столиц, ученый с годами все сильнее удалялся от них духовно, добровольно становясь сторонним наблюдателем. Его миром была его семья, его мысли, его водоемы, его растения. Мелочные перипетии общественной жизни с ее полемиками, заявлениями, ответами были далеки, а главное он был далек от них. Данилевский предпочитал книги по садоводству романам из «Русского Вестника», которые так любили почитать его жена и Страхов. Отчужденность эта давала о себе знать даже в его отношениях со Страховым. Последний на попытки Данилевского оспорить его философские размышления отозвался раздражением по поводу того, как может человек, 10–15 лет занимающийся одним садоводством, судить о подобных вещах²⁶ (а ведь в эти 10–15 лет он написал свой труд «Россия и Европа»). Данилевский не чувствовал своего времени, его сиюминутной конъюнктуры. Все увлечены судьбой крестьян, а он — геополитикой.

---

²⁵ Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870–1894). Т. 2. СПб., 1914. С. 332.

²⁶ Там же. С. 113.

Для лучшего понимания дальнейших исканий Николая Яковлевича необходимо вернуться немного назад. Первая половина 1850-х гг. для Данилевского это не только начало его бюрократической карьеры. В этот период окончательно устраивается его личная жизнь. Первый брак ученого, не просуществовав и года, кончился трагически. 10 июля 1853 г. его жена умерла от холеры, в несколько часов. Это было, как он сам говорил, самое жестокое горе в его жизни, и целый год он тяжело боролся с отчаянием²⁷. Примерно в это же время уходят из жизни и его родители. В 1852 г. после тяжелой болезни умирает мать, а 2 августа 1855 г. от холеры умирает отец. И все, это на фоне Крымской войны (1853–1856): высадки союзных войск Англии и Франции, героической обороны и падения Севастополя, подписания унижительных для национального достоинства положений Парижского мирного договора, когда России было запрещено иметь арсеналы, крепости и военный флот на Черном море, что делало крайне уязвимыми южные границы империи, а также подрывало ее влияние на Балканах и Ближнем Востоке.

Когда человек испытывает личную драму, его чувства предельно обостряются, иначе начинает выглядеть мир вокруг него. Острое восприятие действительности производит дальнейший переворот в душе Данилевского. Крымская война не прошла для общественности бесследно, и, как писал об этом Достоевский, «самая нерусская часть России, то есть какой-нибудь либерал, чиновник или студент, и те начинают чувствовать себя русскими, хотя и стыдятся признаться в том»²⁸.

Проходит война, проходит и данное ощущение. У Данилевского все было иначе. Он называл эту войну

---

²⁷ Государственный Архив Вологодской области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226. Л. 8.

²⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 29., кн. 1. С. 145.

«славной и святой»²⁹. Она изменила его идеалы. Плюсы сменяются минусами, но сам ученый остается самим собой. Мыслитель не мог просто возненавидеть французов и англичан. Для него необходимо было понять причины происходящего, почему Европа с таким ожесточением обрушилась на оставшуюся в изоляции Россию. В этот период времени он уже сложившийся человек, его ум заточен под определенные приемы мышления. Если не все так, как представлялось, значит, картина мира не та. Ведь Данилевский никогда не ценил высоко эмпиризм, и потому он попытался создать новую теоретическую картину мира. По словам Достоевского, просвещенный европеец становится «вполне русским национальным человеком»³⁰.

Около 10 лет понадобилось Данилевскому, чтобы переосмыслить свои жизненные ориентиры, выйти из мировоззренческого кризиса, в который ввергла его Крымская война. Ученый пишет свой труд «Россия и Европа» с осени 1865 по начало 1868 г. на одном дыхании. Очевидно, именно с середины 1850-х гг. Данилевский изменил круг своего чтения. До Крымской войны он в основном черпал пищу для размышлений в иностранной литературе. Все его ранние работы так или иначе связаны с именами западных авторов, причем он был уверен в универсальности их выводов. События 1853–1856 гг. вызвали перелом в мировоззрении мыслителя. Европа и Россия перестают быть едины в его сознании. Необходимо отметить, что он при этом не стал воинствующим ненавистником Запада, ценя по-прежнему его науку (это отчетливо видно в книге). Если Европа желает гибели последней, то у Данилевского логично возникает вопрос, где России искать спасение, в чем ее сила?

²⁹ Государственный Архив Вологодской области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226. Л. 23 об.

³⁰ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 29, кн. 1. С. 25.

Военные неудачи сделали очевидной для всех экономическую слабость страны и, как следствие, невозможность вести активную внешнюю политику. Вскоре после нее западные державы сочли возможным вмешаться во внутренние дела России во время Польского восстания 1863–1864 гг. Они предложили свое собственное решение этой проблемы, угрожая в противном случае действовать на русское правительство военной силой. Это вызвало волну негодования в общественном мнении страны. Угрозы Англии и Франции так и остались лишь угрозами, но они лишней раз продемонстрировали слабость позиций Российской империи на мировой арене.

Представление о внутреннем неблагополучии страны распространилось в широких кругах русской общественности, причем в большинстве случаев оно связывались с существованием в России крепостного права. Александр II, вступив на престол в 1855 г., нашел в себе мужество признать крах политической системы отца и необходимость серьезных перемен. Крепостная Россия не выдержала военного соперничества с коалицией более экономически развитых и лучше технически оснащенных европейских государств. Вследствие этого в стране был проведен ряд реформ. И в первую очередь, манифестом 19 февраля 1861 г. было возведено об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Далее последовали Земская, Городская, Судебная, Финансовая, Военная реформы, а также были произведены преобразования в области народного просвещения и печати.

К моменту написания Данилевским «России и Европы» далеко не все реформы были завершены. Он всею душой приветствовал их, но мыслитель отказывался видеть в них следствие поражения русского оружия в Крымской войне. И здесь очень явно проявилось отличие его взглядов от славянофилов, к которым так часто

причисляли Данилевского. Представляется весьма маловероятным то, что до Крымской войны он вообще был знаком с ними или хотя бы с их публицистикой. Но и позже, когда он увлекся поэзией А.С. Хомякова и работами К.С. Аксакова, о чем свидетельствуют и эпиграфы к главам и ссылки на их имена в тексте «России и Европы», его отношение к этой войне, оказавшей столь сильное влияние на русское общество, принципиально иное. Славянофилы видели причины севастопольской катастрофы в самой России³¹. Для автора же «России и Европы» Крымская война — это величайшее оскорбление национального достоинства, а искать причину в себе, значит, обрекать страну на двойное унижение³². Идея «пораженчества», возникшая в то время в обществе, была чужда ему. В этом принципиальное отличие его точки зрения от позиции по этому вопросу славянофилов и западников, которые здесь шли рука об руку.

Отказываясь видеть объективные причины поражения России в Крымской войне, Данилевский начинает искать свое объяснение катастрофы 1853–1856 гг. Именно в это время для него открывается славянский мир, о существовании которого вряд ли задумывался автор «Дютроше» или «“Космоса” Гумбольдта». И между тем, интерес у русской общественности к судьбе славян существовал задолго до печальных событий на Крымском полуострове. Единичные случаи его проявления можно найти на рубеже XVIII и XIX вв.³³ Но лишь в 30-х гг. XIX в. внимание к славянским народам получило заметное распространение. Хотя следует отметить, что в основном ими интересовались литераторы, ученые. Тогда же за ними закрепилось название «славянофилы».

³¹ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 280–282.

³² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 289–290.

³³ Достян И.С. Панславянские тенденции в русской общественной мысли н. XIX в. // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 49–60.

В университетском уставе 1835 г. было предусмотрено создание кафедр истории и литературы славянских наречий в четырех университетах: Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском. Успешно в России развивались славянские изыскания, за границу для подготовки к профессорскому званию были посланы ученые-слависты³⁴. В литературных журналах печатались статьи о славянских народах. Когда Данилевский стал проявлять интерес к славянской проблематике в конце 1850-х гг., в русской публицистике уже существовала определенная традиция восприятия этого вопроса.

Начиная с этого момента и заканчивая временем написания «России и Европы», ее будущий автор имел возможность ознакомиться с «Историко-политическими письмами и записками в продолжении Крымской войны», созданными известным историком и публицистом Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875), которые ходили в рукописном варианте и произвели сильное впечатление на русскую общественность. Славянская проблематика присутствовала во многих его работах. Им поддерживалась постоянная переписка с деятелями славянского национального возрождения, приходилось ему и путешествовать по этим землям, имелся у него и доступ к архивным материалам, таким образом, он был прекрасно осведомлен. В его научных и публицистических работах всегда присутствовал политический подтекст. Долгие годы Погодин выступал как защитник теории «официальной народности». Но в своих «Историко-политических письмах и записках в продолжении Крымской войны» он выступил с критикой правительственного курса и, в частности, высказал идею создания единого славянского государства как противовеса Европе. Они получили большой резонанс в обществе. Впоследствии политический панславизм не нашел

---

³⁴ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 81–82.

отклика в общественном мнении, а потому был забыт автором. В многочисленных статьях, касающихся славянского вопроса, написанных в 1860–1870-х гг., Погодин занимал позицию умеренного сторонника культурного единства славян³⁵.

В 1861 г. начали выходить в свет Собрания сочинений Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856), Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860), некоторые из них переиздаются и в настоящее время³⁶. Их творчество было связано с рассмотрением, в первую очередь, проблем внутреннего развития России. Идеи, высказанные ими, часть споров 40-х гг. XIX в. о судьбах России и ее роли во всемирной истории.

Будущего автора «России и Европы» пленили стихотворные образы Хомякова, по отношению к которому на страницах своей книги Данилевский неизменно будет подчеркивать свое уважение к личности мыслителя, хотя и указывая на ложность целей, к которым тот стремился. Четверостишия поэта будут использованы им в качестве эпиграфов к пятой, седьмой, восьмой, одиннадцатой, двенадцатой главам. Автору «России и Европы» были знакомы и богословские произведения Хомякова, в частности, три брошюры «Несколько слов православного христианина», изданные за границей в 1853, 1855, 1858 гг. на французском языке и запрещенные для публикации в России, а потому не вошедшие в первое издание сочинений Хомякова.

---

³⁵ Погодин М.П. Собрание сочинений. М., 1872–1876. *Он же*. Собрание статей, писем и речей по славянского вопроса. М., 1978. Далее Собрание статей... *Он же*. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1867. Далее Польский вопрос.

³⁶ Киреевский И.В. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М., 1911; Аксаков К.С. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М., 1861–1880 г.; Хомяков А.С. Собрание сочинений. Т. 1–2. М., 1900. *Он же*. Стихотворения. М., 2005.

Данилевский упоминал на страницах своей книги и имя И.В. Киреевского, занимавшего также религиозной проблематикой, кроме того, литературного критика и публициста. В целом ряде работ он затрагивал интересные для будущего автора «России и Европы» темы. Например, в следующих произведениях: «Девятнадцатый век» (1832), «Ответ А.С. Хомякову» (1838), «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852), где им ставилась и осмысливалась проблема «Россия и Европа».

В исторических сочинениях К.С. Аксакова, написанных им в 40–50-х гг. XIX в., Данилевского привлекала попытка автора постичь сущность русских государственных начал. Особенно полюбился Данилевскому созданный К.С. Аксаковым образ русского народа как истинного творца своей истории.

В «России и Европе» в качестве эпиграфа к четырнадцатой главе также будет использован отрывок из стихотворения поэта и дипломата Федора Ивановича Тютчева (1803–1873). Данилевский был лично знаком с ним, следовательно, он вполне мог знать о его историософских идеях, высказанных им в публицистических работах «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», напечатанных в 1840-х гг. в Германии и Франции без подписи автора и вызвавших большой резонанс на Западе и в России. Их появление связано с революционными событиями в Европе в 1848 г. и попыткой автора дать собственную интерпретацию проблемы «Россия и Европа». Анализ сочинений Ф.И. Тютчева³⁷, К.С. Аксакова, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и их сравнение с работами Данилевского дают возможность увидеть, в какой мере последний был связан с традицией восприятия России как некой самостоятельной

---

³⁷ См. например: *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и письма в 6-ти тт. М., 2003–2005. *Он же.* Сочинения в 2-х тт. М., 1980.

силы всемирно-исторического процесса, отличной от Европы.

На страницах своей книги Николай Яковлевич ни разу не упомянет имя Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1883), публициста, общественного деятеля, имя которого было известно любому, кто интересовался славянским вопросом. Он, начиная с 60-х гг. XIX в. уделял особое внимание в своей деятельности рассмотрению данной проблематики. Редактируемые им периодические издания «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868) подробно освещали ситуацию в славянских землях. На страницах данных периодических изданий он не только излагал большой фактический материал, но и давал ему определенную трактовку³⁸.

Данилевский не был профессиональным историком, его интерес к славянскому вопросу, а также поиски места России во всемирно-историческом процессе носили частный характер. Поскольку его профессиональная деятельность была связана с совсем иной областью, он не имел возможности знакомиться с архивными материалами, не мог путешествовать по славянским землям, не состоял в переписке с представителями национально-освободительного движения. Данилевскому была доступна лишь вторичная информация, которую он брал или из периодики или из работ ученых.

К этому периоду времени относятся и активная общественная деятельность крупных ученых-славистов Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872) и Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), литературоведа Ореста Федоровича Миллера (1833–1889). Они активно занимались научными изысканиями в области славянской истории и литературы, поддерживали личные контакты с зарубежными славянами, неоднократно совершали путешествия по славянским землям.

---

³⁸ См. например: *Аксаков И.С. Собрание сочинений*. Т. 1–3, 5. М., 1886–1887. *Он же*. Биография Ф.И. Тютчева. М., 1997.

На страницах периодических изданий они публиковали статьи, содержащие как конкретную информацию, так и ее интерпретацию. Подавляющее большинство их трудов посвящено рассмотрению прошлого, настоящего и будущего славян³⁹. Они были тесно связаны со славянофилами, взгляды которых повлияли на понимание ими общественных задач славистики. Ученые являлись членами Славянского петербургского комитета, печатались, как и Н.Я. Данилевский, в «Заре».

Однако в это же время славянским вопросом интересовался и представитель демократического лагеря Александр Николаевич Пыпина (1833–1904), литературовед, этнограф, публицист. Пыпин был автором большого количества работ, посвященных западным, южным и восточным славянам, печатавшимся на протяжении почти всей второй половине XIX в. в журналах «Современник», а после его закрытия в «Вестнике Европы»⁴⁰. Поскольку Пыпин принадлежал к демократическому направлению общественной мысли, он трактовал славянский вопрос в духе его идей⁴¹. С его взглядами всту-

---

³⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1868. *Он же.* Взгляд константинопольского грека на болгарские и критские дела. Константинополь, 1860. Далее Взгляд константинопольского грека...; *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. Далее Национальности итальянская и славянская... *Он же.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. *Он же.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. Далее Об историческом изучении... *Он же.* Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916. Далее Три мира...; *Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. СПб., 1877. *Он же.* Славянский вопрос в науке и в жизни по поводу «обзора истории славян А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича». СПб., 1865. Далее Славянский вопрос... *Он же.* Старая рознь. СПб., 1885.

⁴⁰ См. подробнее: *Аксенова Е.П.* А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006. С. 9.

⁴¹ См. например: *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002.

пил в открытый спор О.Ф. Миллер. Не мог им симпатизировать и Данилевский, резко критиковавший это направление общественной мысли на страницах своей книги, не называя конкретных имен.

Работы русских историков, представителей государственной школы Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879) и Александра Дмитриевича Градовского (1841–1889)⁴² были широко известны русскому обществу. Они не только публиковали научные исследования, но и публицистические работы, выступали с публичными лекциями. Рассмотрение славянского вопроса не занимало центрального места в их творчестве, но в наследии этих ученых можно найти работы, посвященные ряду проблем связанных с ним, например, «Восточный вопрос» (1867) С.М. Соловьева и «Национальный вопрос» (1876) А.Д. Градовского.

Данилевский на страницах «России и Европы» пытался оспорить то, как трактовал Восточного вопрос С.М. Соловьев, что свидетельствует о его знакомстве с трудами историка. Имя же А.Д. Градовского он не упоминал, однако Н.Н. Страхов впоследствии в книге ученого «Национальный вопрос в истории и литературе» (1873) увидел развитие идей, изложенных в «России и Европе».

---

⁴² *Соловьев С.М.* Взгляд на установление порядка в России до Петра Великого // *Соловьев С.М.* Труды по истории России. М., 2003. *Он же.* Восточный вопрос // *Соловьев С.М.* История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2004. *Он же.* Исторические письма // *Собрание сочинений* в 18 кн. Кн. 16. М., 1989. *Он же.* История России Древнейших времен. Т. 1. М., 1997. *Он же.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2003. *Он же.* Начала земли Русской // *Соловьев С.М.* Труды по истории России. М., 2003. *Он же.* Об историческом движении русского народонаселения // *Сочинения* в 18-ти кн. Кн. 23 (доп). М., 1998; *Градовский А.Д.* Сочинения. СПб., 2001. *Он же.* Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873.

Мыслитель не ограничивался знакомством только с русской литературой. Хотя какие именно книги, вышедшие за границей и касающиеся славянского вопроса, попались ему на глаза, судить довольно сложно, за исключением тех моментов, где он сам в «России и Европе» на них ссылался. Так, например, в книге цитируется отрывок из поэмы «Дочь Славы» Яна Коллара, чешского поэта и ученого, деятеля славянского возрождения. Данилевский также упоминает имя известного государственного деятеля и историка Франтишека Палацкого и его книгу «Идея Австрийского государства», идеи которой он частично использовал, частично критиковал. Автор «России и Европы» вполне мог быть знаком и с трактатом Людовита Штура «Славянство и мир будущего», изданного стараниями В.И. Ламанского в 1867 г. в Москве. Также информацию о славянах Данилевский черпал и из работ немецких авторов, настроенных по большей части отрицательно по отношению к ним. Подобное отношение с их стороны подкрепляло в Данилевском уверенность в их природной враждебности. Хотя это вовсе не мешало ему заимствовать факты из их книг. Так, например, он использовал цитаты из работ немецких историков Гервинуса и Фальмерайера.

Позиции вышеперечисленных мыслителей вряд ли возможно свести к единому знаменателю, у каждого из них был свой вариант решения славянского вопроса, который мог в чем-то пересекаться с другими, а в чем-то быть оригинальным. Основной род деятельности Данилевского в 60-х гг. — это экспедиции и создание на основе собранных там материалов рыболовного законодательства. Деятельность эта была в высшей степени плодотворной, прежде всего, потому, что в ее основу лег долгий упорный труд по собиранию конкретных сведений. Увлечшись судьбой Славянского мира, он не имел возможности подойти к созданию «России и Европы» и последующих политических статей так же, как к

написанию рыболовного законодательства. У него не было времени путешествовать по славянским странам, собирая материалы по их истории, как это делали М.П. Погодин, В.И. Ламанский, Ф.А. Гильфердинг, так как по службе Данилевский был занят совсем иного рода поездками. Теоретически он, как любой человек, мог состоять в переписке с деятелями славянского национального движения, но практически такого вида источника информации не имел. Так как подобная переписка, как правило, завязывалось там, где имел место практический интерес. Данилевский не мог предложить «славянским братьям» ни страницы своего периодического издания в качестве трибуны, так как у него его не было, ни замолвить за них словечко в высших кругах, куда он не был вхож, ни оказать материальную помощь.

Таким образом, у будущего автора «России и Европы» не было возможности получать информацию из первых рук. Он использовал в качестве источника, прежде всего, периодику и труды его современников, где так или иначе говорилось о славянском вопросе, и то, и другое вряд ли может претендовать на беспристрастность и абсолютную объективность. Информация, полученная подобным способом и подвергнутая вторичной обработке, как правило, очень далеко отстоит от реальности. Поэтому вряд ли можно назвать Данилевского «знатоком» славянской истории, свои выводы он неизбежно был вынужден делать, основываясь на поверхностных знаниях. Что его, по-видимому, не смущало. Возможно, потому, что, будучи знатоком одного дела, он полагал, что его профессионализм позволит отличить зерна от плевел или, быть может, количество прочитанной литературы подкупало мыслителя. В любом случае, факт того, что свой труд «Россия и Европа» его автор писал, будучи уверен в его научности, говорит о крайнем честолюбии.

Субъективный характер информации, доступной ему, отсутствие личных контактов с деятелями национального движения в славянских землях и одновременно политической ангажированности, оторванность от общественной жизни — все это развязывало Данилевскому руки. Его полет мысли был лишь его полетом мысли, что психологически позволяло ученому не бояться крайних выводов. Большинство писавших о славянском вопросе авторов в 1860-е гг., каковы бы не были их мнения относительно частных вопросов, сходились в одном: необходимо, прежде всего, культурное сближение. Об этом много писалось и говорилось, так как, во-первых, таков был внешнеполитический курс русского правительства, творцом которого был А.М. Горчаков, убежденный сторонник первоочередного решения экономических проблем, а, значит, поддержания мира⁴³. Во-вторых, настороженное отношение самих славян к России, которые, хотя и надеялись на ее помощь, вовсе не хотели стать провинциями Российской империи⁴⁴. Данилевскому же с легкостью удалось закрыть глаза на это.

При написании «России и Европы» Данилевский не выполнял чей-либо заказ, в отличие, например, от генерала и публициста Р.А. Фадеева. Статьи последнего под общим названием «Мнение о восточном вопросе» появились в «Биржевых ведомостях» в ноябре 1869 г., то есть буквально сразу после публикации «России и Европы» в «Заре». Их автор был знаком с журнальным вариантом работы Данилевского и, по всей видимости, использовал его наработки, о чем сам и признался в приложении к публикации статей отдельным изданием в 1870 г.⁴⁵ Но главным источником для Фадеева были идеи

---

⁴³ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-х гг. XIX в. М., 1970. С. 236. Далее Никитин С.А. Очерки...

⁴⁴ Косик В.И. Константин Леонтьев размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 37. Далее Косик В.И. Константин Леонтьев...

⁴⁵ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 430.

фельдмаршала А.И. Барятинского, который выступал как его политический наставник и покровитель⁴⁶. Этот факт неизбежно влиял на восприятие общественностью публицистических работ Фадеева. Последний в своих статьях хотя и заявлял, что окончательное решение славянского вопроса произойдет военным путем, но в ближайшем будущем предлагал меры, способствующие духовному единству, следовательно, его позиция была значительно мягче, чем Данилевского. И, тем не менее, Русское правительство считало своим долгом сразу же отмежеваться от статей Фадеева и заверить Австрию через посла в Вене Н.А. Орлова в своей полной непричастности к их появлению⁴⁷. Относительно книги Данилевского никому в голову не пришло делать подобных официальных заявлений. Что говорит о том, что его творчество было лишь его собственным. И хотя соседом автора «России и Европы» в Крыму был никто иной как Д.А. Милютин, поминавший Данилевского в своих дневниковых записях как «хорошего знакомого», но дальше добрососедских их отношения не пошли⁴⁸. В мемуарах военного министра нет никаких намеков на существование каких-либо поручений для владельца Мшатки со стороны министра.

Также нельзя сказать, что Данилевский был связан с какими-либо кругами русской общественности, а потому его книгу вряд ли можно считать выражением позиции какой-то определенной группы людей. Автора «России и Европы» от общественной жизни столиц отделяла значительная дистанция. И тут дело даже не в физической удаленности. Хотя и она сыграла свою роль. Данилевский сам не стремился к сближению, его впол-

---

⁴⁶ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 38–39.

⁴⁷ Там же. С. 43.

⁴⁸ Милютин Д.А. Дневник. М., 1949. Т. 1. С. 98, 169. Т. 2. С. 50, 61, 82.

не удовлетворяло, что летние месяцы он проводил в экспедициях, а зимние у себя в имении в Крыму. Страхов не раз упоминал в своем биографическом очерке, скольких усилий ему стоило уговорить своего друга иногда бывать в Петербурге⁴⁹. Конечно, Данилевскому по долгу службы приходилось приезжать в столицу.

Он не жил в полном затворничестве и изоляции. Николай Яковлевич с удовольствием принимал друзей у себя в имении, но круг их был весьма ограничен. В начале 1860-х гг. он стал членом Петербургского славянского комитета⁵⁰. Что неизбежно привело к знакомству Данилевского с активными его участниками и руководителями А.Ф. Гильфердингом, О.Ф. Миллером, В.И. Ламанским, Ф.И. Тютчевым, А.А. Фетом. Впоследствии он пересекался с ними во время сотрудничества с журналом «Заря». Эти контакты особой душевностью не отличались, скорее всего, это были его хорошие знакомые, нежели друзья, и тем более нельзя говорить о сознательной общности их позиций. Более того, с большой долей вероятности можно утверждать, что он сознательно поддерживал дистанцию в отношениях с членами Петербургского комитета. На это указывает тот факт, что Данилевский проводил очень четкую грань между их позицией и своей. Доказательство этого можно найти на страницах «России и Европы», где ее автор, не называя имен, осмеивает точку зрения «тех ревнителей и друзей славянства», которые для укрепления славянского общения хотели бы ограничиться лишь культурными мероприятиями⁵¹. Скептически он отнесся и к главному детищу этих людей, Славянскому съезду. Хотя Данилевский избегал имен, не трудно догадаться, кто имелся в виду: А.Ф. Гильфердинг, О.Ф. Миллер, В.И. Ламанский, М.П. Погодин (к концу 1860-х гг. отрекшийся

⁴⁹ *Страхов Н.Н.* Жизнь... С. XXV.

⁵⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С. 60. Далее Никитин С.А. Славянские комитеты...

⁵¹ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 413.

от политического панславизма), И.С. Аксаков. Правда, подобное отношение к ним и их идеям вовсе не мешало ученому заимствовать не только факты, но и трактовки отдельных вопросов из их работ. Очевидно, оправданием этого для Данилевского служило то, что он заимствовал только частности, в главной же идее своей книги был абсолютно оригинален. Все они верили в единую всемирную цивилизацию в том или ином виде, он настаивал на существовании независимо друг от друга развивающихся культурно-исторических типов. Все они выступали за культурное сближение со славянами, он был последовательным сторонником политического панславизма, а, значит, настаивал на активном внешнеполитическом курсе российского правительства, что было весьма оригинально в конце 1860-х гг.

Это говорит в пользу Данилевского, предвидевшего обострение Восточного вопроса, а также угрозу для России остаться в стороне от его решения и утратить свое влияние в славянских землях. Но обнадеженный Великими реформами 60-х гг. XIX в., он не видел объективную экономическую слабость своей страны, делавшую невозможным проведение активной внешней политики. И в этом его позицию иначе как близорукой не назовешь.

Все это повлияло на то, что «Россия и Европа» сразу после своего выхода осталась почти незамеченной, удостоившись лишь несколькими резкими отповедями в либеральной печати⁵², отдельными благожелательными фразами в работах О.Ф. Миллера, В.И. Ламанского⁵³, также хвалебными отзывами в письмах Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева⁵⁴.

⁵² Голос, 1869, №207, Новое время, 1869, №151, Санкт-Петербургские ведомости, 1869, №119, Дело, 1871, №4.

⁵³ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 96; Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. С. 11.

⁵⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 25, 30. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. С. 242.

Его теория и практические выводы из нее не вызвали серьезного интереса, Крымская война уже давно была позади, и совсем иные предметы интересовали общественность. Тут то и сыграла злую шутку с Данилевским его отчужденность от «общества». Жизнь шла своим чередом. Он получал неутешительные отчеты Страхова о плохой реализации его книги (она была опубликована отдельным изданием в 1871 г.), обустроив купленное в 1865 г. имение в Крыму, заботился о своей семье. Н.Я. Данилевский женился во второй раз в 1861 г. на дочери своего покойного друга Александра Павловича Межакова Ольге Александровне. По отзывам друзей, брак был очень удачен. У Данилевских родилось пятеро детей. Жена пережила мужа, очень трудно перенесла утрату.

Автор «России и Европы» не предпринимал видимых усилий для популяризации своей теории. В том, что о его книге вспомнили в нужный момент, заслуга целиком Страхова, с которым Данилевский познакомился в 1868 г., когда ученый с полностью выверенной рукописью «России и Европы» приехал в Петербург, полный решимости ее напечатать. Именно благодаря усилиям Страхова удалось устроить рукопись в журнал «Заря».

Следует отметить, что издание «России и Европы» совпало с началом выхода в свет данного периодического издания, что имело как свои минусы, так и свои плюсы. С одной стороны, журнал имел чуть более двух тысяч подписчиков⁵⁵, что было средним показателем для того времени⁵⁶. С другой стороны, те немногие, что у него были, читали, скорее всего, с интересом, а главное внимательно. Но и тут была проблема, судя по жало-

---

⁵⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 30.

⁵⁶ Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. М., 2001. С. 451.

бам Ф.М. Достоевского, журнал выходил нерегулярно⁵⁷. «Заре» не была суждена долгая жизнь. Журнал издавался в Санкт-Петербурге с 1869 по 1872 г. Его издателем и главным редактором был В.В. Кашпирев. Несмотря на то, что в этом учено-литерном и политическом журнале издавались столь именитые авторы, как например, В.И. Ламанский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.П. Погодин, В. Щербальский, А.Д. Градовский, Н.Н. Страхов, А.Ф. Писемский, Ф.М. Достоевский, В. Крестовский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А. Фет, Б. Алмазов, у журнала перед его закрытием было всего 700 подписчиков.

Не сохранилось никаких сведений о том, как свела судьба Данилевского и Страхова, который впоследствии стал самым последовательным сторонником и пропагандистом идей автора «России и Европы». Он был широко образован. Страхов закончил естественно-математическое отделение Главного педагогического института, защитил магистерскую диссертацию по зоологии. Познакомившись в 1861 г. с Ф.М. Достоевским, он стал активным участником журналов «Время» (1862–1863) и «Эпоха» (1864–1865) братьев Достоевских. В дальнейшем Страхов сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Заря», отдельные его статьи были опубликованы и в других периодических изданиях. Не имея собственного состояния, он жил исключительно литературным трудом. В обществе Страхов был известен преимущественно как публицист. Но им был написан и ряд философских работ: «Письма об органической жизни» (1859), «Мир как целое» (1872), «Опыт систематического изложения начальных оснований философии» (1888). С 1873 по 1885 он работал библиотекарем Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, с 1874 г. до смерти был членом Ученого комитета Министерства

---

⁵⁷ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. Соч. Т. 29. Кн. 1. С. 37.

народного просвещения, в 1890 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук. Начиная с 1868 г. Страхов был не только другом Данилевского, но и посредником в издании трудов последнего.

Во время Балканской кампании 1877–1878 гг. и сразу после нее автор «России и Европы» вновь вернулся к затронутым в этой книге проблемам. Он написал целую серию статей на внешнеполитические и внутривнутриполитические темы. При написании этих статей он, как правило, анализировал интересующие его проблемы, руководствуясь выводами, сделанными им в своем фундаментальном историсофском труде. В них всегда присутствуют длинные цитаты из «России и Европы», причем автор неизменно подчеркивал верность приводимых умозаключений. Появление большинства этих работ связано с конкретными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими событиями. Поводом для написания статьи «Россия и франко-германская война» (1871) стал циркуляр, направленный министром иностранных дел А.М. Горчаковым странам, подписавшим Парижский трактат, в котором говорилось о том, что Россия больше не считает себя связанной обязательствами, предусмотренными этим мирным договором. К моменту написания статьи «Россия и франко-германская война» не была еще проведена Лондонская конференция, следовательно, не было международного признания отмены нейтрализации Черного моря, но Данилевский был уверен в благополучном исходе дела и спешил поделиться своими мыслями с читателем. В 1877–1879 гг. им был опубликован цикл статей посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. («О настоящей войне», «Как отнеслась Европа к Русско-турецкой расправе», «Общеввропейские интересы», «Россия и Восточный вопрос», «Проливы», «Константинополь», «Конференция или даже Конгресс», «Горе победителям!»). Работа «Несколько слов по поводу конституционных воцелений

нашей либеральной прессы» была написана вскоре после убийства Александра II 1 марта 1881 г. В ней автор пытался показать абсурдность идеи введения конституции в России, на что надеялись в либеральных кругах в связи с деятельностью М.Т. Лорис-Меликова.

Другие статьи этого периода («Происхождение нашего нигилизма» (1884), «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885) были попыткой автора оспорить некоторые идеи, бытовавшие в общественной мысли того времени, так как считал их «ошибочными», значит, вредными для развития русского государства. Делал он это с позиций его собственной историософской концепции, отсюда следовала определенная предвзятость в изложении материала.

Однако под конец жизни Данилевский разочаровывался в некоторых своих прогнозах и гипотезах, высказанных в «России и Европе». Об этом свидетельствуют посмертные примечания, размещенные Страховым в издании 1888 г. Они были сделаны Данилевским ручкой на полях собственного экземпляра книги не ранее 1881 г.⁵⁸

Тем не менее, он не потерял присутствия духа и не отказался от своей системы взглядов, и даже первым начал дискутировать с Владимиром Соловьевым. Но делал это ученый, не покидая своей любимой Мшатки. Страхов, очевидно, понимал, что оторванность его друга от столиц и его внутренняя отчужденность от их жизни — не лучшие союзники в популяризации идей «России и Европы». А потому не только старательно зазывал Данилевского в Санкт-Петербург, но и пытался вписать его идеи в рамки традиции развития русской общественной мысли. Он провозгласил автора «России и Европы» славянофилом. Данилевский, отдавая дань уважения А.С. Хомякову, к его последователям себя не причислял. И тут очень интересно будет вспомнить отно-

---

⁵⁸ *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXXI.*

шение мыслителя к современным ему течениям общественной мысли.

В качестве эпиграфов ко многим главам он использовал отрывки из стихотворений Хомякова, а при разборе религиозного вопроса прямо ссылался на его авторитет. Это вовсе не значит, что Данилевский отождествлял свою позицию с учением славянофилов. Его отношение к изучению данным направлением начал русской и славянской жизни было сугубо положительным, но он также указывал, что источником его происхождения была германская философия. Подчеркивая, что за защиту национальных начал славянофилы были часто гонимы, он писал, что идеалом для них была общечеловеческая цивилизация, а роль Славян состоит в выводе Запада из кризиса и принятия на себя лидерства во всемирно-историческом процессе. Такой цивилизации, по Данилевскому, существовать не может, таким образом, славянофилы, по его мнению, стремились к ложной цели⁵⁹.

Им мыслитель сочувствовал, хотя и признавал их устремления ложными. Остальные же направления общественной мысли казались ему прямо враждебными русской государственности на том основании, что все они смотрели на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения, через «европейские очки», что, по Данилевскому, является третьей формой общественной «болезни» «европейничанья»⁶⁰. И тут для совершенно неважно, какие взгляды исповедовало каждое из них, суть у них, по мнению мыслителя, у них одна. Поэтому он объединяет их под единым названием «западничество», выделяя его различные оттенки: идеализм Т.Н. Грановского, нигилизм Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, феодализм или цивилизованное кре-

---

⁵⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 117.

⁶⁰ Там же. С. 279.

постничество «Вести»⁶¹. У этих направлений один идеал — Европа. Просто последователи Грановского видят его в конституционализме, промышленном движении. Последователи Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева — в «продуктах разложения европейской жизни»: социальных системах, революционных организациях. Третьи — в отживших уже или отживающих формах: в английской аристократии или мекленбургском юнкерстве⁶².

Данилевский, характеризуя эти направления, в целом, правильно передавал их ориентиры, но он совсем упускал из виду, что их появление в России было вызвано вполне объективными политическими и социально-экономическими причинами. По его мнению, кружок Грановского или западничество в узком смысле — это лишь плод увлеченности его приверженцев немецким идеализмом и желание включить Россию в общечеловеческую цивилизацию⁶³. Аристократизм «Вести» есть лишь внешняя подражательность европейскому аристократизму. Причем данное направление вызывало наибольшее раздражение у мыслителя, так как посягало на самое «святое» для Данилевского — реформу 1861 г.⁶⁴ Они своими претензиями мешали естественному развитию российской государственности, так, например, своим сочувствием польской шляхте препятствовали единению польского и русского народа⁶⁵. И, наконец, нигилизм автор «России и Европы» трактовал как последовательный материализм, источником его опять же он называл исключительно французские и немецкие

---

⁶¹ «Весть» — еженедельная газета, политическая и литературная, издавалась в 1863–1870 гг. основана Н.А. Безобразовым, выражала интересы дворянской оппозиции реформам Александра II справа.

⁶² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 381.

⁶³ Там же. С. 116.

⁶⁴ Там же. С. 190, 281.

⁶⁵ Там же. С. 268.

философские материалистические системы, «заразившие» умы молодежи⁶⁶. Впоследствии эту идею в своих «Письмах о нигилизме» разовьет Н.Н. Страхов. В данных в высшей степени эмоциональных работах, посвященных убийству Александра II, защитник Данилевского активно развивал его мысль о примитивности материалистического учения, которое приучает человека к «гордости своим умом и просвещением» и призрением ко всему остальному человечеству⁶⁷.

Таким образом, современная автору «России и Европы» общественная мысль воспринималась им как чуждая истинным народным началам, более того, если славянофилы просто неправильно поставили цель, то остальные просто разрушают государственный организм подобно болезни. И посреди этой ужасающей картины, нарисованной Данилевским, он остается единственным носителем «правильных» мыслей. Не совсем понятно, куда из поля его зрения выпали мыслители, приверженные идеям панславизма, например, В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер, А. Гильфердинг, Ф. И. Тютчев и др.

Сознательно отстраняясь от активного участия в общественной жизни, Данилевский вряд ли мог рассчитывать на всеобщее внимание, но он к нему и не стремился. В 1870–1880-е гг. его образ жизни мало чем изменился: все те же экспедиции, труды по созданию рыболовного законодательства, по обустройству сада в имении, участие в мероприятиях по борьбе с филлоксерою⁶⁸.

Под конец жизни Данилевский начинает и абсолютно новый монументальный труд «Дарвинизм», который так и остался незаконченным. Судя по переписке со

⁶⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 283.

⁶⁷ Страхов Н.Н. Избранные труды. М., 2010. С. 375.

⁶⁸ Филлоксера – вредитель винограда, родом из Северной Америки, был завезен в Европу в конце XIX в. и стал серьезной проблемой для виноградарей, что приводило к их массовой гибели. Благодаря усилиям Данилевского виноградарки п-ова Крыма были спасены.

Страховым, его автора волновали практические выводы из теории Дарвина и связанные с ними социальные последствия⁶⁹. Он опровергал ее посредством естественного метода. При всей научности идей, изложенных в «Дарвинизме», Данилевский говорил о том, что не хотела слышать публика, уже начиналась иная эпоха, для которой нужнее был труд Ч. Дарвина. В этот период бурного развития материализма и религиозных исканий ученый оказался слишком идеалистичным для первого и слишком научным для второго.

Вокруг «Дарвинизма», как и вокруг «России и Европы», развернулась оживленная полемика уже после смерти автора. В обеих дискуссиях в качестве защитника его идей выступил Н.Н. Страхов. Основным оппонентом позиции Данилевского, изложенной им в «Дарвинизме», был естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской научной школы физиологии растений — К.А. Тимирязев. Тон статей ученого был чрезвычайно резок. «Дарвинизм» Тимирязев называл «сбором давно известных и в свое время устаревших возражений»⁷⁰, а его автора «мелким изворотливым софистом»⁷¹. Н.Н. Страхов, получивший в свое время высшее естественнонаучное образование, горячо вступился за идеи, изложенные в «Дарвинизме», подчеркивая именно их научную ценность, которую его оппонент пытался перечеркнуть⁷².

* * *

---

⁶⁹ Письма Н.Н. Страбова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901, №3. С. 272.

⁷⁰ Тимирязев К.А. Бессильная злоба антидарвиниста // Русская мысль, 1889, №5. С. 17.

⁷¹ Он же. Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль, 1887, №5. С. 148.

⁷² Страхов Н.Н. Полное опровержение дарвинизма // Русский вестник, 1887, №1. С. 9, 62. Он же. Всегдашняя ошибка дарвинистов // Русский вестник, 1887, №11. С. 66, 72.

Николай Яковлевич Данилевский умер 7 ноября 1885 г. в Тифлисе. Он прожил вполне счастливую жизнь, он всегда был чем-то увлечен и всегда при деле, но, как писал Страхов, «его знали люди лишь лично с ним сходившиеся»⁷³. Многие признавали за ним огромные дарования и таланты, но для общества он оставался чужаком, а ведь ему тогда была присуща какая-то особая семейственность. И даже самые острые дискуссии не мешали оппонентам посидеть часик другой друг у друга в гостях, так, например, делали Н.Н. Страхов и В.С. Соловьев. Возможно, именно дружба со Страховым для Данилевского была связующей ниточкой с общественной жизнью, именно благодаря ей богатое научное наследие Данилевского не кануло в лету.

---

⁷³ *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXVI.*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ И ПРОГРЕСС

Словосочетание «теория культурно-исторических типов» часто присутствует в заглавиях работ, посвященных книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Утверждение мыслителя о том, что во всемирно-историческом процессе существуют множество «делателей», каждый из которых формируется согласно своему вектору развития и единой линии прогресса не существует, подталкивала многих его критиков к утверждению, что теория Данилевского перечеркивает смысл существования человечества и возводит рознь в закон, поскольку каждый должен жить только ради себя, если следовать его теоретическим заключениям. Большинство первых оппонентов Данилевского редко отделяло теоретические представления ученого от его практических выводов. Многие исследователи в последних искали продолжение или уточнение первых, что приводило к искажению его идей. По этому пути следовали как критики «России и Европы» (В.С. Соловьев, Н.И. Кареев, П.Н. Милоков и др.), так и ее защитники (Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, К.Н. Бестужев-Рюмин). Они видели в теории лишь средство, с помощью которого ученый доказывал неизбежность противостояния славянского и германо-романского типов, для одних это было большим плюсом теории, для других — большим минусом¹. Во-первых, данное противостояние относится к области практических выводов. Во-вторых, в своих теоретических изысканиях автор теории никогда не ставил возможность борьбы между двумя культурно-историческими типами на пер-

¹ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 5; Михайловский Н.К. Россия и Европа. С. 874; Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 334–335; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 270–271; Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 270; Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXIX.

вый план, для него она не являлась движущей силой исторического процесса, а носила частный характер. Надо сказать, что современные исследователи идут в данном случае по стопам ближайших современников Данилевского. Но теорию и практику необходимо различать.

Для того, чтобы понять теоретические представления мыслителя, прежде всего, необходимо разобраться, какое место в них занимало понятие «прогресс» и как оно соотносилось с принципом множественности путей исторического развития человечества.

Любая реализация системы представлений в жизни и на бумаге ведет к вольному или невольному отступлению от теоретических основ. Находя противоречия в тексте «России и Европы», оппоненты опровергали ее истинность. Но противоречивость теории и расхождение теории с практикой – не одно и то же.

При создании своей теории Данилевский использовал ряд понятий, составляющих ее основу. Их немного: искусственная система, естественная система, культурно-исторический тип, прогресс, нация или народность, государство, формационное начало (образовательное или народное начало), психический строй, категория деятельности. Одни из этих понятий имеют определяющее значение, другие же подчиненное. К определяющим, прежде всего, относятся понятия «искусственная и естественная системы».

Данилевский все в своей книге проверял на принадлежность к одной из систем и общепринятую методологию истории (линейную), и деление человеческих племен Ретциуса², и притязания Австрии на гегемонию на

---

² Ретциус Андреас Адольф (1796–1860), шведский натуралист, анатом, предложил так называемую краниологическую классификацию по черепу на долихо-(длинно-) и брахи-(коротко-)цефальных (головных). Славяне им были причислены к короткоголовым примочелюстным, то есть к низшей касте. Попытка Н.Я. Данилев-

Балканах, и деление Земли на части Света. Таким образом, для него — это универсальный способ проверки истинности.

Под естественной системой Данилевский подразумевал «такую группировку предметов или явлений, при которой принимаются во внимание все их признаки, взвешивается относительное достоинство этих признаков, и предметы располагаются, между прочим, так, чтобы входящие в состав какой-либо естественной группы имели между собой более средства, более сильную степень сходства, чем с предметами других групп». Искусственная же система, по его мнению, «довольствуется одним каким-либо или немногими признаками, почему-нибудь резко заметными, хотя бы и вовсе несущественными. В этой системе может разделяться самое сходное в сущности и соединяться самое разнородное»³. Итак, если проверка на естественность или искусственность системы для него основной критерий, то основным методом для него, как очевидно следует из определения, является сравнение. Данилевский постоянно контролировал себя, дабы самому не создать нечто вроде искусственной системы, поэтому каждое свое действие он старался обосновать теоретически. Использование сравнительного метода мыслитель объяснял следующим образом: «Сравнение не доказательство... Это так. Но если можно отыскать одну общую причину во всех случаях, которые берутся для сравнения, и если эта же общая причина необходимо должна иметь место и в том явлении, которое этими сравнениями доказывается

ского переделать данную классификацию на «научный лад», перегруппировав ее категории так, что бы славяне попали превелигованную категорию, говорит много о его методах работы. Он не отверг неприятную и враждебную теорию Ретциуса как это сделал В.И. Ламанский в его работе «Историческое изучение...» с. 276., а *переделал* ее и взял себе на вооружение.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 60.

или поясняется, то сравнения получают доказательную силу, потому что и та частная причина, от действия которой зависит ход развития того процесса, для уяснения которого мы прибегаем к сравнениям, — должна следовать тому же закону, должна принадлежать к той же категории причин, иметь одинаковые свойства с теми причинами, которые действуют в аналогических явлениях, взятых для сравнения»⁴. Если попытаться разобраться в данном витиеватом определении, то получится, что объектом сравнения являются «причины», причем роль их примерно та же, что и у «признаков» в определении искусственной и естественной систем, они объект сравнения, которое проводится с целью нахождения аналогий. Если она присутствует, действует один закон. Для Данилевского под именем закона в науках со сложным предметом изучения разумеется просто частое повторение явлений, для которого нельзя придумать даже гипотетического объяснения⁵. Очень принципиально, что он особое внимание читателя обращал на внутреннюю суть изучаемого явления, которую рассматривал в аналогии с другими объектами.

Полвека спустя после выхода в свет «России и Европы», в начале 20-х гг. XX в., в Германии была опубликована книга Освальда Шпенглера (1880–1936) «Закат Европы». По профессии он был математиком, но в памяти потомков ему суждено было остаться философом-идеалистом, отрицавшим существование общечеловеческой культуры, а также устоявшуюся на тот момент времени концепцию прямолинейного прогресса. Сейчас Шпенглер, наряду с Данилевским, считается основоположником новой методологии истории. Свою теорию он, как и автор «России и Европы» создал, используя аналогию. По его мнению, «сравнения могли бы составить счастье

---

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 166.

⁵ Там же. С. 421.

исторического мышления, поскольку они раскрывают органическую структуру истории»⁶. Причем, производя их, необходимо действовать «со строгостью математика, прозревающего внутреннее родство двух групп дифференциальных уравнений, между тем как непосвященный видит в них одни только различия во внешней форме»⁷. Главное же, что для Шпенглера «средство познания неживых форм — математический закон, средство для понимания живых форм — аналогия»⁸. Таким образом, для него основной метод познания истории — сравнение и связанная с ним аналогия.

И Шпенглер, и Данилевский были естественниками в современном смысле этого слова. Но Шпенглер был математиком, а Данилевский — биологом. В самом деле, почему бы первому не использовать математические методы, ведь человеку свойственно вырабатывать универсальные навыки и активно использовать их в разных сферах жизни. Ведь Данилевский находил возможным использовать методы ботаники и зоологии по созданию естественных систем⁹. Для Шпенглера употребление математических методов в исторических изысканиях было немыслимо просто потому, что предмет исследования делается от этого мертвым. Напомним, что сейчас применение математических методов в исторических исследованиях допускается, причем пытаются формализовать не только статистические данные. Общество для Данилевского и Шпенглера не машина или механизм, для них оно нечто живое. Сравнение взглядов этих людей, помогает глубже вникнуть в то, чем была для них история и для чего они, собственно, создавали свои теории. Оно не дает списать отношение Да-

---

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. М., 2003. Т. 1. С. 21.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 81–82.

нилевского к истории и историческому процессу как к живому миру на его профессию. Метод исследования и то, собственно, что создавалось посредством его, очень многое может объяснить. Данилевский и Шпенглер, будучи естественниками, старались примирить свой ум со своим чувством, создавая в своих трудах картину мира, имеющую, по сути, промежуточное положение между строгим материализмом и строгим идеализмом.

Вернемся непосредственно к теории Данилевского. В своей книге он, конечно, не использовал исключительно сравнительный метод, прибегая также к генетическому, типологическому, системному. Генетический метод применялся им преимущественно в практических изысканиях, два же других, будучи тесно связанными со сравнительным, часто использовались совместно. Для автора «России и Европы» главным было выявление естественной системы. Методы, использованные им, применимы далеко не во всех естественных науках¹⁰. Ему было привычно работать именно так в его профессиональной деятельности. Однако нельзя подвергать методологию ученого утрированию. Для Данилевского история человечества – вовсе не история жизни водоема. Он шел таким путем, так как был убежден, что методы, позволяющие создать естественную систему, хорошо проработаны и апробированы именно в биологии и зоологии в виду специфики объекта изучения этих наук¹¹, хотя они вовсе не единственные, где были созданы естественные системы. И тут принципиально, зачем он, собственно говоря, пытался создать «естественную систему» в исторической науке.

---

¹⁰ Естественные науки в широком смысле. Сам Н.Я. Данилевский под естественными науками подразумевал только биологию и зоологию.

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 81.

Автор «России и Европы» писал на определенном эмоциональном подъеме, связанным с поражением в Крымской войне и последующей дипломатической изоляцией России, он хотел найти иную теоретическую картину мира, объясняющую ход истории, но действовал мыслитель не как общественный деятель, не как властитель умов, не как обыватель, а как ученый. Нельзя забывать, что при создании его книги у него был явный научный интерес. Это проглядывается в шестой главе, где он делает экскурс в историю развития наук. И Н.И. Кареев, и В.С. Соловьев имели все основания писать, что данная часть работы может служить доказательством несостоятельности теории культурно-исторических типов, ведь этапы развития научного знания у Данилевского представлены как единый процесс, зародившийся на заре цивилизаций и продолжающийся и по сей день¹². И тот и другой, а за ними и П.Н. Миллюков, оспорили его классификацию наук, находя в ней различные изъяны¹³.

Для нас интересны выделяемые им этапы развития наук. «Итак, всеми признанное деление истории астрономии по периодам ее внутреннего развития привело к отличению в нем пяти ступеней, или фазисов (*собирания материалов, искусственной системы, естественной системы, частных эмпирических законов, общего рационального закона*), которые для краткости можно назвать догиппарховским, гиппарховским, коперниковским, кеплеровским и ньютоновским периодами. При этом оказывается, что эти ступени развития не случайны, а требуются самым естественным ходом научного развития,

---

¹² Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 5–8; Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 383.

¹³ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 2; Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 383; Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 275–277.

т.е. необходимы, и потому мы должны ожидать, что они повторяются и во всякой другой науке»¹⁴. Ссылаясь на классификацию наук и их периодизацию, созданные им, Данилевский утверждал, что из прочих наук логика и чистая математика, не имея внешнего объекта и состоя из чистого диалектического развития мысли, не только не представляют тех фазисов развития, которые выводятся из истории прочих наук, но даже по самой сущности своей не могут представлять никаких переворотов в своем прогрессивном ходе. Между тем как науки объективные исходят от данных видимого мира, представляющихся во всей их сложности и раздробленности, и постепенную группировку восходят к более общим и простым началам, из которых все дальнейшее развитие проистекает как следствие. Эти науки, следовательно, выводные, дедуктивные. Остальные науки или прикладные, несамостоятельные (как, например, терапия, агрономия, технология и проч.). Они заимствуют свои начала и материалы из других отраслей знания и прикладывают их только к известным целям, или (как науки общественные, исторические, философские) находятся то в периоде собирания материалов, то в периоде непрестанной замены одной искусственной системы другою¹⁵. Таким образом, можно сказать, что Данилевский отводил истории далеко не самое высокое место в иерархии наук. Но в отличие от логики и математики, он не отказывал ей в возможности развития. Но поскольку историческая наука априори субъективна, ей очень трудно преодолеть фазу искусственной системы. Для автора «России и Европы» «как бы частности ни были хорошо исследованы, как бы хорошо ни были разъяснены отдельные вопросы науки, но, пока факты не сопоставлены сообразно их естественному

¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 152.

сродству, не приведены в естественную систему, они не дадут правильных выводов, не выкажут своего настоящего полного смысла»¹⁶. А ведь как раз этот «настоящий полный смысл» и важен для ученого, поэтому Данилевский взял на себя труд помочь исторической науке перейти на новую ступень развития. Он так часто упоминал имена Жоржа Кювье и Бернарда и Антуана Жюссье, которые были создателями естественных систем соответственно в зоологии и ботанике, и так часто заговаривал о важности создания естественной системы в науке, что поневоле возникает ощущение, что он претендовал именно на такую роль.

Ж. Кювье был зоологом, а Б. Жюссье и А. Жюссье — ботаниками, а вот Данилевский профессиональным историком не был, как бы не были обширны его знания, он не принадлежал к «касте», а, следовательно, не мог претендовать на «право голоса» в исторической научной среде. Современники видели амбиции Данилевского очень хорошо, более того, их постоянно озвучивал Страхов. «Главная мысль Данилевского чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Он дал новую формулу для построения истории, формулу гораздо более широкую, чем прежние, и потому, без всякого сомнения, более справедливую, более научную, более способную уловить действительность предмета, чем прежние формулы»¹⁷. Если Страхов восхищался новой теорией развития исторического процесса, то многих она откровенно раздражала. Такой маститый ученый как Кареев позволял себе перефразировать некоторые законы развития культурно-исторических типов Данилевского, существенно исказив их оригинальное содержание. Причем при критическом разборе теории использовал именно искаженный вариант, конечно, находя

---

¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 83.

¹⁷ Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXX.

при этом множество несообразностей и противоречий¹⁸. Его вердикт прост, автор «России и Европы» «совершенно основательно вооружился против обычного построения всемирной истории и высказал по этому поводу много верных замечаний, впрочем давным-давно приходившим в голову и другим, но строя свою систему, отверг и то верное, что заключается в критикуемом представлении»¹⁹. Двадцатью годами ранее подобный вердикт труду Данилевского вынес другой русский историк П.К. Щебальский²⁰. Этим все заслуги автора «России и Европы» сводились на нет: все, что есть правильного в теории культурно-исторических типов, было известно до ее появления, таким образом, научная значимость труда ими полностью перечеркивалась.

Желание автора «России и Европы» перевести историческую науку на качественно новую ступень развития, скорее всего, не было порождено исключительно его честолюбием, он с интересом занимался этим как ученый, он жаждал открыть истину. Ведь, написав книгу, Данилевский не стал отстаивать ее научную значимость на страницах толстых журналов, для него главное было создать «естественную систему истории».

Принципиально важно, что именно ставил Данилевский на первый план в своей теории. Интересно, что ее изложение он начал не с определения культурно-исторических типов, а с введения понятия «прогресс». По его мнению, искаженная картина мира, сформированная в умах современников ученого, основана «главнейше в неверном понимании самых общих начал хода исторического процесса, — в неясном, так сказать, туманном представлении исторического явления, известного под именем прогресса»²¹. Таким образом, для него

¹⁸ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Щебальский П.К. Заметка. С. 145.

²¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 75.

понятие «*прогресс*» является основополагающим, именно к нему стягиваются все теоретические ниточки. Причем для него принципиально именно его наличие, а ведь некоторые его оппоненты, вообще не замечали этого понятия в концепции Данилевского²².

Понимание прогресса у автора «России и Европы» коренным образом отличалось от общепринятого. «Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся»²³. Но данного определения для правильного понимания теории Данилевского не достаточно. Ведь можно исходить все поле по одной, но бесконечно изгибающейся линии, можно оттолкнуться от одной точки и пойти в разных направлениях, в свою очередь, можно из разных направлений прийти в одну точку, поэтому автор «России и Европы» несколько раз давал уточнения. Во-первых, для него ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса²⁴. Во-вторых, прогресс каждого отдельного культурно-исторического типа имеет свое начало и свой конец. Таким образом, носителем прогресса является культурно-исторический тип до тех пор, пока он развивается. Данилевский выделял три этапа развития каждого культурно-исторического типа: этнографический, государственный, цивилизационный²⁵. Очень важно как они ему казались. Если период цивилизации бывает относительно кра-

---

²² Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 374; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2001. С. 361. Далее Бердяев Н.А. Судьба...; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 274.

²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 91.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Там же. С. 109–110.

ток, то зато предшествующее ему время — древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от родственных с ним племен, — бывает чрезвычайно длинным. В этот-то длинный подготовительный период, измеряемым тысячелетиями, собирается запас сил для будущей сознательной деятельности, закладываются те особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности. Без этого народ был бы общим местом, бесполезным, лишним, напрасным «историческим плеоназмом» в ряду других племен человеческих. Если этнографический период есть время собирания, время заготовления запаса для будущей деятельности, то период цивилизации есть время растраты — растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания, но все-таки растраты; и как бы ни был богат запас сил, он не может, наконец, не оскудеть и не истощиться — тем более, что во время возбужденной деятельности, порождающей цивилизацию и порождаемой ею, проходит быстро²⁶.

Данилевский отрицал возможность существования культурно-исторического типа, представляющего высшую точку развития мировой истории²⁷. Прогресс для него — это «живые вклады в общую сокровищницу человечества», вносимые каждой цивилизацией²⁸. Отсюда следует, что нет единой линии развития, нет единой конкретной цели, все начинается в разных точках и заканчивается также в разных.

---

²⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 110–111.

²⁷ Там же. С. 112.

²⁸ Там же. С. 120.

Идея сравнения человеческого общества с жизнью живых организмов не нова для 60-х гг. XIX в. Она активно использовалась позитивистами, и в частности, примерно одновременно с Данилевским, эту мысль развивал Г. Спенсер (1820–1903). Он начал публиковаться довольно поздно в 1860 г. Не занимая никакой университетской должности, мыслитель всю свою жизнь посвятил разработке своей доктрины развития человеческого общества. Его главным трудом стали «Принципы социологии» (1877–1896). Спенсер построил свою социологическую теорию именно на идее сходства развития человеческого общества и животного мира. По его мнению, «в обществе имеет место явление постоянного роста»²⁹, причем «общества зачинаются, как и все живые существа, из зародышей и через увеличение сложности строения они развиваются»³⁰. У Спенсера принципиальным моментом является наличие бесконечного роста, значит, и прогресса. Общество же он соотносит с жизненным циклом не одного организма, а всего органического «агрегата»³¹. А ведь органический мир когда-то зародился, но существовать то он будет вечно.

Идеи Спенсера были широко известны в России и оказали значительное влияние на развитие позитивизма в нашей стране. Советский ученый П.С. Шкуринов полагал, что они нашли много приверженцев в либеральной среде³², правда, некоторые современные исследователи не согласны с данным утверждением³³. Учение Спенсера подробно анализировал в своих трудах известный историк и юрист А.Д. Градовский, замечая между прочим, что вполне согласен с его выводами, бо-

---

²⁹ Спенсер Г. Основания социологии. СПб. 1877. Т. II. С. 294.

³⁰ Там же. С. 295.

³¹ Там же. С. 279–280.

³² Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980. С. 127.

³³ Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Указ. соч. С. 320.

лее того, он полагал, что оно является самой удачной попыткой приложить методы естествознания к социологии³⁴. Крупный русский историк С.М. Соловьев, давая в своих «Исторических письмах» определение прогрессу фактически повторял основную идею Спенсера о развитии от простого к сложному, причем особо указывал, что его можно проследить в равной степени и у природных, и у живых организмов³⁵. В отличие от Спенсера он также полагал, их части должны не только «членоразделяться», но и находиться в тесном взаимодействии³⁶. Английский социолог, формулируя свою теорию, опирался на идею К.М. Бэра³⁷ о том, что процесс развития эмбриона представляет собою переход от гомогенного состояния к гетерогенному³⁸. Данилевский подобных выводов из идей Бэра не делал. Более того, теория Спенсера вызывала у автора «России и Европы» лишь усмешку³⁹. Итак, известный социолог рассматривал общество как единое целое, а главное бессмертное целое. Таким образом, его идея была принципиально отлична от точки зрения Данилевского, хотя оба они искали аналогии с животным миром, но каждый там видел то, что хотел увидеть.

Идея Данилевского, на первый взгляд, может показаться фатальной. Умирание цивилизации неизбежно. Ему самому она таковой не казалась, ведь одни уходят, другие возникают. Эта неизбежность умирания была неприемлема для XIX в. Данное переходное столетие сильно изменило человека. Можно было родиться при

---

³⁴ Градовский А.Д. Сочинения. С. 119.

³⁵ Соловьев С.М. Исторические письма // Сочинения в 18-ти кн. Кн. 16. М., 1989. С. 354.

³⁶ Там же. С. 355.

³⁷ Гаупт О. Герберт Спенсер. М., 1898. С. 58.

³⁸ Бэр К.М. История развития животных. Т. 1. М., 1950. С. 225.

³⁹ Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901, №2. С. 461.

свечке, а умереть при электрической лампочке. Пространство вокруг человека стремительно расширялось, мир становился огромным, рвались привычные связи, человек уходил из узкой корпорации и становился членом нации. Отношение к этому у людей было различное, но данный процесс отнюдь не ассоциировался с умиранием. Не откуда было взяться ощущению смерти, наоборот, те отголоски этого чувства, что еще сохранились благодаря религии, быстро вымывались временем. Идея Данилевского просто не могла быть адекватно воспринята, она не укладывалась в головах людей.

Совсем в иных условиях создавал книгу Шпенглер. Эйфория, вызванная стремительным прогрессом, охватившая европейское общество, достигла определенного пика к моменту, когда разразилась Первая мировая война. А потом произошло лобовое столкновение с действительностью, породившее в обществе ощущение бессмысленности всего происходящего и «потерянное поколение». У него ощущения конца было предостаточно. Формула Шпенглера «все ставшее преходяще»⁴⁰ нашла отклик у многих.

Данилевский пришел к мысли о конечности на полвека ранее Шпенглера. Возникает вопрос «почему». По всей видимости, ответ надо искать в судьбе автора «России и Европы». За очень короткий срок он потерял троих очень близких людей, а ведь для него родственная близость была чрезвычайно важна. Часть его жизни ушла в небытие, однако потом была женитьба и связанная с ней новая жизнь, не менее прекрасная, но уже совсем иная. Казалось бы, как можно сравнивать личные переживания человека с мировоззренческой драмой целого поколения. Но сложилась она из таких же единичных трагедий, и в этом смысле, они вполне сопоставимы с переживаниями Данилевского, просто послед-

---

⁴⁰ Шпенглер О. Указ. соч. Т. 2. С. 210.

ний в этом был одинок. Автор «России и Европы» жил все-таки в другое время, и его понимание прогресса оптимистично⁴¹, книга же Шпенглера пронизана пессимизмом. Это не умоляет переворота в мировосприятии автора «России и Европы». Он, действительно, был.

Данилевский с юности интересовался общественными науками. Знания его всегда были системными. Понятие прогресса в общественных науках одно из ключевых. Молодой ученый имел ясное понимание, что такое прогресс. Для него он представлялся в виде восходящей линии, получаемой как средней между линией научного прогресса и случайно-политической линией⁴². Таким образом, представления о прогрессе у него были более чем общепринятые. Переосмыслив их, он переосмыслил и картину мира в целом. Отсюда следует, что понятие прогресса – это краеугольный камень его теории.

Возможность множественности пути развития человечества предполагает множественность участников исторического процесса. У Данилевского степень развития находится в подчинении типам развития⁴³. Так как для автора «России и Европы» научная значимость его идей принципиально важна, выделению типов развития предшествуют теоретические основания данного деления.

Основанием для деления являются требования естественной системы:

1. Принцип деления должен обнимать собою всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак.

---

⁴¹ Данилевский ввел в свою историософию понятие «сокровищница», которая является хранилищем достижений человечества. Таким образом, цивилизации не исчезают бесследно, их наследие остается.

⁴² Данилевский Н.Я. «Космос» Гумбольдта. С. 21.

⁴³ Он же. Россия и Европа. С. 91.

2. Все предметы или явления одной группы должны иметь между собою большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или с предметами, отнесенными к другой группе.

3. Группы должны быть однородны, степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах⁴⁴.

На основе этих требований Данилевский выделяет десять «культурно-исторических типов или самобытных цивилизаций»:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. А также еще два американские типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие полностью развиться⁴⁵.

Автор «России и Европы» в данном перечне упоминает лишь те культурно-исторические типы, которые или уже ушли с исторической сцены, пройдя весь жизненный цикл, или те, которые уже находятся на цивилизационном этапе развития. Хотя Данилевский этого не поясняет, это ясно следует из перечисления. Это принципиальный момент, так как, по его мнению, культурно-исторический тип состоялся лишь тогда, когда создал цивилизацию, так как до этого его развитие может быть насильственно прервано, как у мексиканского и перуанского типов. Их он приводит вне списка, так как они не являлись цивилизациями в его понимании.

Для мыслителя требование того, чтобы принцип деления обнимал собою всю сферу делимого, стоит на первом месте. Поэтому-то он не забывает упомянуть и

---

⁴⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 83–84.

⁴⁵ Там же. С. 92.

неразвившиеся культурно-исторические типы. По Данилевскому, только культурно-исторические типы – положительные деятели истории человечества⁴⁶. И, соответственно, если неразвитые типы не упомянуть, то они попадут в отрицательные деятели человечества, что повлечет за собой недопустимое искажение картины мира.

Перечисляя культурно-исторические типы, Данилевский их также называет цивилизациями. Нельзя сказать, что, отождествляя цивилизацию с культурно-историческим типом, автор пугается в терминах, ведь в других местах он эти понятия разделяет. В данном перечислении отсутствуют еще два культурно-исторических типа, которые автор «России и Европы», без сомнения, выделял: славянский и американский (США). И если первый стоит на пороге цивилизационного этапа, что позволяет делать прогнозы относительно его дальнейшего развития⁴⁷, то второй находится лишь на стадии первоначального формирования⁴⁸.

Автор «России и Европы» выдел именно четырнадцать культурно-исторических типов, включая два неразвитых, возникает вопрос, почему именно столько. Если руководствоваться первым законом исторического развития, сформулированным им, критерием тут служил общий язык или группа языков⁴⁹. Хотя в другом месте он проговаривался, что «отыскание этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны»⁵⁰. Скорее всего, Данилевский шел именно от «общеизвестности», а не от языка, но, поскольку, ее для научности доказательств мало, он постарался найти прин-

---

⁴⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 93.

⁴⁷ Там же. С. 453.

⁴⁸ Там же. С. 220.

⁴⁹ Там же. С. 95.

⁵⁰ Там же. С. 92.

цип деления, заранее зная, что будет перечислять. Подобная натяжка не ускользнула от его вдумчивых критиков и даже защитников⁵¹.

Теперь необходимо рассмотреть, что Данилевский понимал под «положительными и отрицательными деятелями истории». Итак, культурно-исторические типы как носители прогресса положительны, так как «развивают самостоятельным путем свое начало, заключающиеся как в особенностях их духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, внося при этом свой вклад в общую «сокровищницу»»⁵². Таким образом, они положительны именно потому, что оставляют свой вклад в истории человечества.

Но это еще не исчерпывает всего круга явлений. «Кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогли испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество». Данилевский называет их отрицательными деятелями человечества. Иногда, впрочем, по его мнению, «и зиждительная и разрушительная роль достается тому же племени, как это было с германцами и аравитянами»⁵³.

Наконец, «есть племена, которым (потому ли что самобытность их прекращается в чрезвычайно ранний период их развития или по другим причинам) не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия, ни

---

⁵¹ *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов. С. 21; *Соловьев В.С.* Россия и Европа. С. 362–363; *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского. С. 274–275.

⁵² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 220.

⁵³ Там же. С. 94.

положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов — культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собою разнообразие и богатство их, но сами не достигают исторической индивидуальности. Таковы племена финские и многие другие, имеющие еще меньше значения»⁵⁴.

Итак, все человечество у Данилевского распадается на три категории. Каждый народ легко подводится под одну из них. Принципиальным отличием «отрицательных деятелей» и народов, представляющих собою этнографический материал, от культурно-исторических типов является отсутствие у первых двух внутреннего развития, их жизнь статична, тогда как последние проходят определенные этапы, а затем уходят со сцены, унося в могилу свое «начало». Для автора «России и Европы» это принципиальный момент, чего не понял, например, Кареев, не видевший разницы «между уеденными культурно-историческими типами» (индийский, китайский, перуанский, мексиканский) и «отрицательными деятелями человечества»⁵⁵.

Интересно, что двумя годами ранее выхода в свет «России и Европы» С.М. Соловьев, профессор московского университета в мае 1867 г. прочитал лекцию, посвященную открытию этнографической выставки в Москве «Об историческом движении русского народонаселения». В ней, в частности, говорилось о том, что существуют народы «слывущие бичами Божьими, порождениями злых духов; дело их — дело разрушения», есть народы, живущие неслышно, незаметно и исчезли они незаметно, оставив после себя лишь образчики своей

⁵⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 94.

⁵⁵ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 18.

культуры, но есть и исторические народы «добрые рабы, приобретающие пять талантов, а отдающие десять, ... они продолжают дело творения»⁵⁶. Таким образом, Соловьев подразделял все народы на те самые три категории, о которых впоследствии будет писать автор «России и Европы». Этот факт можно назвать совпадением, а можно предположить и знакомство Н.Я. Данилевского с трудами московского историка, к этому моменту опубликовавшего не один том своей «Истории России с древнейших времен» и активно печатавшегося во многих периодических изданиях. Им не зачитывались, так как серьезное знакомство с большинством его работ требовало большой усидчивости, времени и определенной подготовки, и тем не менее, его имя было знакомо любому мало-мальски образованному человеку⁵⁷. Данилевскому, как показывает его послужной список, терпения было не занимать, кроме того, на страницах своей книги он сам вступил в дискуссию с историком относительно трактовки им Восточного вопроса, что явно указывает на знакомство автора «России и Европы» с трудами Соловьева, таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что подобное деление народов на категории было им позаимствовано у историка.

Вернемся к самой теории Данилевского. Для правильной интерпретации ее очень важно понять, как культурно-исторические типы соотносились между собой. Одним из стереотипов, закрепившимся за автором «России и Европы» благодаря его первым критикам, является его изоляционизм⁵⁸. Однако он не совсем верен. Данилевский создал довольно сложную схему, разобрать-

---

⁵⁶ Соловьев С.М. Об историческом движении русского народонаселения. Сочинения в 18-ти кн. Кн.23 (доп.) М., 1998. С. 170–171.

⁵⁷ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. С. 246.

⁵⁸ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 335.; Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 279; Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 14.

ся в которой было не просто, поэтому, ссылаясь на третий закон развития культурно-исторических типов, большинство исследователей априори называли его изоляционистом, а его теорию — теорией локальных цивилизаций⁵⁹.

По третьему закону «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁶⁰. Итак, каждая цивилизация обладает определенными «началами», которые не могут передаваться другим. Именно эта невозможность вменялась в вину Данилевскому его критиками, что неслучайно. Этот принцип для современников автора «России и Европы» имел вполне конкретное политическое звучание. «Россия не Европа» в николаевское время значило ничто иное как запрет интеллектуального общения с западными странами, отрицание общности и возможного положительного взаимодействия европейской и русской культур и, как следствие, застой. Идеи, насаждавшиеся в царствование Николая I, большей частью русской общественности воспринимались негативно. Именно этим можно объяснить ожесточенность критики позиции Данилевского относительно этого вопроса⁶¹. Не считая Н.Н. Страхова и К.Н. Бестужева-Рюмина⁶², безусловных защитников автора «России и Европы», лишь О.Ф. Миллер попытал-

---

⁵⁹ См. напр., *Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Указ. соч. С. 322; *Султанов К.В.* Указ. соч. С. 126–127; *Бажов С.И.* Указ. соч. С. 73; *Авдеева Л.Р.* Указ. соч. С. 87.

⁶⁰ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 95.

⁶¹ *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов. С. 19, 26, 29, 32; *Соловьев В.С.* Россия и Европа. С. 353, 373; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 279; *Бердяев Н.А.* Русская идея. С. 57.

⁶² *Страхов Н.Н.* Жизнь... С. XXXI. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов. С. 269.

ся реабилитировать его точку зрения по данному вопросу. В возможности самостоятельного развития культурно-исторических типов он увидел гарантию сохранения разнообразия, которое даровал каждому народу Творец, хотя в другой работе замечал, что Данилевский заблуждается, абсолютно отрицая возможность плодотворного общения различных культурно-исторических типов и, в частности, славянского и романо-германского⁶³. Примерно то же самое писал А.Д. Градовский, рассуждая об этой проблеме в общем, безотносительно чьим-либо взглядам. Он, например, полагал, что человечество всегда выигрывало от самостоятельного развития отдельных народностей и представляющих их личностей⁶⁴.

В третьем законе развития всемирно-исторического процесса, сформулированным Данилевским, говорится не только о «непередаваемости начал», но и о том, что они вырабатываются самим культурно-историческим типом при большем или меньшем влиянии других цивилизаций. Следовательно, нет возможности передачи, но есть возможность влияния. Если человек читал «Россию и Европу» поверхностно или с предубеждением, этого достаточно для того, что бы решить, что Данилевский или путается в терминах, или сам себе противоречит. Именно такой вывод и сделали В.С. Соловьев и Н.И. Кареев⁶⁵. После перечисления культурно-исторических типов автор «России и Европы» замечал, что «между ними должно отличать типы уединенные — от типов или цивилизаций преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного другому, как материалы для питания или как удобрение (то есть обогащение разными усвояемыми, ассимилируемыми ве-

⁶³ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 96, 312.

⁶⁴ Градовский А.Д. Сочинения. С. 372.

⁶⁵ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 30; Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 336.

ществами) той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип»⁶⁶. Далее он развил эту мысль следующим образом: «результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская, хотя бы эти последние и одни равнялись всем им продолжительностью жизни»⁶⁷.

Таким образом, очевидно, что если есть преемственность, то есть и родство, которое довольно крепко связывает отдельные цивилизации в одно целое. К.Н. Бестужев-Рюмин, бесспорный поклонник теории культурно-исторических типов, в своей критике, по существу, кратко пересказывал текст оригинала, он не заметил или предпочел не замечать данного противоречия. Историк подытожил все сказанное в этом отрывке Данилевским, сведя все к мысли: были непередаваемые начала и была преемственность⁶⁸, более к данной проблеме он не возвращался. Таким образом, не пытаясь разобраться в данном спорном моменте, Бестужев-Рюмин еще более подталкивал оппонентов к неверной интерпретации.

Наиболее последовательно эту часть теории критиковал Н.И. Кареев. Он указал на фразу о преемственности, как на создающую неразрешимое противоречие. По его мнению, автор «России и Европы» отрицает единую нить развития человечества, но признает при этом преемственность нескольких культурно-исторических типов, чем, по сути, признает и единую нить развития если не всего человечества, то хотя бы некой довольно значительной его части⁶⁹. Сам же Кареев был убежден,

⁶⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 93.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов. С. 227.

⁶⁹ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 15.

что уединение — это лишь временное состояние. Разобщенность истории постепенно уступает место единению, и в задачу историка как раз и входит необходимость проследить данный процесс⁷⁰. Очень схожую мысль высказал и В.С. Соловьев, замечая между прочим, что человечеству удавалось создать что-то великое, лишь когда оно выходило из узких национальных рамок⁷¹.

Итак, есть цивилизации уединенные (китайская, индийская), и есть шесть преемственных (египетская, ассирийско-вавилонно-финикийская, греческая, римская, еврейская, европейская), своевременно сменивших друг друга⁷². Но что вкладывает Данилевский в понятие «преемственность»? Еще в самом начале книги автор «России и Европы» указывал, что есть территории располагающие или менее располагающие, или вовсе не располагающие к развитию гражданского общества. И в этом смысле европейская часть Евразии весьма хорошо наделена всем необходимым⁷³. По его мнению, данные территории никогда не останутся пустыми. Со сцены истории будут уходить одни, другие же будут обосновываться на местах предшественников. И в каком-то смысле будут их наследниками. Но это не преемственность культур, это передача из рук в руки территорий.

Между тем под преемственностью Данилевский подразумевал не только общность территорий. Говоря о перспективах погибающей цивилизации, он указывал, что «иногда нисходят на ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы, в ожидании пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их,

---

⁷⁰ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 16.

⁷¹ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 373.

⁷² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 93.

⁷³ Там же. С. 77.

в смеси с другими элементами, в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа»⁷⁴.

Таким образом, народ может создать культурно-исторический тип, только если обладает «формационным началом». Это понятие тождественно понятию «начало» из третьего закона развития. Далее мыслитель рассуждал следующим образом: «преемственные культурно-исторические типы имеют естественное преимущество перед уединенными. Каким же образом происходит это преемство? По Данилевскому, «вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому; но из этого не следует, чтоб они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизация, надо себе точнее уяснить»⁷⁵. Тут опять звучит та же мысль: преемственность есть, но сама цивилизация не передается.

Автор «России и Европы» видел три способа распространения цивилизации: колонизация, прививка, передача материала для строительства в большем количестве и улучшенном качестве. Примером колонизации, по его мнению, может служить передача цивилизации греками Южной Италии и Сицилии, англичанами Северной Америке и Австралии. Прививкой Данилевский называл попытку Цезаря сделать кельтов римлянами, причем первые стали «средством», «служебным орудием» для процветания вторых. И, наконец, «передача материала для строительства» имело место при общении Греции и Рима, и их обоих с германо-романским культурно-историческим типом⁷⁶. Первые два способа или

⁷⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 94.

⁷⁵ Там же. С. 102.

⁷⁶ Там же. С. 102–104.

безрезультатны или катастрофичны для другой цивилизации, так как они могут дать плоды лишь при уничтожении ее формационного (образовательного или народного) начала. При последнем же — передаются лишь навыки, инструмент, практические наработки и не затрагивается внутреннее начало. Таким образом, хоть и Данилевский называл эти способы «способами передачи цивилизации», для него они по сути своей таковыми не являлись.

Внутреннее образующее начало, по его мнению, первостепенно, и именно оно не может передаваться. Кареев не разглядел этого у автора «России и Европы». Практические наработки и попадают в «сокровищницу» человечества, формационное же начало культурно-исторический тип уносит с собой в могилу. Оно основа основ, и без него цивилизация теряет свою положительную роль и превращается в ничто. Первые два способа передачи отнимают у цивилизации силы, так как, отказываясь от себя, она не может перенять другие начала и становится этнографическим материалом, а не преемственной цивилизацией.

Результаты «преемственных цивилизаций» (опять же практические) выше именно потому, что им не приходится заново изобретать некоторые навыки и тратить на это свои силы, тем более, Данилевский указывал, что сами бы они могли до этого и не додуматься. «Народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, т.е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности... Все же остальное, в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования, а может быть только принимаемо к сведе-

нию»⁷⁷. Таким образом, знать внутренние начала другой цивилизации можно, а вот жить по ним нельзя.

Если подытожить все вышесказанное относительно преемственности, то получается, что под нею Данилевский подразумевал возможность пользоваться практическими наработками предшественников в материальной сфере. Таким образом, если из цепочки пяти-шести преемственных цивилизаций выбить, например, одно звено, ничего не изменится. У последующих цивилизаций будет, условно говоря, одним навыком меньше, но его отсутствие не изменит вектор их развития.

Отсюда следует вывод, что автор «России и Европы» допускал возможность общения культурно-исторических типов, а главное передачу опыта, но он довольно строго очерчивал границы этого, поэтому изоляционистом в полном смысле этого слова его признать нельзя.

Данилевский стремился охватить весь мир в своей теории. Он хотел создать естественную систему исторической науки, которая бы являлась «светом, освещающим под нужным углом все факты»⁷⁸. Но что у него получилось в результате?! Исходя из его понимания прогресса и степени возможности взаимовлияния цивилизаций друг на друга, единое поле истории распадается на множество хаотично расположенных линий, совокупность которых и является прогрессом. На первый взгляд, понятие прогресса в его теории получилось весьма аморфным. С одной стороны, каждый новый культурно-исторический тип может действовать с успехом на поприщах, уже успешно пройденных другими, а, с другой – необходима постоянная смена направления деятельности для того, чтобы прогресс мог продолжаться⁷⁹. Таким образом, на первый взгляд, получается,

---

⁷⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 104.

⁷⁸ Там же. 83.

⁷⁹ Там же. С. 129.

что нельзя выстроить единую линию развития. Культурно-исторические типы зарождаются, добиваются в своей деятельности определенных успехов, умирают, оставляя свои достижения в «сокровищнице», — и так до бесконечности.

Данилевский, пытаясь собрать всю историю человечества воедино, в результате разбил ее на отдельные картинки. Единственным скрепляющим понятием для него являлась «сокровищница», некое абстрактное хранилище всех достижений человечества⁸⁰. Автор «России и Европы», по всей видимости, почерпнул идею «сокровищницы» из работы О.Ф. Миллера «Славянский вопрос в науке и в жизни по поводу «обзора истории славян» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича», опубликованную в 1865 г. В ней в частности говорилось: «Цивилизация ... создается народами; каждый великий народ вносит свою самостоятельную долю в «сокровищницу»; каждый вновь поступая на сцену истории, воспринимая цивилизацию, создавшуюся до него другими, непременно продолжает ее создавать, внося в нее что-нибудь из своей народности»⁸¹. Некое абстрактное хранилище достижений человечества, которое стало одной из главных составляющих теоретической схемы исторического процесса Данилевского поразительно напоминает «сокровищницу» Миллера, он даже не стал придумывать ей иное название. Разница между ними лишь в том, что известный литературовед верил в существование общечеловеческой цивилизации, создаваемой трудами разных народов, а позаимствовавший у него идею автор «России и Европы» — нет. Данилевский без особого труда встроил «сокровищницу» в свою теоретическую картину мира, только он оторвал ее от конкретных истори-

---

⁸⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 120.

⁸¹ Миллер О.Ф. Славянский вопрос в науке и в жизни по поводу «обзора истории славян А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича». СПб., 1865. С. 81.

ческих событий и общечеловеческой цивилизации, сделал ее еще более абстрактной. В ней хранятся все практические достижения культурно-исторических типов (вместо «народов» Миллера), но она существует независимо от них: они зарождаются и умирают, а «сокровищница» остается. Миллер невольно оказал Данилевскому весьма важную услугу, помог найти мостик между временностью существования «положительных деятелей человечества», уносящих с собой в могилу свое образовательное начало и наличием разного рода достижений, переживающих своих создателей. У автора «России и Европы» понятие «сокровищницы», таким образом, наделено весьма существенным моральным значением, цивилизации «трудятся не вотще», значит, мировая история вовсе не бессмысленна.

Но что это понятие являет собою на самом деле, скрепляет ли оно человечество в реальности? Действительно, если каждый культурно-исторический тип живет своей жизнью, развивая свое направление деятельности (или направления), подбирает в корыстных целях навыки других, зачем вообще думать о ком-то, кроме себя. Даже если «сокровищница» объективно существует, то какое дело до этого цивилизациям. Понятие это, таким образом, теряет моральное содержание, которое ему хотел придать Данилевский.

Автор «России и Европы» — ученый. Он излагал, прежде всего, научную концепцию. При всем своем прагматизме естествовника Данилевский был еще и глубоко верующим человеком, христианином. Он не мог не видеть, что теория культурно-исторических типов делает прогресс человечества бесцельным, обесмысливает его. Именно его духовностью можно объяснить введение в теорию понятия «сокровищницы», которое являет собой собрание всечеловеческих ценностей. Чем же отличаются всечеловеческие ценности от общечеловеческих?

Мысль о возможности общего пути для всех цивилизаций к одной цели представлялась Данилевскому уродливой, так как в таком случае жизнь отдельных культурно-исторических типов оказывалась «жалкими подмостками, ни на что не годными, не стоящими того, чтоб обращать на них внимание, — детскими попытками, не имеющими более значения с тех пор, как лежавшие в них обещания достигли своего исполнения»⁸². По сути, он протестовал против неравенства вкладов в историю разных народов. Если признать, что существует единая цель, то существует и цивилизация, которая ее реализует, и тем самым станет выше других. В этом Данилевский был крайне последователен. Напрасно Н.И. Кареев уподоблял его Гизо, Боклю, Гегелю⁸³, видевших в своих нациях высшую точку развития человечества. И хотя автор «России и Европы» и надеялся, что вклад славян в «сокровищницу» будет большим, чем у их предшественников, но теоретически он не был итоговым, а был лишь первым в своем роде⁸⁴. Более того, славянский культурно-исторический тип еще не вошел в пору цивилизационного развития, а значит, может реализовать свои задатки, а может и погибнуть и, соответственно, его место займет кто-то другой.

Итак, Данилевский считал, что единой цели или задачи человеческого развития не существует. Притом он дал существенное уточнение своей мысли. «Такой задачи, однако же, вовсе и не существует — по крайней мере, в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и для остального человечества. Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные вре-

---

⁸² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 119–120.

⁸³ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 11.

⁸⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 489.

мена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, *in potentia*) в идее человечества»⁸⁵. Это хорошо согласуется с выводом Данилевского о том, что ни человечество, как существо коллективное, ни отдельный какой-либо человек не носят в себе сознания человечества⁸⁶. Против этого вывода протестовал В.С. Соловьев. Он полагал, что хотя, действительно, для человека в силу его слабостей «интересы какого-нибудь сословия или партии всегда определеннее и конкретнее, нежели интересы общенациональные или общегосударственные, ..., что для всякого его личные эгоистические интересы суть из всех прочих самые ясные...», но предавать безусловное предпочтение (в смысле высшего предела человеческих обязанностей) культурно-историческому типу сравнительно с человечеством как понятием более отвлеченным и неясным, значит открывать дорогу всякому дальнейшему понижению нравственных ценностей⁸⁷. Философ критиковал автора «России и Европы», опираясь, прежде всего, на христианскую мораль, по которой любая беда другого человека христианином должна восприниматься как своя, тем самым в мире будет множиться добро, а не зло. Он указывал на опасность того, что житейская мудрость «своя рубаха ближе к телу», которой руководствовались многие от рядового обывателя до политика, станет наивысшей ценностью. И хотя Данилевский вместо служения человечеству предлагал служение интересам культурно-исторического типа, что с христианской точки зрения, действительно, ниже, его идеалы не такие уж приземленные, как казалось Соловьеву.

По мысли автора «России и Европы», понятие «человечество» абстрактно и не может быть осознаваемо, так

---

⁸⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 117.

⁸⁶ Там же. С. 119.

⁸⁷ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 379.

как состав его слишком разнороден (формационные начала каждого культурно-исторического типа непознаваемы для других). Человеку очень трудно научиться мыслить абстрактно, еще труднее, а быть может, и вовсе невозможно научиться жить ради абстракции.

В связи с этим необходимо вспомнить работы петербургского профессора, автора фундаментальных трудов по истории и теории государственного права, публициста А.Д. Градовского. В 1873 г. он опубликовал книгу «Национальный вопрос в истории и литературе». Ее выходу в свет чрезвычайно обрадовался Н.Н. Страхов, увидев в ней повторение идей «России и Европы», он поспешил сделать вывод, что теория культурно-исторических типов, наконец, начинает обретать влияние в обществе, о чем и сообщил Н.Я. Данилевскому, очевидно желая его приободрить. В своем письме к последнему он писал: «главная идея в его книге (Градовского А.Х.) Ваша — избегать влияния Запада»⁸⁸. Итак, Страхов полагал, что взгляды двух мыслителей тождественны.

Петербургский ученый в своих работах, действительно высказывал ряд сходных с Данилевским мыслей. Например, он считал, что прогресс человечества связан, прежде всего, с успехами национального начала, только оно может созидать. Более того, «элементы народности» являются признаками, отличающими одно общество от другого⁸⁹. Если они будут утрачены, народ превратится в этнографический материал, неспособный к творческой деятельности⁹⁰. Таким образом, у обоих мыслителей прогресс зависит от множества деяте-

⁸⁸ Письма Н.Н. Стрехова к Н.Я. Данилевскому. С. 129.

⁸⁹ *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. С. 11; Подобные мысли высказывались им и в более поздней работе «Национальный вопрос», написанной в 1876 г. См. *Градовский А.Д.* Сочинения. С. 378.

⁹⁰ *Он же.* Национальный вопрос в истории и литературе. С. 36.

лей (у Данилевского — культурно-исторические типы, у Градовского — нации), причем творцами истории их делают национальные особенности (у Данилевского — образовательное начало, у Градовского — национальные признаки). Кроме того, петербургский профессор утверждал, что история человечества не есть цельная и законченная система, задуманная по одному плану и проведенная с беспощадной логикой, ни одна нация не может иметь претензии представить собою исчерпывающее воплощение всего человечества⁹¹. Казалось бы, на лицо совпадение взглядов. Но несмотря на то, что сам Градовский во многих своих работах называл себя защитником национального начала⁹², он был уверен, что его развитие способствует прогрессу общечеловеческой цивилизации⁹³. Нации, создавая каждая свою цивилизацию, в свое время сменяют друг друга и каждая последующая лучше предыдущей⁹⁴. Следовательно, они трудятся не для себя, не для некой абстрактной «сокровищницы», все достижения народов передаются из рук в руки и, в конечном счете, способствуют прогрессу всего человечества. Их нескончаемая череда — это ничто иное как единая нить развития. О подобном же накоплении и передаче из рук в руки опыта писал и О.Ф. Миллер⁹⁵. Истоки их концепции следует искать в философии истории Гегеля, которую Данилевский оспорил на страницах своей книги. И в этом коренное отличие позиции автора «России и Европы», он отрицал существование общечеловеческой цивилизации, Миллер же и

⁹¹ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 11.

⁹² *Он же*. Сочинения. С. 367, 368, 373. *Он же*. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 12.

⁹³ *Он же*. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 11.

⁹⁴ Эта мысль была высказана А.Д. Градовским в его теоретической работе «Государство и прогресс». См. Градовский А.Д. Сочинения. С. 98.

⁹⁵ Миллер О.Ф. Славянский вопрос... С. 81.

Градовский, защищая национальное начало, видели величайшую его ценность именно в том, что оно создает общечеловеческую цивилизацию своими трудами.

Абстрактность прогресса у Данилевского не могла найти отклика. Она смущала многих вдумчивых читателей «России и Европы». Н.И. Кареев писал, что во имя самобытности культурно-исторических типов Данилевский закупорил все отдушины исторических перегородок⁹⁶, О.Ф. Миллер вообще назвал теорию Данилевского антихристианской⁹⁷. Смутила она и Ф.М. Достоевского, неприемлема оказалась и для В.С. Соловьева. Люди эти столь противоположных взглядов сошлись в одном: теория Данилевского не давала осознанного ориентира. Творчеству Достоевского и Соловьева был особа присущ мессианиззм. Первый с горечью писал в письме к А.Н. Майкову, что даже в «столь высоком русском человеке как автор “России и Европы”» нет понимания, что «свет Востока» спасет «ослепшее человечество Запада»⁹⁸. Второй же раздраженно отозвался обвинениями в адрес Данилевского, что его книга вообще перечеркивает идею христианства⁹⁹, в этом же автора «России и Европы» обвинял и Н.А. Бердяев¹⁰⁰. Достоевский лишь горько сожалел, Соловьев же активно боролся с «ползучей теорией», так как она замахнулась на его «святыню Рима». Она мешала его идеи всемирной теократии, но что она давала взамен?

Теория Данилевского, действительно, не дала общечеловеческого ориентира¹⁰¹. Идея постоянного появле-

⁹⁶ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 14.

⁹⁷ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 274.

⁹⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 29. Кн. 1. С. 147.

⁹⁹ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 374.

¹⁰⁰ Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста. С. 57–61.

¹⁰¹ По теории Н.Я. Данилевского смена культурно-исторических типов может продолжаться до бесконечности, то есть нет конечной точки развития человечества.

ния новых цивилизаций, которое может продолжаться бесконечно, по существу, противоречит христианской мысли о конечности бытия. Данилевский, будучи христианином, верил в Страшный Суд, который завершит историю человечества, но этой идеи не нашлось место в его историософской системе. В его книге нет ощущения конца, нет эсхатологических предчувствий.

Утверждая отсутствие общей цели человечества и общечеловеческих ценностей, он пытался компенсировать это введением понятий «сокровищница» и «всечеловеческие ценности», с помощью которых им была сделана попытка осмыслить место христианства во всемирно-историческом процессе. Оно для Данилевского «сверхъестественный дар» и, безусловно, явление духовное, а духовные явления по своей природе национальны¹⁰². Так какому же тогда культурно-историческому типу принадлежит христианство? Неверующий человек мог приписать его кому-нибудь и оставить этот вопрос. Но Данилевский верил в принадлежность христианства всем цивилизациям. По его мнению, хотя еврейский культурно-исторический тип был хранителем этого дара, опять же в силу особенностей своего развития¹⁰³, то потом истина эта стала достоянием всех¹⁰⁴. Правда, каждый «положительный деятель человечества» может воспринять ее с разной глубиной, а может и исказить¹⁰⁵. Но все же это не меняет суть дела, христианство – это всечеловеческая ценность. Таким образом, именно потому, что в «сокровищнице» на ряду с навыками, изобретениями, творениями и т.п. хранится христианство, само понятие всечеловеческого имеет моральную ценность. Эта мысль у Данилевского не была высказана ясно, а потому, быть может, не обратила на

¹⁰² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 104.

¹⁰³ Там же. С. 456.

¹⁰⁴ Там же. С. 214.

¹⁰⁵ Там же. С. 177.

себя должного внимания. Он признал универсализм христианского учения, так как не мог его не признать. Но автор «России и Европы» умолчал о других мировых религиях: исламе и буддизме, в чем не преминули его упрекнуть оппоненты¹⁰⁶. Это объясняется вовсе не боязнью Данилевского признать их всемирное значение, а значит, признать, что в его законах исторического развития не все верно¹⁰⁷. Автор «России и Европы» обошел эту проблему стороной просто потому, что был с ней мало знаком, ведь он назвал христианство всечеловеческой ценностью, что тоже плохо согласуется с непередаваемостью духовных начал.

Итак, понятие всечеловеческие ценности для Данилевского своего рода мостик между прагматизмом его научных знаний и идеализмом. Однако, что они из себя представляют. По смыслу это то, что принадлежит всему человечеству, тогда что такое общечеловеческие ценности — по сути, тоже самое. Вероятно, именно потому, что эти понятия в принципе синонимичны, смысловая разница между ними плохо различалась современниками Данилевского. Так, например, его самый активный оппонент В.С. Соловьев пользовался ими как синонимами¹⁰⁸. В теории культурно-исторических типов они имели существенную смысловую разницу. Автор обозначил ее, дав им определения. В его интерпретации «человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу как родовое понятие к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом»¹⁰⁹. На примере анализа родов «кошки» и «малины», он делал вывод, что представить визуально ни род «кошки»,

---

¹⁰⁶ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 24; Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 368–374.

¹⁰⁷ Имеется в виду третий закон о непередаваемости начал.

¹⁰⁸ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 373.

¹⁰⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 121.

ни род «малины» невозможно, в воображении будут рисоваться виды (львы, барсы, рыси, ежевика, морошка и т.п.). Таким образом, понятие рода – это нечто отвлеченное, неполное; для того, чтобы осуществиться ему требуются дополнения, причем существенные.

Из данных разъяснений следуют интересующие нас определения. «Понятие об общечеловеческом не только не имеет в себе ничего реального и действительного, но оно уже, теснее, ниже понятия о племенном, или народном, ибо это последнее по необходимости включает в себя первое и, сверх того, присоединяет к нему нечто особое, дополнительное, которое именно и должно быть сохраняемо и развиваемо... Следовательно, *общечеловеческого* не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом, довольствоваться невозможную неполнотою»¹¹⁰. «*Всечеловеческое*», по его мнению, стоит выше всякого отдельно-человеческого, или народного; состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и разновременная»¹¹¹.

Таким образом, первое понятие по смыслу, это нечто целое и неразделимое, присущее всем. Второе же – это лишь сумма. Данилевский лишний раз конкретизировал свою идею существования множества направлений развития человечества, при этом немного смягчив нарисованную им картину мира. Но если приверженцы «общечеловеческого» верят в свой общечеловеческий идеал и стремятся к нему, то у «всечеловеческого» его

¹¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия И Европа. С. 123–124.

¹¹¹ Там же. С. 124.

нет, как нет и всечеловеческой цивилизации, так как это лишь абстрактная сумма ценностей, а складывать можно до бесконечности.

«Сокровищница», по Данилевскому, это место, куда не только складываются всечеловеческие ценности и навыки, но откуда их также извлекают. По логике получается, что она постоянно пополняется, так как хотя из нее и берут, но потом опять возвращают, так еще и с прибытком. Таким образом, «сокровищница» — это нечто отнюдь не статичное. Она видоизменяется во времени. Встает вопрос как это происходит?

Говоря о прогрессе, Данилевский отмечал, что, во-первых, каждая цивилизация трудится не зря, результаты ее труда используются другими, так как повторяться незачем; во-вторых, новые культурно-исторические типы достигают больших результатов, если меняют направление деятельности, хотя это может сочетаться и с развитием предшествующих направлений¹¹². Таким образом, для Данилевского прогресс — это постепенное освоение разных видов деятельности. Если он заключается в разносторонности, то чем тогда ее измерить. Автор «России и Европы» разбил все поле деятельности человечества на категории. Он установил общие категории, под которые, по его мнению, «подводятся естественным образом все стороны народной деятельности, и которые обнимают собою все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами культура и цивилизация»¹¹³.

Далее Данилевским делается вывод, что общих рядов культурной деятельности в обширном смысле этого слова (не могущих уже быть подведенным один под другой) насчитывается не более и не менее четырех, а именно:

¹¹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 128–129.

¹¹³ Там же. С. 454.

1. *Деятельность религиозная*, объемлющая собою отношения человека к Богу, – понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. *Деятельность культурная*, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, теоретическое – научное, во-вторых, эстетическое – художественное (причем, конечно, к внешнему миру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, техническое – промышленное, то есть добывание и обработка предметов внешнего мира, применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира достигнутым путем теоретическим.

3. *Деятельность политическая*, включающая в себя отношения людей как членов одного народного целого, и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам.

4. *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей не непосредственно как нравственных и политических личностей, а применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их¹¹⁴.

Это деление Данилевский постарался хорошо продумать, и хотя Н.К. Михайловский иронизировал по поводу, почему не больше или почему не меньше¹¹⁵, собствен-

¹¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 454–455.

¹¹⁵ Михайловский Н.К. Россия и Европа. С. 871.

но говоря, сам он не смог указать, что здесь лишнее или чего здесь недостает. Но Михайловский хотя бы признавал данные категории важной составляющей частью, по его словам, «неважной» теории. Для Н.И. Кареева, В.С. Соловьева, П.Н. Милокова они вообще не имели принципиального значения.

После перечисления категорий, Данилевский уже предметно рассмотрел, как развивалось человечество. «Первые культуры: египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую мы можем по всей справедливости назвать первичными, или аутохтонными, потому что они сами себя построили, так сказать, сосредоточив на разных точках земного шара слабые лучи первобытной догосударственной деятельности человечества. Они не проявили в особенности ни одной из только что перечисленных нами сторон человеческой деятельности, а были, так сказать, культурами подготовительными, имевшими своею задачей выработать те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе»¹¹⁶.

Таким образом, первые цивилизации, не имея в своем распоряжении никаких наработок, вынуждены были заниматься всем понемножку, растрачивая на это свои силы. К моменту их появления «сокровищница» была пуста, и благодаря им, она зародилась. Волей или неволей «аутохтонным» цивилизациям пришлось вырабатывать «условия», создавать первичные навыки. По мнению Данилевского, «все было в них еще в смешении; религия, политика, культура, общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности»¹¹⁷.

Они, сделав первый вклад в «сокровищницу», обеспечили качественно иные условия для зарождения бо-

---

¹¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 455.

¹¹⁷ Там же.

лее поздних культурно-исторических типов. Последние могли черпать из нее практические наработки, не растрачивая попусту свои силы, которые высвобождались для развития чего-то особенного. После «аутохтонных» цивилизаций пошла черед «одноосновных», они смогли себя как-то по-особенному проявить лишь в одной категории деятельности, что было большим шагом вперед, ведь предшественники не сумели и этого. Всего таких цивилизаций три: еврейская, греческая, римская. Они соответственно развили религиозную, культурную, политическую стороны деятельности¹¹⁸. По мнению Данилевского, «дальнейший исторический прогресс мог и должен был преимущественно заключаться как в развитии четвертой стороны культурной деятельности – общественно-экономической, так и в достижении большей многосторонности посредством соединения в одном и том же культурном типе нескольких сторон культурной деятельности, проявлявшихся доселе раздельно»¹¹⁹.

По какой-то неведомой причине не нашлось культурно-исторического типа, который смог бы развить общественно-экономическую деятельность, зато сложились определенные условия для появления качественно нового культурно-исторического типа. В сокровищницу попали «огромные богатства», включая самый бесценный дар – христианство. Таким образом, Германороманский культурно-исторический тип, которому по логике было предназначено развивать общественно-экономическую деятельность, получил в переизбытке питательные вещества и строительный материал, поэтому у него сформировались задатки ко всему¹²⁰. Они не смогли развиться, в силу особого образовательного

---

¹¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 460.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 461.

начала этого культурно-исторического типа. Поэтому он оказался не в состоянии владеть столь большими сокровищами. Германо-романская цивилизация сумела стать лишь «двухосновным политико-культурным типом»¹²¹.

Славянский культурно-исторический тип, находящийся только в стадии формирования, подобно Германо-романскому типу имеет задатки, которые могут позволить ему стать четырехосновным типом¹²². На это надеялся автор, однако он этого не утверждал безапелляционно. Если это осуществится, будет сделан качественно новый шаг на пути прогресса, а, соответственно, «сокровищница» приобретет иной вид.

Итак, есть задатки, и есть возможность их воплотить, но можно часть, можно все, можно ничего. Возможность соответственно определяется формационным началом, дающим жизненные силы культурно-историческому типу. Какие-то задатки реализуются и пополняют «сокровищницу» очередными дарами, и тем самым, создают иные условия для формирующихся культурно-исторических типов. Следовательно, введение понятия «основности» дополняет в очередной раз понятие «прогресса». Оно как бы его конкретизирует, наглядно демонстрирует. Появляются первые деятели на исторической арене, у них нет ничего, даже ясного понятия о сферах деятельности, они стараются везде и во всем преуспеть, в результате весь надрыв кончается тем, что они вырабатывают примерные понятия и основные навыки во всех категориях. Потом являются другие, подбирая все эти навыки и начинают развивать свою индивидуальность сообразно своему формационному началу, в результате добиваясь впечатляющих успехов, но в одной лишь области. Наследство этих твор-

---

¹²¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 462.

¹²² Там же. С. 488.

цов поистине огромно, так как они все развиваются на смежных территориях. Тут является очередной субъект истории опять же на тех же территориях (он имеет возможность легко знакомится с наработками предшественников) и, пользуясь обилием «строительного материала», преодолевает однобокость предшественников. Здесь вырисовывается определенная лесенка, причем она всегда ведет вверх: от простого к сложному, от однобокого к многогранному. После появления одноосновных цивилизаций «аухтохтонные» больше не возникают. Казалось бы, получается довольно простая схема.

Существует еще один важный момент: как было много задатков у германо-романского культурно-исторического типа, но лишь половина из них развилась, а существовала возможность и полного уничтожения данного типа, если бы он потерял свое формационное начало, то превратился бы в этнографический материал. Так как цивилизации приходят и уходят, уступая дорогу другим, превращение в этнографический материал никак бы прогрессу не помешало. Пришел бы другой культурно-исторический тип и воспользовался бы теми же богатыми дарами и, быть может, в силу своих особых начал сделал бы это еще лучше, чем Германо-романский культурно-исторический тип.

Другое дело – частичная реализация. Она как раз на прогресс влияет. Необходимая масса питательных веществ скоплена, но ей не могут воспользоваться, и в то же время не уходят с исторической арены, чем мешают в силу разных причин возникновению других культурно-исторических типов. Таким образом, существует возможность замедления прогресса. Вообще же идея о возможности частичной реализации и идея взаимовлияния потенциала и условий воплощения (как внутренних, так и внешних) присутствовала еще в раннем творчестве Данилевского. Анализируя, теорию Гумбольдта,

он пришел к выводу, что скорость прогресса зависит от развития науки, создающей потенциал исторического развития, и от политического развития, обеспечивающего благоприятные или неблагоприятные условия для реализации потенциала. Следовательно, прогресс может идти медленнее или быстрее¹²³. Конечно, в «России и Европе» понятие «потенциала» (задатки плюс «сокровищница») намного многограннее, а условия реализации отнюдь не зависят лишь от политики, но идея в целом та же. Отсюда четко следует принцип постепенности в формировании «сокровищницы», невозможны скачки назад, но в то же время невозможно и перескакивание через ступеньку. В идее усложнения культурно-исторических типов как выражении прогресса можно усмотреть влияние представления К.М. Бэра о процессе развития эмбриона как переходе от гомогенного состояния к гетерогенному, подхваченного Г. Спенсером.

С каждой новой цивилизацией «сокровищница» растет, усложняя тем самым новые цивилизации. В ней концентрируется прогресс, ее усложнение и развитие и есть сам прогресс. Она одна и она развивается. В теории Данилевского этот процесс и есть единая нить развития человечества, причем ведет она только к лучшему. Таким образом, автора «России и Европы» можно назвать позитивистом. Его позитивизм отличается от классического варианта своей абстрактностью, поскольку понятие «прогресса» связано у него не с конкретными субъектами исторического процесса, а с объемом достижений, накопленных человечеством.

От культурно-исторических типов зависит насколько быстро будет наполняться «сокровищница». И хотя по пятому закону развития всемирно-исторического

---

¹²³ Данилевский Н.Я. «Космос» Гумбольдта // Отечественные записки. 1848. №7. С. 22.

процесса их жизнь «всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короткий и истощает раз навсегда их жизненную силу»¹²⁴, следовательно, их существование по сути своей явление временного порядка. Но без них «сокровищницы» не будет, культурно-исторические типы ее творцы. Такими они являются, пока сохраняют свое непередаваемое формационное начало¹²⁵, которое автором «России и Европы» называлось еще и образовательным, и народным. Так как творцами истории являются культурно-исторические типы, а они, в свою очередь, существуют только благодаря своему «началу», можно признать вполне справедливым замечание Н.К. Михайловского, что Данилевский построил свою историческую теорию на национальных особенностях¹²⁶. Тот же Михайловский считал задачу их выявления столь сложной, а их самих столь неуловимыми, что, по его мнению, основывать на них историческую концепцию невозможно по определению¹²⁷.

Поскольку автор «России и Европы» стремился создать научную теорию, а понятие «народного начала» столь иллюзорно, он попытался разбить его на составляющие, которые легче поддаются научному анализу. Данилевский выделил три направления или разряда, по которым должны искаться отличия между разными народными началами:

«1) различия этнографические – это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов;

---

¹²⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 96.

¹²⁵ Там же. С. 94.

¹²⁶ Михайловский Н.К. Россия и Европа. С. 880.

¹²⁷ Там же. С. 880–881.

2) различия руководящего ими высшего нравственного начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художественной, так и со стороны общественного и политического строя;

3) различия хода и условий исторического воспитания народов»¹²⁸.

В данном случае Данилевскому не удалось выделить категории, которые можно было бы назвать равнозначными. Именно психический строй народа является определяющим понятием в его теории. Нравственные начала и историческое воспитание находятся в прямой зависимости от первой категории. Психическим строем обуславливается восприимчивость народа к высшей всечеловеческой ценности, христианству, без которой, по мнению ученого, нет истиной цивилизации¹²⁹. Это дар для всех, но в силу психического строя его можно исказить, соответственно, и нравственные идеалы будут братья не из христианства, а из особенностей психического строя культурно-исторического типа. Причем возможна как полная подмена, так и частичное искажение¹³⁰. Особый психический строй римлян сделал главным нравственным началом стремление к процветанию государства, он же сделал высшим нравственным началом греков стремление к наслаждению жизнью¹³¹. Следует отметить, что понятия психический строй и нравственные начала все-таки не тождественны у Данилевского, но грань между ними очень зыбка.

Историческое воспитание также зависит от психического строя народа. Хотя тут существенную роль играют и внешние факторы: кто соседи, насколько пол-

---

¹²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 171.

¹²⁹ Там же. С. 214.

¹³⁰ Там же. С. 461.

¹³¹ Там же. С. 459.

на «сокровищница» и т.п., но восприимчивость к предоставляемым питательным веществам и способность обращать их себе на пользу опять же зависит от психического строя. Германо-романский культурно-исторический тип имел все возможности стать четырехосновным типом, но не смог этого сделать из-за особенностей своего психического строя, по мнению Данилевского¹³².

То, что автор «России и Европы» избрал «народное начало» в качестве движущей силы всемирно-исторического процесса, и то, что под ним он фактически подразумевал психический строй народа, имеет простое объяснение. Данилевский был членом Императорского Русского Географического Общества. Во главе Отдела Этнографии стоял К.М. Бэр, смотревший на этнографию с антропологической точки зрения и видевший прямую зависимость облика народа от природных условий страны, где он обитает. Иначе данную проблему трактовали Н.И. Надеждин, В.И. Даль, П.С. Савельев. В своем докладе «Об этнографическом изучении народности русской» Надеждин предлагал уделять особое внимание «умственным способностям» народов (сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства, система нравственных понятий)¹³³. Данная точка зрения возобладала, а ее защитник возглавил Отдел Этнографии¹³⁴. Данилевский всегда внимательно следил за жизнью Географического общества, и эта дискуссия не могла остаться им незамеченной. Все то, что пишет в «России и Европе» Данилевский о народном начале и психическом строе народа прекрасно согласуется с воззрениями Надеждина по этому вопросу.

¹³² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 461.

¹³³ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 76.

¹³⁴ Семенов-Тянь-Шанский П.П. История... С. 37–39; Берг Л.С. Указ. соч. С. 42–44.

О психическом строе и его влиянии на формирование народности писалось не только в работах членов Отдела Этнографии Географического общества. Так например, А.Д. Градовский полагал, что «элементы народности» формируются под действием двух групп факторов: естественных (язык, нравственные и умственные особенности племени, географические и климатические условия) и условий исторической жизни¹³⁵. Причем под последними он понимал примерно тоже, что и Данилевский или Никитин под «историческим воспитанием народа». Градовский в этом вопросе ссылается на авторитет известного французского историка Тьерри¹³⁶. Подобное совпадение говорит об определенной атмосфере, царившей в то время в русских общественных кругах, где подобные идеи были весьма влиятельны.

Народное начало, по Данилевскому, дает силы и крепость общественному и политическому организму и без него его не будет¹³⁷. Таким образом, оно определяет как внешний облик культурно-исторического типа, так и, в конечном счете, его судьбу. С теоретической точки зрения несущественно, как Данилевский вычислял это народное начало в каждом конкретном случае, важно как он представлял себе его формирование. Автор «России и Европы» полагал, что «в племенной, этнографический, а не исторический период своего бытия культурно-исторические типы обладают значительной гибкостью, мягкостью организма. Не подвергнувшись еще влиянию своего особого образовательного начала, они сохраняют способность легко вступать в тесное соединение с другими народностями, точно так же, как многие химические вещества вступают в соединение между

---

¹³⁵ Градовский А.Д. Сочинения. С. 378.

¹³⁶ Там же. С. 379.

¹³⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 70.

собою только в состоянии зарождения. Различные этнографические элементы производят смешанный тип, если они между собою равносильны, или только немного изменяют главный тип, если одно из соединяющихся племен значительно преобладает численностью или нравственно уподобляющею силою»¹³⁸. Таким образом, «начало» не передаваемо, но изначально оно складывается из этнографических кусочков, причем, чем их больше, тем многограннее получается результат.

Данилевский видел смысл истории именно в кристаллизации этой многогранности, этому моменту он посвятил один из законов развития культурно-исторических типов. «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств»¹³⁹. Чем полнее цивилизация, тем больше будет вклад в «сокровищницу», тем больший шаг сделает человечество вперед. Но если общечеловеческого интереса не существует, то зачем это разнообразие, зачем это движение вперед, если отдельно взятый «положительный деятель человечества» не может осознавать его. Для Данилевского интерес человечества сознаваем только Богом и только ему принадлежит ведение его дел¹⁴⁰. Следовательно, все идет так, потому что так творит Создатель. На арену истории являются культурно-исторические типы с определенными образовательными началами по Его воле и момент их формирования — это уже сфера таинственная, поэтому автор «России и Европы» со своим стремлением к научности здесь отступал.

¹³⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 218.

¹³⁹ Там же. С. 96.

¹⁴⁰ Там же. С. 107.

Бог, по мысли Данилевского, это небесный Водитель человечества, поэтому народам не надо вдаваться в размышления о высшей идее своего существования. Надо лишь жить, не искажая той естественной системы, что создал Творец. На долю людей выпадает возможность познания законов жизни. Каждая цивилизация, как бы богата она не была, лишь творение, ей дали определенное начало, а значит, отвели и определенную роль соответственно с ее психическим строем. Видимо, Данилевский полагал, что искал законы развития человечества, чтобы помочь справиться со своей ролью положительным деятелям истории. А она, собственно говоря, заключается в том, чтобы как можно более полно раскрыть образовательное начало. Если оно самое ценное, что есть у каждого культурно-исторического типа, и в то же время, существует возможность его потери, то первоочередной задачей становится его сохранение.

Защитником «формационного начала» выступает государство. Данилевский обозначил его роль во втором законе развития культурно-исторических типов. «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью»¹⁴¹.

Автор «России и Европы» дал следующее определение «государства»: это «такая форма, или такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу». Причем жизнь, честь и свободу личности следует понимать в обширном значении этого слова, т.е. не одну индивидуальную жизнь, честь и свободу, но также жизнь, честь и свободу национальную, которые составляют существенную долю этих благ¹⁴². Данное определение государства было

---

¹⁴¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 95.

¹⁴² Там же. С. 216.

общепринято в тот период времени. Например, точно такое же можно найти в работах А.Д. Градовского¹⁴³.

Данилевский полагал, общеупотребительного идеала государства не существует. «Формы политически централизованного государства, союзного государства, союза государств и политической системы обуславливаются, с одной стороны, отдельностью народных личностей, служащих их основанием, и степенью их сродства между собою, с другой стороны – степенью опасности, угрожающей национальной чести и свободе, которым государства должны служить защитой и обороною»¹⁴⁴.

Таким образом, для каждого народа в силу внутренних и внешних причин подходит свой тип государства. Основопологающий принцип в деле государственного строительства у Данилевского один. Существенную роль играет, прежде всего, язык. Культурно-исторический тип для автора теории – историческая единица высшего порядка, нежели государство. Но даже для существования культурно-исторического типа принципиальное значение имеет наличие отдельного языка или родственной группы языков, довольно близких между собою, для того чтобы их сродство ощущалось непосредственно без глубоких филологических изысканий¹⁴⁵. Казалось бы, это условие должно было бы распространяться и на государство, но у Данилевского это не совсем так.

Для ученого принципиальную важность имеет разнообразие элементов, из которого складывается культурно-исторический тип, а охранять это разнообразие должно федеративное государство, объединяющее весь

---

¹⁴³ Градовский А.Д. Сочинения. С. 126, 402. *Он же*. Национальный вопрос в истории и литературе. С. 14.

¹⁴⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 223.

¹⁴⁵ Там же. С. 95.

тип¹⁴⁶. Это следует из четвертого закона развития культурно-исторических типов. Лучше всего, чтобы границы государства и культурно-исторического типа совпали. А если еще вспомнить, что, по его мнению, «государство и народ суть явления преходящие, существующие только во времени, и, следовательно, только на требовании этого их временного существования могут основываться законы их деятельности, то есть политики»¹⁴⁷, то получается необходимо соединить все родственные народы в одно государство и, сообразуясь с сиюминутными выгодами, забыв всякую мораль завоевывать место под солнцем. Чем не тоталитарное мышление? В.С. Соловьев, Н.И. Кареев, О.Ф. Миллер, П.Н. Миллюков, Н.А. Бердяев, а вслед за ними и большинство западных авторов и советских исследователей обвиняли Данилевского в макиавеллизме, восхвалении национального эгоизма и исключительности¹⁴⁸. Это обвинение абсолютно не сообразуется с мировоззрением автора «России и Европы». По его мнению, тот факт, что государственные законы и политика основываются на требованиях времени, не ведет к макиавеллизму. Этим лишь утверждается, что «всякому свое»¹⁴⁹.

Это «всякому свое» имело принципиальное значение для Данилевского. Государство как институт для него так важно именно потому, что оно может хранить само-

¹⁴⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 96.

¹⁴⁷ Там же. С. 41.

¹⁴⁸ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 379, 381, 395; Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С.28; Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 274; Масарик Т.Г. Россия и Европа. С. 285; Покровский М.Н. Указ. соч. С. 246; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 135–136; Малинин В.А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х гг. XIX в.). М., 1977. С. 229; Шкляр Л.Е. Штоквиш А.А. Указ. соч. С. 157; Авдеева Л.Р. Указ. соч. С. 87; Mac-Master R. Op. cit. P. 3–4; Thaden E. Op. cit. P. 114.

¹⁴⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 41.

бытность народа, его формационное начало. Он очень гибко подходил к данной проблеме. Так, например, «народ, говорящий языком, коего отдельные наречия и говоры столь близки между собою, что в практической жизни, общественной, торговой, политической не представляют затруднения к взаимному пониманию, должен составлять одно политическое целое»¹⁵⁰. В то же время, «для целых народов, говорящих на отдельных языках, принадлежащих к одному лингвистическому семейству, соответствующему самобытному культурно-историческому типу, должна предпочитаться слиянию в одно государственное целое, лишаящее культурную жизнь разнообразия, – менее тесная связь, которая, смотря по обстоятельствам, требующим более или менее тесного между ними соединения, может проявляться или в виде правильной федерации, основанной на положительном законодательстве, или даже только в виде политической системы»¹⁵¹. Даже федеративная государственность у него имеет свои вариации. «Федерация может представлять связь различной силы и крепости: может принять форму союзного государства, союза государств или просто политической системы»¹⁵².

Данилевский крайне бережен к национальному чувству народа. Он более гуманен, чем его оппонент Соловьев, так как не требовал ни от кого отказа от каких-либо сторон национального характера в угоду высшим идеалам или задачам. Сохранение себя и есть задача народа. Хотя, конечно, следует отметить, что за народами, представляющими, по его мнению, этнографический материал, следовательно, не обладающими особым животворящим самобытным началом, он не отставлял права требовать уважения к национальному чувству¹⁵³.

¹⁵⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 106.

¹⁵¹ Там же. С. 106.

¹⁵² Там же. С. 222.

¹⁵³ Там же. С. 34.

Если подвести итог, всему вышесказанному относительно государственного строительства, то, на первый взгляд, позиция Данилевского по этому вопросу может показаться довольно противоречивой. С одной стороны, при создании государства очень важна общность языка, с другой — государственные связи могут быть формальными и объединять разные элементы в одно единое целое. Тут автору «России и Европы» не удалось свой гибкий подход к данному вопросу зажать в строгие рамки закона. Для него национальность — это не такое жесткое понятие как, например, культурно-исторический тип. Последний может состоять из одной национальности, а может — из нескольких, что даже лучше. И если разные культурно-исторические типы не могут жить одинаково в силу различий психического строя, то разные национальности, составляющие один тип, при всех своих особенностях, стремятся к сходному стилю жизни. Более того, национальности, не родственные по языку, но живущие в непосредственной близости, могут влиять друг на друга¹⁵⁴. По Данилевскому, «национальность не составляет, однако, понятия столь резкого, чтобы все, не принадлежащее к ней, было ей совершенно чуждо в одинаковой мере»¹⁵⁵.

Таким образом, для него язык важен, но еще важнее для него образовательное начало культурно-исторического типа. А оно формируется в этнографический период через определенное смешение разнородного этнографического материала, и если народы находились рядом в данный период, то несущественно какой у них язык, его можно выучить, важно, что они вместе вырабатывали единый психический строй¹⁵⁶. Поэтому нет ничего противоестественного в том, что они будут

---

¹⁵⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 34.

¹⁵⁵ Там же. С. 222.

¹⁵⁶ Там же. С. 224.

соединены в единое государство. Пример Германо-романского культурно-исторического типа, по мнению Данилевского, не искажает картину. Он уже в XIX в. обладал государственностью, просто она самая слабая из всех возможных, поскольку имеет вид «политической системы», основанной на случайных трактатах, частое повторение которых, вследствие тесных сношений, образовало род обычного международного права¹⁵⁷.

Кареев не разобрался в довольно сложных представлениях Данилевского о государственности и природе ее возникновения. Для него факт соединения германской и романской групп в единый культурно-исторический тип и, в то же время, разъединение иранской группы народов был не понятен, а, главное, он не нашел для себя мотивов, руководивших автором «России и Европы» при создании данной «искаженной группировки». Кареев списал это на то, что Данилевский делает с фактами то, что ему выгодно¹⁵⁸. Примерно такую же позицию занял В.С. Соловьев¹⁵⁹. Н.А. Бердяев же вообще соединение романской и германской групп в единое целое списал на невежество Данилевского, который, по его мнению, как и все русские, не понимал реалий Европы¹⁶⁰.

Автор теории действовал так не потому, что ему так хотелось, или он не знал реалий Европы. Для него принципиальное значение имел этнографический период формирования культурно-исторического типа, когда народы очень восприимчивы и готовы к взаимопроникновению, тем более, если они находятся на одной ступени развития. Романская и германская группы народов в этнографический период развивались совместно

---

¹⁵⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 106.

¹⁵⁸ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 21, 27.

¹⁵⁹ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 366–367.

¹⁶⁰ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 58.

и потому составили единый тип, а иранская же была разделена и в разных условиях формировала свои образовательные начала, поэтому и раскололась на два типа. Это не снимает противоречивости в позиции Данилевского относительно языковой общности и ее влияния на формирование как культурно-исторических типов, так и государств, но указывает на то, что его деление имело определенное теоретическое обоснование.

Данилевский считал, что теория неотделима от практики¹. В его книге излагается не только новая теория истории, но практические выводы из нее. Теоретически, каждый культурно-исторический тип должен сделать свой вклад в «сокровищницу». Исходя из представлений Данилевского о прогрессе, чем больше сторон деятельности развивает цивилизация, тем больше будет ее вклад. Автор «России и Европы» питал «основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма не полном соединении». Следовательно, славянский тип будет первым полным *четырёхосновным культурно-историческим типом*².

На долю славян, по мнению Данилевского, выпало счастье продвинуть прогресс на один шаг вперед. Германо-романский тип также имел много задатков, но в силу особого психического строя реализовать их не смог³. Автор «России и Европы» был полон надежд относительно великой будущности славян именно потому, что у них он иной. Рассматривая каждую категорию деятельности типа, мыслитель апеллировал именно к психическому строю славян, являющемуся составной частью их народного начала. Последнее в теоретическом плане было движущей силой прогресса, в практической же части историософской концепции Данилевского оно является залогом величия славянского культурно-исторического типа. В этом смысле автор «Рос-

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 81.

² Там же. С. 489.

³ Там же. С. 462.

сии и Европы» был крайне последовательным: практические выводы прямо вытекают из теории.

Народное начало славян — основа их великой будущности. Однако в чем оно состоит? Поскольку это принципиальный вопрос для Данилевского, он не спешил давать ответ. Им было посвящено более сотни страниц обоснованию неизбежности борьбы германо-романского и славянского типов, он подробно разобрал Восточный вопрос, детально обрисовал очертания будущего единого славянского государства, но к описанию народного начала подошел лишь к концу книги.

Данилевский стремился придерживаться научности доказательств. Но как с научной точки зрения определить характеристики народного начала славянского культурно-исторического типа, если его представители столь многочисленны, а, главное, в течение длительного времени все они, кроме русских, были лишены государственности. Он нашел выход в сужении проблемы. Автор книги охарактеризовал психический строй русского народа как единственного независимого представителя славянства, имевшего возможность самобытного развития в течение длительного периода времени, руководствуясь тем, что у других славянских народов он будет примерно таким же, но с небольшими особенностями.

Давая характеристику психическому строю русского народа, Данилевский противопоставлял его германо-романскому культурно-историческому типу. И здесь антитеза, поставленная в заглавии книги «Россия и Европа», им обосновывается. Данилевский не был единственным автором, поставившим вопрос таким образом. О.Ф. Миллер озаглавил свой сборник статей «Славянство и Европа», изданный в 1877 г. И.С. Аксаков, после смерти Ф.И. Тютчева, в бумагах поэта нашел проект книги «Россия и Запад»⁴. Но дело не только в назва-

⁴ Аксаков И.С. Биография Ф.И. Тютчева. С. 200.

нии работ, а в глубоком проникновении этой антитезы в сознание мыслящих людей. Проблема «Россия и Европа», впервые появившись в манифесте 13 июля 1826 г., возвестившем о казни декабристов, существует и по сей день. В николаевское время идею превосходства православной России над гибнущим Западом развивали М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов и, особенно, министр просвещения С.С. Уваров. Она утверждалась в периодических изданиях, учебниках, с профессорских кафедр. Одним из самых усердных помощников правительства в этом деле был М.П. Погодин. И как бы не была неприятна либералам 40-х гг. XIX в. официальная идеология николаевского царствования, именно она дала идейное основание для построений западников и славянофилов, а еще раньше проявилась в первом философском письме П.Я. Чаадаева. Все они так или иначе противопоставляли Россию и Запад, разница же состояла лишь в знаке, который при этом ставился⁵. Данилевский не был оригинален, он лишь дал собственное истолкование проблемы.

Автор «России и Европы» для отыскания черт национального характера предлагал «выявить черту, присущую всему народу, существенно важную, запечатлевшую весь характер его исторической деятельности, то есть своеобразный нравственный этнографический признак народа»⁶. У европейских народов, по мнению Данилевского, это «насильственность»⁷, а у русского народа — «терпимость»⁸. Образ германо-романского мира в историософии мыслителя стал как бы фоном, на котором ясно проявлялись самые лучшие черты характера

---

⁵ Цимбаев Н.И. «Никто из нас не доживет до жатвы» (А.С. Хомяков и славянофилы) // Свободная мысль. 1993, №6. С. 77–79.

⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 176.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 184.

русского народа, которому Данилевский приписал наивысшую христианскую добродетель. Он, в первую очередь, изобразил картины жестокости европейцев в религиозной деятельности. Единственное событие русской церковной жизни, которое может свидетельствовать против присущей ей «терпимости», по мнению Данилевского, — гонения на раскольников. Ученый полагал, что жестокости появились лишь со времен правления Петра Великого, а, следовательно, их причиной была борьба против всего русского, которая носила характер политический⁹.

«Насильственность» способствовала развитию у европейских народов обостренного чувства личности, индивидуальности, благодаря которому человек ставит образ мыслей так высоко, что всякий должен ему уступить «волею или неволею»¹⁰. Плодом же русской «терпимости» стало развитие у народа нравственного сознания и приверженности к общественному началу¹¹. Все это определяло как успехи, так и неудачи германороманского и славянского культурно-исторических типов. «Терпимость» в историософии Данилевского становилась залогом великой будущности России и всего славянского мира, ради которой не надо разрушать и калечить, но лишь созидать. Это то самое главное счастье, которое выпало на долю русского народа, когда достигнуть величия можно, живя в мире с Божественными заповедями.

Впервые о «насильственности» как сущности европейской культуры заговорили славянофилы, при этом русский народ, по их мнению, был не просто христианским по вероисповеданию, но и по жизни своей. Эту идею в своих работах развивали, например, А.С. Хомя-

---

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 185.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Там же. С. 192–193.

ков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков. После автора «России и Европы» об этом много писал Ф.М. Достоевский¹². Таким образом, можно говорить о существовании традиции подобной трактовки данного вопроса в определенных кругах русской общественности.

Данилевский полагал, что психический строй народа влияет на все сферы его деятельности, но, прежде всего, отражается в религиозном сознании. Он ставил на словах этот вид деятельности на первое место, в реальности же его волновали вопросы именно социально-экономического и государственного развития.

«Россия и Европа» писалась в то время, когда вопрос о государственном строе волновал многих, но еще не мог обсуждаться свободно. Обратил на него внимание и Данилевский. По второму закону развития культурно-исторических типов без политической независимости самобытное развитие народа невозможно¹³. Постулируя это, ученый опять же отдавал дань определенной традиции. Например, подобную же мысль можно найти в сочинениях А.Д. Градовского¹⁴. Вполне был согласен с этим положением историософии Данилевского и Н.И. Кареев¹⁵. Данная идея была позаимствована русскими мыслителями из работ Гегеля¹⁶. Для автора «России и Европы» принципиальную важность имело не только наличие государственности, но и ее соответствие психическому строю народа.

---

¹² Хомяков А.С. Собр. соч. Т.2. С. 41, 56, 59, 87, 158; Киреевский И.В. Собр. соч. Т. 1. С. 184; Аксаков К.С. Собр. соч. Т. 1. С. 8, 18–19, 313; Достоевский Ф.М. Письма // Русь. 1885, №47. С. 154. Он же. Дневник писателя // Собрание сочинений в 9-ти тт. Т. 9. Кн. 1. С. 261, 374, 376; Т.9. Кн. 2. С. 23, 64–65.

¹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 95.

¹⁴ Градовский А.Д. Национальный вопрос. С. 402.

¹⁵ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 22.

¹⁶ См. например: Гегель Г.-В.-Ф. Сочинения. Т. 8. М.–Л., 1935. С. 34–35.

Чтобы создать стабильное государство, по Данилевскому, необходимо обладать особым политическим смыслом. По мнению ученого, во всемирной истории «политическую категорию деятельности» смогли развить римская и германо-романская цивилизации, а в будущем и славянский культурно-исторический тип. Но государственный строй у этих положительных деятелей человечества совершенно разный. Это иллюстрации из жизни теоретического положения Данилевского, что каждому культурно-историческому типу может соответствовать свой, возможно, неповторимый тип государственности¹⁷. Автор «России и Европы», фактически, отрицал возможность развития политических институтов, по его мнению, могут меняться вывески, но сущность останется неизменной, поскольку является *естественным* выражением исторического развития народа. Именно с этих позиций им рассматривалась российская государственность.

Россия для него — это, прежде всего, огромное государство. «Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, — столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, — область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами»¹⁸. Причем русский народ имеет «крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью»¹⁹.

Итак, есть естественная область в середине Евразии, и есть русский народ, обладающий крепким ядром (на

---

¹⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 106.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 57.

родным началом). Ничто, по мнению Данилевского, не препятствовало его свободному расселению, продолжавшемуся почти все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять их место. «Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез»²⁰.

Естественно соединив территории, русский народ собрал и разнообразные полудикие племена, которые, будучи, по словам Данилевского, этнографическим материалом, обогатили русское народное начало. Все это сделало Россию столь особенной. Сходную мысль примерно в то же время высказывал В.И. Ламанский, опровергая теорию, распространившуюся в тот период во Франции, о неславянском происхождении великорусов²¹. Ее адепты, ссылаясь как раз на разнообразие ассимилированных русскими мелких народностей, отказывали великорусам в славянском происхождении. Фактически же, это учение имело вполне конкретный политический смысл: разрушить идейную основу панславизма.

Русское государство созидалось народными силами и благодаря их особенным качествам. Высшей степени благоприятному единству и цельности его, по Данилевскому, соответствует и «уподобительная сила русского народа, претворяющая в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение или столкновение, конечно, если этому не противопоставляется преград ошибочными правительственными мероприятиями»²².

---

²⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 33.

²¹ Ламанский В. Об историческом изучении... С. 314.

²² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 468.

Все сказанное автором «России и Европы» относительно формирования русского государства и влияния на него географического фактора, по существу, является пересказом идей С.М. Соловьева, многократно повторенных в его ранних и поздних работах²³. Но если, по мнению Данилевского, обширность территорий сыграла положительную роль в истории русского народа, сделав его сильным и крепким и при этом неагрессивным, то Соловьев усматривал в этом отрицательное значение: она «была постоянным и могущественным препятствием для государственного и народного благосостояния... разбросанность народонаселения по огромной стране отнимало у него силу, суживало горизонты, не внушала привычки к общему действию, усиливало особность жизни и мелкость интересов, препятствовало необходимой быстроте государственных отправлений»²⁴. Таким образом, из одних и тех же фактов мыслители сделали диаметрально противоположные выводы.

Все вехи своего развития русская государственность по Данилевскому преодолевала посредством отрешения народа от старого, внутренней борьбы в сознании народа и, наконец, быстрого претворения в жизнь²⁵. Так русские создали государство²⁶ или, например, отменили крепостное право²⁷. В представлениях автора «России и Европы» о русской государственности не отведено почетного места правительству. Оно как бы есть, но является лишь плодом творчества народа, а по-

---

²³ См. например: *Соловьев С.М.* Взгляд на установление порядка в России до Петра Великого. С. 68. *Он же.* Об историческом движении русского народонаселения. С. 171, 174. *Он же.* Начала земли Русской. С. 5–6.

²⁴ *Он же.* Об историческом движении русского народонаселения. С. 175.

²⁵ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 187.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ Там же. С. 255.

тому роль его второстепенна. Правительство — это лишь механизм, через который осуществляется народная воля. Более того, «величайшие усилия правительства не приводили ровно ни к чему там, где цели его были противны народному убеждению или даже где народ относился к его целям совершенно равнодушно»²⁸. Таким образом, правительство, по мнению автора «России и Европы», особо и повлиять на народ не может. Последний является создателем русской государственности, причем он сотворил ее не какими-то конкретными действиями, а неким метафизическим перерождением.

Рисуя идеальный образ русского народа, Данилевский сам называл имя человека, которому, по мнению ученого, лучше кого бы то ни было удалось изобразить его в своих работах. Им был К.С. Аксаков²⁹. Автор «России и Европы» в данном случае взял за основу его идеи. Так, например, в сочинениях славянофила можно найти мысль, что «русская жизнь и ее устройство создано народом»³⁰. Соответственно, в основе русской государственности лежит добровольность, свобода, мир, так как созидалась она христианскими качествами русского человека³¹. Аксаков, провозглашая народ основным деятелем своей истории, в то же время утверждал, что к конкретной деятельности по созданию государства они были чужды. Славяне не образовывали государство из себя, а искали его за морем. Призвав варягов добровольно, «земля» и «государство» встали в союз друг с другом³². «Россия нашла истинные начала, никогда не изменяла им, и святая взаимная договоренность власти и народа, легшая в основу ее, долго неизменно в ней сохранялась»³³.

²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 191–192.

²⁹ Там же. С. 186.

³⁰ Аксаков К.С. Собр. соч. Т. 1. С. 419.

³¹ Там же. С. 8, 15, 18.

³² Там же. С. 4.

³³ Там же. С. 15.

Данилевский, перенеся «теорию негосударственности русского народа» на страницы своей книги, откинул славянофильскую идею договора «земли и государства». Последняя своими корнями восходит ко временам французских просветителей, писавших довольно много об «общественном договоре». К моменту выхода в свет «России и Европы» эта идея в значительной степени устарела. Например, А.Д. Градовский тот факт, что «естественных прав, то есть прав не созданных в общезжитии, нет», считал истиной, не требующей доказательства³⁴. Видимо, по этой причине Данилевский не использовал идею договора Аксакова. Но это не добавило историчности в его трактовку русской государственности, а, скорее, сделало ее еще более абстрактной, становилось совсем непонятно, посредством чего аполитичный русский народ создал свое государство.

К.С. Аксаков и другие славянофилы, опираясь на знакомые им исторические факты, утверждали, что российская государственность созидалась снизу вверх³⁵. Правда, к теории «негосударственности русского народа» и А.С. Хомяков, и И.С. Аксаков, и Ю. Ф. Самарин отнеслись весьма сдержанно. В сущности, она их не удовлетворила, так как отрицала необходимость решения социального вопроса³⁶. Вообще же историческое прошлое страны давало столь богатую пищу для размышления, что можно было, апеллируя к ней, утверждать прямо противоположное. Как, например, делал М.Н. Катков, известный публицист, к началу 60-х гг. XIX в. из умеренного либерала превратившийся в последовательного защитника существующего в тот момент политического строя. В редактируемых им изданиях «Рус-

---

³⁴ Градовский А.Д. Сочинения. С. 471.

³⁵ См. например: Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 1. С. 8; Киреевский И.В. Собр. соч. Т. 1. 185, 206, 207.

³⁶ Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 165.

ский вестник» и «Московские ведомости» последовательно проводилась мысль, что русская государственность строилась сверху вниз. Катков был одинаково уверен и в неспособности торгующего люда к управлению публичными делами³⁷, и в непригодности крестьянства к решению задач более широких, чем дела собственного хозяйства — даже в пределах уезда³⁸, а, главное, в том, что только представители землевладельческого класса способны вести дела без чиновничьей опеки³⁹. Последних история и поставила во главе русского народа⁴⁰. Дворянство, по его мнению, потому только и дворянство, что стоит непрерывно и неусыпно на страже общих интересов, между тем как массы лишь в минуты чрезвычайной опасности поднимаются на их призыв⁴¹.

Но при всей противоположности трактовок этого вопроса славянофилами, а вместе с ними и Н.Я. Данилевского, и М.Н. Каткова, впоследствии нашелся человек, который попытался их соединить. В 1874 г. генерал и публицист Р.А. Фадеев написал и опубликовал ряд статей под общим названием «Чем нам быть?», вскоре они были изданы отдельной книгой «Русское общество в настоящем и будущем». Он полагал, что самодержавие создало Россию из «погибавших обломков», но при этом оно «с полнейшим доверием» относилось к народу и совещалось с ним «во всех важных делах»⁴². Из неуклонного сближения «власти» и «земли» постепенно бы развилась «истинно народная» монархия, если бы не реформы Петра Великого, нарушившего естественный

---

³⁷ Московские ведомости. 1863, №162.

³⁸ Там же. 1863, №82; 1864, №91.

³⁹ Там же. 1863, №162.

⁴⁰ Там же. 1863, №140.

⁴¹ Там же. 1865, №215.

⁴² *Фадеев Р.А.* Русское общество в настоящем и будущем // Кавказская война. М., 2003. С. 480–481.

ход истории, приведшего к хаосу в середине XIX в.⁴³ И лишь дворянство, проникнутое государственными и общественными преданиями, сможет вывести страну из кризиса⁴⁴.

Все вышеназванные авторы, как бы им ни виделось построение русской государственности сверху вниз или снизу вверх или сообщая всеми сословиями, верили в величие России, хотя и искали его истоки в разных причинах. Также следует отметить, что сравнение взглядов этих людей отчетливо показывает принципиальное отличие политических воззрений Данилевского от М.Н. Каткова и Р.А. Фадеева, публицистов, принадлежавших к консервативному лагерю.

Автор «России и Европы» до конца своих дней остался верен трактовке русской государственности, изложенной им на страницах этой книги. Она есть плод деятельности русского народа. Он еще раз подтвердил этот вывод в статье «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”», написанной 21 апреля 1881 г. Вполне очевидна причина, побудившая Данилевского взяться за перо.

1 марта 1881 г. на набережной Екатерининского канала прогремело два взрыва, в результате чего Александр II был убит, а перед его сыном встала дилемма: дать ход проекту М.Т. Лорис-Меликова или нет. Дело в том, что последний, возглавив в августе 1880 г. министерство внутренних дел, будучи убежден, что умиротворить страну может только сочетание самодержавной инициативы и либеральных мер. Он представил царю проект, предусматривавший создание двух временных подготовительных комиссий из правительственных чиновников и сведущих лиц от дворянства и земства, которые должны были рассматривать законопро-

---

⁴³ Там же. С. 481–482.

⁴⁴ Там же. С. 480, 483, 484–485.

екты до их внесения в Государственный совет, что должно было подготовить страну к конституции, поэтому неофициально скромный проект именовался «лорис-меликовской конституцией». В целом он был одобрен Александром II, однако после его гибели новый император Александр III пошел по пути усиления власти монарха, пописав манифест 29 апреля 1881 года, где он провозглашал необходимость «для блага народного» утверждать и охранять самодержавную власть. Эти действия не встретили общественного противодействия. В обществе на смену подъему пришли пассивность и равнодушие. В нем в равной степени ощущалась усталость и от революционного террора, и от политических судов и казней. Все большее сочувствие находила мысль о жесткой руке, способной навести порядок⁴⁵.

Манифест 29 апреля 1881 г. еще не был подписан, когда Данилевский писал статью, но это стало уже свершившимся фактом, когда она была опубликована в «Московских ведомостях» 20 мая 1881 г.

Логические построения Данилевского должны были привести читателя этой газеты к мысли, что конституционный строй в России невозможен, так как нет силы и власти, которая сможет его создать⁴⁶. С одной стороны, народ сам сотворил российскую государственность своим духом, а не личными делами, для которых он не обладает ни достаточным кругозором, ни свободным временем. С другой стороны, — всей своей историей доказал преданность самодержавию. Автор статьи, пытаясь показать всю абсурдность разговоров о возможности появления в России парламента, попытался представить, как это будет выглядеть, вышло, что никто никого не будет слушать и понимать. А.Д. Градовский впо-

---

⁴⁵ Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 209.

⁴⁶ Данилевский Н.Я. Несколько слов... С. 105.

следствии довольно язвительно отзывался «о шутовской картине шутовского русского парламента» Данилевского⁴⁷. Но последний свято верил, что если монарх и введет своим манифестом конституцию, то народ в душе своей ее не признает, следовательно, конституционный строй будет лишь фикцией⁴⁸. Фактически, данный вывод является иллюстрацией утверждения, сделанного автором в «России и Европе», о том, что любые мероприятия правительства обречены на провал, если нет на то народной воли.

Данилевский, апеллируя к «народному духу», сознательно или бессознательно уходил и пытался увести и других от реальных проблем, вызвавших внутривнутриполитический кризис. Что такое «народный дух» и есть ли он вообще, в обществе могли быть совершенно разные мнения, это слишком аморфное понятие. Мыслитель не мог не знать о проблемах воспеваемой им «русской государственности» и, восхваляя «естественность ее развития», вольно или невольно он проповедовал бездействие, то есть его позицию никак нельзя назвать адекватным ответом происходящему.

Идеализируя российскую государственность, автор «России и Европы» не мог, тем не менее, закрыть глаза на ее нестроения, следовательно, им необходимо было найти объяснение. Убежденность в естественности и правильности развития русского государства заставляла его искать внешние причины нестабильности. Отсюда его многочисленные обращения к теме «европейничанья» как болезни русской жизни. Идея «болезни подражательности» пришлось как нельзя кстати. Данилевский придумал ей название созвучное слову «обезьяничание», несущее вполне очевидную смысловую нагрузку. Но само изобретение данного «заболевания» вовсе

---

⁴⁷ Градовский А.Д. Сочинения. С. 473.

⁴⁸ Данилевский Н.Я. Несколько слов... С. 110.

не его рук дело. В данном случае, автор «России и Европы» фактически воспользовался идеологическими работами николаевского времени, от которых в свое время сам и пострадал. Но с тех пор прошло довольно много времени, Данилевский успешно продвигался по служебной лестнице, утратил интерес к преобразованию общества, отдав предпочтение «естественному развитию», которому могут помешать лишь больные «европейничаньем» русские интеллигенты.

Впервые это «заболевание» было упомянуто Николаем I в манифесте 13 июля 1826 г. В этом документе содержалось утверждение, что декабризм — это «зараза, извне принесенная»⁴⁹. Эта идея наравне с антитезой «Россия — Европа» была подхвачена окружением Николая I и легла в основу идеологии его царствования⁵⁰.

Очень много потрудились, дабы утвердить идею величия православной России в юных умах, профессор Московского университета М.П. Погодин. Еще в 1832 г. свой «Очерк русской истории» он завершил продуманным противопоставлением царствования Александра I, европейски ориентированного и закончившегося 14 декабря, и «истинно русского» царствования Николая I⁵¹. Позже, в начале 1870-х гг., он не скупился на обвинения в адрес русской интеллигенции, по его выражению, привыкшей смотреть на русские дела в «чужие очки»⁵².

Данилевский истоки «европейниченья» видел в деятельности Петра Великого, в чем сильно расходился с Погодиным. Историк был уверен, что «для тучной русской земли нужно было европейское семя»⁵³. По его

---

⁴⁹ Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. 1. СПб., 1830. С. 772.

⁵⁰ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 66–71.

⁵¹ Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 34.

⁵² Он же. Собрание статей... С. 84.

⁵³ Он же. Петр Первый и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 12.

мнению, переоценить значение реформ Петра невозможно, ведь «мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, без того, чтобы везде не встретился с нами Петр»⁵⁴.

Совсем иначе на результаты деятельности великого преобразователя смотрел автор «России и Европы». Он видел в ней две составляющие. Реформы административного аппарата, а также создание флота и армии нового образца были, по Данилевскому, необходимы для укрепления русской государственности и потому полезны и успешны. Однако остается не совсем ясно, как в этом смысле проявлялась «созидательная воля народа» и в чем именно политический гений Петра угадал общественные настроения. Признавая огромные заслуги преобразователя, он все же подчеркивал, что невежественный земледельческий Рим одержал победу над просвещенным Карфагеном лишь с помощью своего патриотизма⁵⁵. Эта мысль очень хорошо соотносится с его утверждением, что Крымская война и социально-экономические реформы, последовавшие за ней, никак не связаны⁵⁶.

Отношение Данилевского к этой войне было исключительно эмоциональным. К эпохе Петра он относился более спокойно и поэтому готов был признать, что уже в начале XVIII в. и даже ранее никакая преданность отечеству, никакой патриотизм не могли уже заменить технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации настоящие науки. Следовательно, главная задача государства, по Данилевскому, защита от внешних врагов требовала уже высокой степени технического образования, особенно эта тенденция усилилась со второй

---

⁵⁴ *Погодин М.П.* Петр Первый и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 8.

⁵⁵ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 256–257.

⁵⁶ Там же. С. 289.

четверти XIX в.⁵⁷ Эти рассуждения никак не повлияли на его отношение к Крымской войне, но вполне оправдывали заимствования Петром практических навыков из мировой «сокровищницы», так как времени на изобретения собственных не было.

Автор «России и Европы» выделял и вторую составляющую петровских реформ: изменения в быте, нравах, обычаях, которая, по его мнению, принесла лишь вред государству, исказила «само понятие об истинно русском»⁵⁸. В этом его точка зрения схожа с позицией славянофилов. Они полагали, что насильственность действий великого преобразователя, вторгшегося в сферу духовную, повлекла искажение «исконно русских начал». Нарушился естественный баланс «земли» и «государства». Это разобщило русские сословия⁵⁹.

Данилевский особо подчеркивал, двойственность отношения реформатора к России. Он любил ее мощь и одновременно ненавидел русскую жизнь с ее достоинствами и недостатками⁶⁰. Давая конечную оценку деятельности Петра, мыслитель говорил о том, что она принесла более вреда, чем пользы, укрепив русскую государственность на тот момент времени, но при этом заразив болезнью «европейничанья», подтачивающей ее основы. Она страшна именно тем, что распространяется «вширь и вглубь», проникает в самый строй чувств и мыслей⁶¹. А это, значит, может разрушить народное начало, делающее русский народ «положительным дея-

---

⁵⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 257.

⁵⁸ Там же. С. 259.

⁵⁹ См. например: Аксаков К.С. Собр. соч. Т. 1. С. 23–24, 41–42; Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 1. 180–182, 352; Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 94; Т. 5. С. 3, 24, 29, 32, 229–238; Самарин Ю.Ф. Полн. Собр. соч. Т. 12. С. 347.

⁶⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 258.

⁶¹ Там же. С. 259.

телем человечества». Хотя некоторые иллюстрации этой гибельности иначе как комичные оценить нельзя. Так, например, автор «России и Европы» утверждал, что крестьяне настолько не любят «господ», что обвиняют их даже в умышленной порче воды, поскольку те носят немецкую одежду, а значит, выглядят как исконные враги русского народа⁶².

Подхватив идею подражательности как причину всех российских бед, ученый с легкостью поддался самообману, избавляющему его от необходимости поиска реальных причин неполадок в русском обществе, поскольку верил, что русское государство было создано «снизу вверх», благодаря народному началу. Естественное развитие последнего, по его мнению, залог процветания России в будущем, все же проявления нестабильности были связаны с увлечениями западными образцами (реформы Петра Великого, увлечение представителей аристократических кругов идеями английского торизма, приверженность демократов социалистическим учениям и т.д.), чуждыми основной массе народа. Получалась довольно простая схема: все что хорошо — свое, а что плохо — чужое. Даже народные выступления можно было отнести к ненависти крестьян к «природному врагу» — немцу, в чьи одежды одет помещик, а не к недовольству положением. Попытка поиска истинных причин социальной нестабильности в деревни могла означать коренной пересмотр мировоззренческих идеалов Данилевского по данному вопросу, на что у него, по всей видимости, не было достаточных оснований. Списывание всех проблем на «европейничанье» помогли ему примирить идеальный образ русской государственности, созданный в его историософии, с не столь прекрасной действительностью.

---

⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 267–268.

Однако если это болезнь, то как ее лечить? В отличие от М.Н. Каткова, предлагавшего классическое образование в качестве чудодейственного «лекарства» против этого недуга⁶³, у автора «России и Европы» был свой способ. К рецепту главного редактора «Московских ведомостей» Данилевский относился весьма скептически, что не преминул отметить на страницах своей книги⁶⁴. Спасительным противоядием, по его мнению, для России будет борьба за создание славянского государства⁶⁵, а ее знаменем должна стать идея «Православие, Славянство и Крестьянский Надел»⁶⁶. По сути, это калька с теории, сформулированной николаевским министром просвещения С.С. Уваровым, «Православие, Самодержавие, Народность», которую он создал, отталкиваясь от идеи противоположности России и Европы. Формула Данилевского неслучайна. В том, что Славянский культурно-исторический тип смог сохранить христианство в его первоначальной чистоте, автор «России и Европы» видел залог его великой будущности. Он заменил уваровскую «Народность» на «Славянство» и поставил эту категорию на второе место, так как силу и величие русского народа мыслитель видел не в русской на-

---

⁶³ В 1871 г. был утвержден новый гимназический устав. Главным средством борьбы с «пагубными стремлениями» правительство считало классическое среднее образование. Признавались только классические гимназии с усиленным преподаванием древних языков. Реальные гимназии были преобразованы в училища. М.Н. Катков на страницах редактируемой им газеты «Московские ведомости» задолго до появления нового гимназического устава пропагандировал пользу изучения древних языков для борьбы с «европейской заразой». В обществе развернулась оживленная дискуссия вокруг данного вопроса. См. подробнее: *Известия Г.П.* Споры в российской печати 60-х гг. XIX в. о классическом образовании // Вопросы истории. 2003, №2.

⁶⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 282–283.

⁶⁵ Там же. С. 418.

⁶⁶ Там же. С. 451.

родности, как это было у Уварова, а в единстве славянских народов. Говоря о русской государственности, Данилевский всегда подчеркивал, что Россия лишь часть будущей Славянской Федерации, в которой славяне обретут свое истинное величие. Автор «России и Европы» из формулы исключил самодержавие, которое у николаевского министра было гарантией политической и социальной стабильности. Дело в том, что в возвеличивании народа Николай Яковлевич был вполне последователен. По его мнению, самодержавие является плодом естественного функционирования государственного механизма. «Государь есть живое осуществление политического самосознания и воли народной»⁶⁷. Следовательно, самодержец выполняет служебную роль. Это противоречило официальному взгляду, государь — есть помазанник Божий, через него должна осуществляется Воля Божья. Данилевский же поставил все с ног на голову. Однако не следует умолять степень приверженности автора «России и Европы» к самодержавию. Для него оно «форма органическая, то есть такая, которая не делима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности»⁶⁸.

Гарантией политической и социальной стабильности, по Данилевскому, является Крестьянский Надел. Он вкладывал в это словосочетание особый смысл, так как основой правоспособности, по его мнению, является право на землю, которое европейские народы в ходе своего исторического развития утеряли⁶⁹, а русский народ благодаря реформе 1861 г. сохранил⁷⁰, поэтому в административных путях не нуждается⁷¹. Таким обра-

---

⁶⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 443.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 474.

⁷⁰ Там же. С. 247.

⁷¹ Там же. С. 240.

зом, Данилевский в своих построениях тесно связал политическую и социальную «категории деятельности», причем последней он отводил определяющую роль. Единственным современником, отметившим этот факт, был К.Н. Леонтьев. В своей работе, посвященной книге «России и Европе», он особо подчеркивал, что ее автор надеялся, что славянский тип создаст четырехосновный тип с преобладанием «специально-экономического призвания»⁷². Симпатии Данилевского к николаевской идеологии не остались ни замеченными его защитником. Это позволяло ему записать Николай Яковлевича, человека, «в высшей степени просвещенного», в консерваторы.

К.Н. Леонтьев был всецело согласен с выводом автора «России и Европы», что сила и стабильность России «основывается на следующих свойствах, присущих русскому человеку: на его умении и привычке повиноваться, на его уважении и доверенности к власти, на отсутствии в нем властолюбия и на его отвращении к вмешательству в то, в чем он считает себя некомпетентным»⁷³. Данилевский полагал, что если вникнуть в причины всех политических смут у разных народов, то корнем их окажется не собственно стремление к свободе, а именно властолюбие и тщеславная страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий. В своих работах Леонтьев так же, как и автор «России и Европы» и даже больше его, писал о том, что мужик привык повиноваться, а дворянин – начальствовать, значит, надо всячески содействовать поддержанию этих «основных душевных навыков» для стабильности русского государства⁷⁴.

---

⁷² Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского. С. 276.

⁷³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 469.

⁷⁴ Леонтьев К.Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни // Леонтьев К.Н. Храм и церковь. М., 2003. С. 372–373.

Вполне в духе николаевской идеологии Данилевский высказывался относительно невозможности революции в России. Идея эта была принята либеральными кругами русского общества, поскольку в 1848 г. всю Европу потрясали революционные волнения, а в Российской империи все было спокойно. К.С. Аксаков, например, полагал, что между «землей и государством» существует сбалансированное равенство, «отношения свободные, разумные, а не рабские и потому обеспеченные от всякой революции»⁷⁵. Сходную мысль высказывал и И.В. Киреевский⁷⁶. Данилевский, в отличие от теории «официальной народности», в качестве аргументов в этом вопросе использовал не только политический смысл, которым наделен русский народ, по своей природе послушный правительству и государю, но и обеспеченность крестьян землею. На важность решения социальных проблем обращало внимание большинство славянофилов (А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, И.С. Аксаков, кн. В.А. Черкасский)⁷⁷. Разница лишь в том, что Данилевский в конце 60-х гг. XIX в. полагал, что они решены. Славянофилы же, ставя вопрос о необходимости отмены крепостного права в 40-х и особенно в 50-х гг. XIX в. а затем деятельно участвуя в этом процессе в 60-е гг., вовсе не были уверены, что все проблемы остались позади, и лишь И.С. Аксаков на первых порах выражал восторженные оценки реформы, так как она сохранила нераздельность крестьян с землей⁷⁸. Интересно, что А.Д. Градовский, критиковавший славянофилов (Н.Я. Данилевского он также причислял к ним) за бесформенность их социально-политических пред-

---

⁷⁵ Аксаков К.С. Собр. соч. Т. 1. С. 12.

⁷⁶ Киреевский И.В. Собр. соч. Т. 1. С. 206–227.

⁷⁷ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 165–166.

⁷⁸ Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенное время. М., 1994. С. 19–21.

ставлений⁷⁹, также как и они полагал, что «консервативно-общинный элемент остался фундаментом нашего государственного здания», следовательно, существование «серьезных революционных стремлений» в стране исключено⁸⁰.

Причинами бунтов в России, по Данилевскому, были сомнения в законности царствовавшего лица, недовольство крепостным состоянием, элементы буйства на окраинах России⁸¹. Так, например, народные волнения Смутного времени он объяснял как недовольство самозванцами, в бунте Стеньки Разина видел протест казаков против ограничения их вольницы, а в Пугачевском бунте — протест против крепостного права. Законность престолонаследия обеспечена, порядок в казачестве наведен, а, главное, крепостное право стало уже историческим прошлым, отсюда Данилевский делал вывод, что Россия не только едва ли единственное государство, которое никогда не имело политической революции, но после реформы 1861 г. в ней невозможен даже «простой бунт, превосходящий размер прискорбного недоразумения»⁸². Под «прискорбным недоразумением» он, например, понимал волнения в селе «Бездна»⁸³.

Итак, с отменой крепостного права исчезла последняя причина социальной и политической нестабильности в России. Реформа 1861 г. дала крестьянам сво-

---

⁷⁹ Градовский А.Д. Сочинения. С. 464.

⁸⁰ Там же. С. 164.

⁸¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 470.

⁸² Там же. С. 471.

⁸³ Там же. С. 191. В начале апреля 1861 г. в селах Бездна (Казанская губерния) и Кандеевка (Пензенская губерния) произошли восстания, в которых приняли десятки тысяч крестьян. Их требования сводились к ликвидации феодальных повинностей и помещичьего землевладения. Восстания закончились расстрелами: сотни крестьян были убиты или ранены. Эти события вызвали большой общественный резонанс.

боду, сохранив общинное землевладение, что особо подчеркивал Данилевский. Леонтьев, беря автора «России и Европы» под свою защиту, всячески подчеркивая консервативность высказываний мыслителя, а, значит, их «правильность», все-таки не удержался и упрекнул его в наличии отголосков либерализма в книге. Он, правда, списывал это на то, что Данилевский писал свой труд в 60-е гг. и потому не мог отрешиться от своей эпохи. Философ выражал надежду, что по прошествии большего времени ученый по-иному бы оценил реформы⁸⁴. Леонтьев оказался внимательным читателем, подметив отнюдь не консервативные нотки в мировоззрении автора «России и Европы», но он не смог правильно уловить причины их появления.

При рассмотрении отношения Данилевского к реформам 1860-х гг. необходимо учитывать, что в юности, интересуясь политическими науками, он был серьезно увлечен социалистическими учениями. Без анализа социально-экономических идеалов его молодости не возможно правильное понимание того, что изложено по данному вопросу в «России и Европе». Двадцать лет разделяют Данилевского — фурьериста от Данилевского — панслависта. Если на следствие он утверждал, что учение Фурье «совершенно истинное»⁸⁵, то в «России и Европе» назвал социализм «вредным лекарством» от «вредной болезни»⁸⁶. Оценки диаметрально противоположны, но разнится ли суть его социально-экономических воззрений в разные периоды жизни?

В свое время система Фурье покорила молодого мыслителя своей строгой научностью. При ее изложении на следствии он особо подчеркивал то, что француз-

---

⁸⁴ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского. С. 278–279.

⁸⁵ Дело Н.Я. Данилевского. С. 318.

⁸⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 474.

ский утопист пытался с помощью строгой научной методы отыскать законы общественного развития, умелое использование которых поможет прийти к общественной гармонии⁸⁷.

Желание Данилевского способствовать практическому воплощению идей Фурье в жизнь побуждало его пропагандировать их. Французский утопист осознанно сконструировал новое общество. Это, а также возможность осуществления замысла на практике малыми средствами и исключительно мирным путем, причем желательно при благосклонном отношении правительства и общественного мнения⁸⁸, сделали Данилевского фурьеристом. По его мнению, данное учение могло бы стать противовесом «разрушительным теориям коммунистов». Используя статистические данные по Франции, он доказывал, что годовой доход этой страны, поделенный на число ее жителей, ничтожно мал и не может удовлетворить их. Отсюда выводилась нелепость всех теорий, желающих улучшить положение одних за счет других.

Таким образом, решить проблему можно было лишь с помощью экономической науки. Ее открытия позволяли повысить доходы страны, обеспечив каждому человеку безбедное существование. Следовательно, для молодого Данилевского, она являлась главной движущей силой общественного прогресса, поскольку способствовала появлению новых орудий труда, которые позволяли сделать труд легким как на производстве, так и свести его к минимуму в домашнем хозяйстве, к этому также прибавлялся особый режим экономии.

Основой нового общества должны были стать артели, соединенные в фаланги. От нескольких тысяч человек требовалось согласие вести хозяйство сообща, ис-

---

⁸⁷ Дело Н.Я. Данилевского. С. 290.

⁸⁸ Там же. С. 319, 321.

пользуя все научные достижения. В молодости мыслитель полагал, что наука универсальна по своей сути, поэтому она доступна любым народам, соответственно, идеи Фурье можно претворить в жизнь в различных странах.

Данная социальная система строилась на принципе удовлетворения «страстей», причем под ними понимались созидательные стремления человека, которые необходимо уравнивать во избежание конфликтов в обществе, для чего и должны были созданы фаланги. Частная собственность не отменялась, человек мог свободно ее отчуждать, более того, ее количество учитывалось при распределении доходов наравне с вложенными талантом и трудом. Когда тысяча человек трудится сообща, вполне реально сделать работу легкой с помощью науки, удовлетворив стремления людей к разнообразию, азарту, контрастам, рассуждал Данилевский. И если рациональная организация труда станет движущей силой в материальной сфере, то морально людей будет поддерживать дух соперничества. По его мысли, каждая артель будет обязательно стремиться достигнуть самых наилучших результатов по сравнению с другими. И тут следует отметить, что ученый в молодые годы верил в личность и возможность ее активной преобразующей деятельности. Идея организации артели нравилась ему именно тем, что позволяла каждому человеку раскрыться, и в тоже время объединяла людей. Излагая систему Фурье на следствии, Данилевский верил, что французский утопист открыл путь к счастью для всех без исключения.

Совсем иные проблемы волновали его при написании «России и Европы». Мыслитель пытался познать законы, по которым развивается исторический процесс, но делал это не с целью его моделирования, а для того, чтобы помочь славянскому культурно-историческому типу жить в русле замысла Творца. И тут ему уже

не был интересен каждый отдельно взятый человек. Он апеллировал куда более общими понятиями: народ, культурно-исторический тип, общество, государство; именно их гармоничное развитие было в центре его внимания. Данилевский был уже далек от идеалов молодости. В конце 1860-х гг. он был уверен, что моделирование жизни невозможно в принципе. Глупо придумывать новые институты, так как те, что уже есть, появились неслучайно. Они порождены определенным историческим воспитанием и психическим строем народа. В этом то смысле Данилевский и называл социализм «вредным лекарством» от «вредной болезни».

Вредная болезнь – это индивидуализм европейского общества, породивший иерархичность. По мысли автора «России и Европы», «ход исторического воспитания европейских народов и свойства пройденной ими школы зависимости имели тот результат, что хотя эти народы и не утратили тех нравственных свойств, которые делают их способными заменить первобытную племенную волю гражданской свободой, но все же имели несчастье, пройдя через феодализм, по большей части утратить необходимую для этой свободы почву – право на землю, на которой живут. Это противоречие неизбежно ведет к такому столкновению, которое грозит всеобщей гибелью и разрушением»⁸⁹. Таким образом, европейский социализм – учение революционное, не столько по своему существу, сколько по почве, где ему приходится действовать, ведь чтобы добиться имущественного равенства необходимо совершить передел собственности.

Россия, по мнению Данилевского, не нуждается в новых социально-экономических институтах, так как русские крестьяне не утратили своего права на землю. Крестьянская реформа 1861 г. упрочила общинное земле-

---

⁸⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 247.

владение как особую форму частной собственности, являющуюся основой свободного общества⁹⁰. Не надо ничего менять, все необходимое для процветания уже заложено ходом исторического воспитания и психическим строем русского народа. Таким образом, социально-экономические учения обесмысливаются. Поскольку там, где перемены необходимы, их провести невозможно, а там где их осуществление реально, подобные институты существуют искони. И если в молодые годы научное знание, для Данилевского, было движущей силой общественного прогресса, то в зрелые годы он стал отдавать предпочтение естественности развития. Из этого не стоит делать вывод, что Николай Яковлевич потерял веру в науку, просто он стал отводить ей иную роль.

Индивидуализм, столь воспевавшийся мыслителем в молодые годы, стал для него корнем всех бед впоследствии. Ведь именно он сделал европейскую цивилизацию столь нетерпимой по отношению к другим. Индивидуализму европейского общества он противопоставил коллективизм, вложенный в понятие «община». Именно второе, а не первое, по мнению автора «России и Европы», ведет к гармонии в обществе.

В зрелые годы, осуждая европейский социализм, Данилевский нарисовал «радужную» картину социально-экономического развития России, основой которого является община и общинное землевладение. Он полагал, что коллективизм заложен в психический строй русского народа. Не личный интерес руководит им, а желание общего блага⁹¹. И тут следует отметить, что русская община, описанная мыслителем в «России и Европе», очень напоминает артель Фурье, лишенную, правда, духа соперничества.

---

⁹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 255, 474.

⁹¹ Там же. С. 469.

Начиная с 50-х гг. XIX в., предметом обсуждения на страницах периодических изданий различных направлений стала проблема происхождения и судьбы крестьянской общины. Споры эти продолжались не одно десятилетие. В 50–60-е гг. XIX в. расстановка сил в русской журналистике в подходе к «общине» была сложной. Например, общность позиции по данному вопросу выявилась у «Московских ведомостей» с их идейным противником «Вестью». В тоже время, издания М.Н. Каткова обнаружили здесь рознь с органами близкими им по пониманию коренных проблем внутренней жизни — «Русский инвалидом», «Правительственным вестником», «Гражданином». Расходясь в требовании ликвидации общины со славянофильской печатью, с либеральными «Русскими ведомостями», Катков расходился с либеральными же «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Голосом», которые были его идейными противниками⁹². Тот факт, что Данилевский был последовательным защитником общинного землевладения, когда в общественном мнении не только не существовало господствующей точки зрения, но и представители одного идейного течения могли иметь диаметрально противоположные взгляды на проблему, наводит на мысль, что его позиция не была случайной. Можно с большой долей вероятности утверждать, что особые симпатии мыслителя к русской общине как залого социально-экономического процветания России, безусловно, восходят к его увлечению фурьеризмом в конце 40-х гг. XIX в.

Именно пристрастиями молодости можно объяснить не только принятие итогов реформы 1861 г., но и преклонение перед ней Данилевского. Он идеализировал ее, отказываясь видеть в ней плюсы и минусы, такими, какими они были в действительности, так как она сохра-

---

⁹² Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 108.

нила общину, по его мнению, залог процветания русского общества. К данной теме автор «России и Европы» возвращался неоднократно, причем его оценка всегда положительна. Ему хотелось видеть в ней проявление народного начала, и потому он видел только его. По Данилевскому, реформа 1861 г. — это самый яркий пример как чисто внутренний процесс, происходящий в глубине народного духа незримо и неслышно, в конечном итоге, приводит к серьезным изменениям в политике государства⁹³. Поэтому переход от тягостной зависимости к полной свободе отношений в России произошел мгновенно⁹⁴. Социально-экономические, политические предпосылки, а также деятельность правительственных органов, общественных деятелей остались вне поля зрения мыслителя.

Для Данилевского крепостное право — это русская форма феодализма, в свою очередь, призвание варягов — русская форма завоевания, а владычество татар — русская форма данничества⁹⁵. И тут следует уточнить, что он понимал под «феодализмом». В своем развитии народ должен пройти путь от *племенной воли к гражданской свободе*, по ходу которого он испытывает три формы зависимости, воспитывающие в нем самосознание⁹⁶. Под рабством автор «России и Европы» понимал полное подчинение одного лица другому. Под данничеством — зависимость одного народа от другого. И, наконец, под феодализм — преобладание одного племени над другим, при постепенном стирании этнических различий между ними, при этом завоеванный народ теряет право собственности на свое имущество, взамен получает право пользования им за определенные повинности⁹⁷. Далее

---

⁹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 190

⁹⁴ Там же. С. 471.

⁹⁵ Там же. С. 255.

⁹⁶ Там же. С. 220–221.

⁹⁷ Там же. С. 229.

мыслитель рассуждает следующим образом: рабства русский народ не знал, призвание варягов и назвать-то завоеванием трудно, поэтому оно не породило феодализма в Древней Руси, завоевание татар при всех своих жестокостях повлекло за собой лишь выплату дани. Таким образом, все формы зависимости были слабы, и в тоже время молодое государство нуждалось в объединении всех своих производительных сил. И тогда, по мысли Данилевского, Борис Годунов почувствовал необходимость закрепощения всего государства, и тут также проявилось благодатное народное начало, когда народ подчинился добровольно, без какого-либо завоевания государственной необходимости⁹⁸.

Когда исчезло, наконец, крепостное право, русская государственность окончательно оформилась, народ стал единым целым, отказался от племенного эгоизма, и подчинил свою волю общественным началам. Главное для Данилевского то, что русский народ, не утратив своих нравственных достоинств, сохранил и вещественную основу для своего развития право на землю, отсюда делался вывод, что «доза свободы», которую он может вынести, необычайно велика⁹⁹.

Автор «России и Европы» не только воспевал крестьянскую реформу, но и пытался опровергнуть мнения тех, кто видел в ней буржуазные преобразования. Он не называл их имен, но, очевидно, имелись в виду публицисты, сотрудничавшие с либеральными изданиями «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Отечественные записки». По Данилевскому, действия правительства в духе народного начала — положительны, заимствования общественных институтов у Запада пагубны. Образ великих реформ, нарисованный им, вряд ли можно назвать правдоподобным, но сам автор хотел ве-

⁹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 252–253.

⁹⁹ Там же. С. 255.

рить в него из последних сил. Это хорошо видно на примере оценки им судебной реформы. И если основы крестьянской реформы как-то еще можно было представить в виде возвращения к естественности, тем более, она сохраняла институт общины, то буржуазные принципы судебной реформы приписать возвращению к старине было уже труднее. Но и тут склонность мыслителя к «логическим построениям» помогла ему найти выход.

Во-первых, старую судебную систему он объявил западным институтом. Во-вторых, заявил, что в новом судопроизводстве специально западное играет второстепенную роль¹⁰⁰. Гласность и «изущность», были исконными формами русского суда, независимость от администрации — следствие усложнения государственной жизни, но в то же время она имеет и исторические корни (губные старосты), избрание присяжных согласуется со славянским духом и характером, следовательно, делает вывод автор, «мы только возвратили свое»¹⁰¹. Единственно чему не удалось отыскать аналогии в прошлом русского народа — это адвокатуре, но и тут Данилевским был найден выход: следует избегать словесного поединка обвинения и защиты, который носит на себе чисто западный характер — характер борьбы. Примерно в том же духе он трактовал и «освобождение печатного слова от цензурных уз». По его мнению, свобода слова есть естественное право, а цензура явление раздражительное¹⁰².

Данилевский писал свою книгу, воодушевленный Великими реформами, и, прежде всего, Крестьянской. Она оправдала его ожидания — сохранила крестьянскую общину, а это было главным для него. Именно из

---

¹⁰⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 270.

¹⁰¹ Там же. С. 271.

¹⁰² Там же. С. 272.

этого факта он делал для себя вывод, что ее осуществление было произведено в духе русского народного начала, соответственно, если основная составляющая верна, то «второстепенные» не испортят общей идеи реформ. Но по его посмертным примечаниям видно, что некоторые надежды не оправдались впоследствии, в чем он и признался себе отметками на полях своей книги. Уже на излете жизни рядом со своей оценкой судебной реформы он написал: «Все написанное мною здесь — вздор. Реформа только начиналась, а потому и верилось, что она примет разумный характер; на деле она обратилась в иностранную карикатуру. При большей трезвости мысли это можно и должно было предвидеть»¹⁰³.

В данном случае он был вынужден признаться, что обманывался в своих ожиданиях, но все же в большинстве случаев Данилевский был уверен в своей правоте до конца дней. Мыслитель видел в «русской общине» основу политической и социальной стабильности России, да и, пожалуй, всего славянского мира, так как это вписывалось в его систему представлений о государстве и социально-экономическом процветании, многократно продуманной и осмысленной. Крестьянская реформа была для него стержнем построений, судебная же реформа являлась лишь частностью, на которую приходилось оглядываться. Подобных посмертных примечаний рядом с его рассуждениями о крестьянском наделе не появилось, и это неслучайно.

Русский народ сохранил право на землю, основу своей правоспособности, а значит, достиг огромных успехов в политической и социально-экономической деятельности. И все это благодаря своему народному началу. Западная государственность зиждется на политических институтах, а их сотворили люди. Русская же госу-

---

¹⁰³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 270.

дарственность — плод деятельности русского народа, обладающего особым началом, которое создается таинственно, по Божьему Промыслу¹⁰⁴. Таким образом, в историософии Данилевского русская государственность обретает определенный ореол святости.

Несмотря на то, что Данилевского волновала, прежде всего, государственная и социально-экономическая категории деятельности русского народа, тесно связанные между собой в его историософии, он должен был уделить внимание религиозной и культурной сферам, так как провозгласил славянский культурно-исторический тип четырехосновным. До написания «России и Европы» он никакого интереса к этим областям не проявлял. И его обращение к данной проблематике, по всей видимости, связано с желанием быть доказательным в любом своем утверждении.

При рассмотрении религиозной деятельности Данилевский, как и в случае описания народного начала, прибегал к сопоставлению германо-романского и славянского культурно-исторических типов. Сравнению их вероисповеданий он посвятил целую главу. В качестве эпиграфа к ней автор «России и Европы» избрал отрывок из одной из трех брошюр А.С. Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Они были изданы под общим названием в 1853, 1855, 1858 гг. на французском языке за границей. Эти богословские работы были переведены на русский язык и изданы в России лишь полвека спустя. Автору «России и Европы» это не помешало познакомиться с ними, так как он свободно владел французским языком. Данилевский не только заимствовал отрывок из этого произведения, но и неоднократно в тексте прямо ссылаясь на авторитет Хомякова. Однако из этого вовсе не следует, что идеи этих двух мыслителей тож-

---

¹⁰⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 107–108.

дественны. Автор «России и Европы» лишь отчасти следовал в русле рассуждений богослова, там, где они соответствовали его задачам.

Данные брошюры Хомякова были ориентированы исключительно на западного читателя, на это указывает то, что они написаны по-французски, изданы за границей, а, главное, ремарки самого автора, который, при их написании, преследовал вполне определенную цель. Давая последовательную критику западным верованиям, защищая православие от нападок г. Лоранси, парижского архиепископа, Г. Бунзена, Г. Капфа, иезуита Гагарина и других безымянных авторов брошюр, он призывал своих читателей отказаться от «зablуждений» и вернуться к истинной вере, хранимой православием. Для него Церковь – это единение всех верующих на основе христианской любви и братства, а потому он часто обращался к своим читателям «братья». По Хомякову, раскол Вселенской Церкви произошел по вине католиков, самовольно изменивших Символ Веры, узурпировав право Вселенских Соборов. Частное мнение, присвоившее себе в области Вселенской церкви право на решение догматического вопроса, породило протестантизм в недрах католической веры, узаконив свободу исследования, оторванного от «живого предания»¹⁰⁵. Рационализм разрушал католицизм изнутри медленно, но верно. Он способствовал появлению протестантизма, который ничто иное, как простое отрицание¹⁰⁶, открывшее дорогу атеизму¹⁰⁷.

Но несмотря на столь резкое осуждение церковной жизни Запада, Хомяков верил в возможность перемен к лучшему, и потому обращался к европейскому обществу. По его мнению, «нравственная закваска» – христи-

---

¹⁰⁵ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 51.

¹⁰⁶ Там же. С. 121.

¹⁰⁷ Там же. С. 140–141.

анская вера является залогом возрождения Европы¹⁰⁸. Поэтому воссоединение церковей возможно. Он умолял своего читателя «совершить нравственный подвиг: вырваться из рационализма, отвергнуть отлучение и все последующие действия и восстановить единство»¹⁰⁹. Это спасет европейское общество от атеизма, так как «взаимная любовь» всех христиан не боится критической работы разума¹¹⁰. Подобными призывами заканчиваются все три брошюры Хомякова. Причем его вера в возможность единства христианского мира была столь велика, что ее не смогли поколебать «реки крови», лившиеся на Крымском полуострове¹¹¹, он лишь еще с большей силой повторял свой призыв к европейским читателям об отказе от заблуждений католицизма и возвращению к исконной вере православия.

Поводом к написанию богословских брошюр «Несколько слов православного христианина» послужил выход в свет книги г. Лоранси с критикой статьи русского дипломата Ф.И. Тютчева «Римский вопрос», опубликованной в «Ревю де Дё Монд» от 1 января 1850 года¹¹². Хомяков не только упоминал в начале первой своей брошюры эту работу, но и защищал ее автора от нападок со стороны г. Лоранси, развивая некоторые выводы русского поэта и дипломата.

Ф.И. Тютчев полагал, что единственным спасением от либеральных реформ Римской кафедры, грозящих ей фактической смертью, является воссоединение церковей¹¹³. Причиной отпадения Западной церкви, по нему,

¹⁰⁸ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 160.

¹⁰⁹ Там же. С. 89.

¹¹⁰ Там же. С. 161.

¹¹¹ Вторая брошюра А.С. Хомякова писалась во время Крымской войны (1853–1856).

¹¹² Статья была написана по-французски и ориентирована на западного читателя. Она была опубликована без имени автора с добавлением в заглавие «с точки зрения Петербурга», что несколько смущало Ф.И. Тютчева.

¹¹³ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 177.

являлся рационализм, к XIX в. приведший ее к краю гибели, а все общество, в свою очередь, к атеизму. По его мнению, «уврачевание раны» возможно, а главное, необходимо, так как папство – единственный столп христианства на Западе. Оно построило свою церковь как «царство мира сего», но христианское начало сильнее заблуждений¹¹⁴. Хомяков фактически повторил идеи Тютчева, подкрепив его выводы богословскими аргументами. Правда, русский дипломат в конце своей статьи пытался подвести читателя к мысли, что вместе с воссоединением Церквей, европейские народы получат и защиту от всяческих нестроений (под чем подразумевались революционные волнения) от русского православного императора¹¹⁵. По мнению Тютчева, примером его благостного воздействия на народ может служить визит Николая I в Рим в 1846 г. Когда его молитвы у гроба Апостолов взбудоражили дремавшее доселе чувство единства, пронзившее «электрическим током» толпу¹¹⁶. Хомяков же воздерживался от подобных тонких политических намеков.

Для Хомякова и Тютчева объединяющее христианское начало, как впрочем и рационализм римской веры, убивающий ее изнутри, вполне реальны. Для Данилевского же реально лишь образовательное начало германороманского типа, а его главной характеристикой является насильственность, производной которой и является

---

¹¹⁴ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 159, 177.

¹¹⁵ Статья Ф.И. Тютчева «Римский вопрос» была логически связана с его статьей «Россия и Революция» впервые изданной в 1849 г. во Франции. Обе работы были в первую очередь посвящены поиску духовных причин революций 1848 г., прокатившихся по всей Европе, а также доказательству того, что именно Россия может спасти Европу от гибели. Причем среди европейских читателей утвердилось мнение, что в них представлена позиция Петербургского кабинета.

¹¹⁶ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 178.

ся рационализм. Поскольку оно формирует, собственно говоря, и сам тип, являясь, фактически, его нравственным ядром, без которого культурно-исторический тип будет всего лишь этнографическим материалом, то освободиться от его влияния невозможно. Образовательное начало стало причиной раскола, оно же останется главным непреодолимым препятствием к воссоединению. Тут его точка зрения очень напоминает позицию И.В. Киреевского, считавшего, что общественный быт в Европе был порожден «насильственностью», в русское общество же выросло самобытно, естественно под влиянием внутреннего убеждения¹¹⁷, от чего его отличительной особенностью является полнота и чистота того выражения, которое христианское учение получило в ней¹¹⁸.

Данилевский, был знаком с трудами А.С. Хомякова. Это можно сказать и о работах И.В. Киреевского и Ф.И. Тютчева, имена которых он также упоминал на страницах своей книги. Его рассуждения о различиях католического и православного вероисповеданий перекликаются с их доводами на ту же тему. Но несмотря на это, нельзя поставить знак равенства между ними. Хомяков и Тютчев страстно желали воссоединения Церквей, естественно, при условии отказа западного христианства от своих заблуждений. Эту проблематику впоследствии развивал в своих работах В.С. Соловьев, правда, в споре православных и католиков он встал на сторону последних, что не мешало ему верить в воссоединение Церквей, о котором мечтал Хомяков. Автор же «России и Европы» сделал диаметрально противоположные выводы. Для него подобное воссоединение невозможно в принципе. Что интересно, хотя Данилевский и считал христианство теоретически всече-

---

¹¹⁷ Киреевский И.В. Собр. соч. Т. 1. С. 184, 206.

¹¹⁸ Там же. С. 219.

ловеческой ценностью¹¹⁹, но на практике отказывал всем, кроме славянских и связанных с ними народам, в возможности познать истинную глубину Веры. Целым народам он предлагал умереть, чтобы, превратившись в этнографический материал, ожить с новым образовательным началом, которое, возможно, будет в состоянии воспринять истинное христианство¹²⁰.

Подобное расхождение в выводах Хомякова и Данилевского неслучайно, так как их представление о ходе всемирно-исторического процесса в корне различно. Первый верил в единство человеческой истории, а главное в историческую миссию русского народа, как нового носителя «мирового духа» по Гегелю. Второй же единство всемирной истории отрицал. Но это не единственное принципиальное отличие в их взглядах. Не менее важно, что для Хомякова вопрос возможности воссоединения Церквей имел принципиальное значение, оно должно было стать залогом великой будущности общечеловеческой цивилизации, в которую Россия должна будет вдохнуть новую жизнь. Для Данилевского же церковный вопрос имел весьма второстепенное значение и служил скорее лишним поводом продемонстрировать читателю на его примере законы всемирно-исторического развития, обоснованные им.

Он понимал церковный раскол как отпадение католиков от единого живого организма Вселенской церкви, во главе которой стоит сам Иисус Христос¹²¹. С этих позиций Данилевский критиковал идею воссоединения Церквей Владимира Соловьева в своей статье «Владимир Соловьев о православии и католицизме» (1885). Хотя она вышла в свет более пятнадцати лет спустя после книги «Россия и Европа», позиция ее автора мало

---

¹¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 124.

¹²⁰ Там же. С. 214.

¹²¹ Там же. С. 347.

чем изменилась. Он по-прежнему ссылался на авторитет А.С. Хомякова, отвечая на притязания Вл. Соловьева его словами «истина не допускает сделок»¹²², забывая, правда при этом, что идея воссоединения Церквей во все не была чужда славянофилу, просто он видел ее осуществление в несколько ином свете.

Для Данилевского, как впрочем, и для Хомякова, главное — это Откровение, а также способ его сохранения в первоизданной чистоте. Вслед за своим вдохновителем он рассматривал проблему «непогрешимости» пап. В данном случае автор «России и Европы» использовал аргумент Хомякова об отсутствии таинства, которое могло бы передать благодать Св. Духа папе Римскому, из чего делался вывод, что догмат о «непогрешимости» ложен¹²³. Непогрешим может быть только Вселенский собор как единый голос всей церкви, причем он не имеет права выдумывать новые догматы, а может лишь формулировать уже существующие в Откровении, что является залогом сохранения чистоты веры¹²⁴. Эту мысль Данилевский повторил, критикуя Вл. Соловьева за то, что он делает из папы некое подобие оракула, вдохновленного духом Апостола Петра, так как Римская кафедра находится рядом с его могилой¹²⁵. Защищая же непогрешимость Церковных Соборов, мыслитель отмечал, что лишь те из них, что признаны Вселенскими всей церковью, имеют право называться таковыми¹²⁶. По сути, Данилевский тут не делал никаких открытий, он лишь развивал идеи, по его выражению, «незабвенного Хомякова»¹²⁷. Как, собственно говоря, и в отношении проблемы *Filioque*.

---

¹²² Данилевский Н.Я. Владимир Соловьев... С. 336.

¹²³ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 105–106.

¹²⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 197.

¹²⁵ Он же. Владимир Соловьев... С. 361.

¹²⁶ Там же. С. 363.

¹²⁷ См. например: Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 48, 105, 106.

В данном случае Данилевский не утруждал читателя длинными логическими построениями, прямо отсылая его к богословским трудам Хомякова. Его рассуждения относительно невинности пап в изменении Символа Веры пришлись автору «России и Европы» как нельзя кстати. Данилевский в акте вторжения Карла Великого в политику Западной Церкви справедливо видел желание властителя франков иметь Церковь, служащую интересам его государства. Подчинить Вселенскую церковь он возможности не имел, а вот воспользовавшись дрязгами внутри Римского патриархата и получить послушную местную Церковь мог.

Автор «России и Европы» подкрепил свои рассуждения примерами того, как папы долго сопротивлялись этому, а затем отступили перед неотвратимостью происходящего¹²⁸. Хомяков, рассуждавший примерно также, не делал из этого факта никаких фундаментальных выводов¹²⁹. Данилевский же вполне логично заключил, что католицизм возник не вследствие папского честолюбия, а скорее от насильственного характера западного духовенства, «видевшего в себе все, а вне себя ничего знать не хотевшего»¹³⁰. Таким образом, отпадение римской Церкви с самого начала не было случайностью, а закономерным итогом развития германо-романского типа. Следовательно, любые разговоры о воссоединении Церквей теряют смысл.

По мнению автора «России и Европы», насильственность, свойственная европейцам, до какого-то момента сдерживалась христианским духом, а затем взяла верх, допустив к вере рациональное познание, закономерным итогом которого стал атеизм¹³¹, который ведет к

---

¹²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 180.

¹²⁹ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 50–51.

¹³⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 181.

¹³¹ Там же. С. 214.

гибели Европу, и остановить это движение, по Данилевскому, невозможно. Образовательное начало германороманского типа исказило истинное понятие о христианстве, та же сила сделала славян богоизбранными народами¹³².

По мнению автора «России и Европы», на первом месте для каждого славянина стоит Бог и Его святая Церковь¹³³. Он особо подчеркивал, что «со стороны объективной, фактической русскому и большинству прочих славянских народов достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины – православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, быть народами богоизбранными. Со стороны субъективной, психической русские и прочие славяне одарены жаждой религиозной истины, что подтверждается как нормальными проявлениями, так и самыми искажениями этого духовного стремления»¹³⁴. Данилевский отводил совершенно особую роль русскому и другим славянским народам. Эта богоизбранность возводит их на небывалый пьедестал, одаривает огромным авторитетом, освящает все действия. Вся жизнь этих народов становится святой, получается, что все у них от Бога.

Делая подобные выводы, автор «России и Европы» вовсе не забывал про славян, исповедовавших католичество или протестантизм. Правда, вряд ли ему было известно, что есть славяне, принявшие мусульманство. В своих исследованиях о их существовании мимоходом упоминал А.Ф. Гильфердинг, оговариваясь, что случаи сознательного перехода в мусульманство редки¹³⁵.

---

¹³² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 462.

¹³³ Там же. С. 128.

¹³⁴ Там же. С. 462.

¹³⁵ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 190.

Рассуждая о русском православии, о том, что характер русских соответствует христианскому идеалу, что русские религиозные болезни (раскольниковство, секты) — это гиперболизированные достоинства¹³⁶, Данилевский постоянно подчеркивал, что все, что он говорит должно относиться и к другим славянским народам, в частности, исповедующим и католицизм. По его мнению, в своей душе они сохранили стремление к чистоте вере, которую олицетворяет православие, примером чего может служить гуситское движение в Чехии¹³⁷, единственным же прискорбным исключением является лишь Польша, поддавшаяся влиянию Европы.

Говоря о русском православии, Данилевскому очень трудно было рассматривать церковную жизнь исключительно своего народа, так как при этом пришлось бы вдаваться в подробности, которых он не знал, поэтому в большинстве случаев ему приходилось ограничиваться лишь общими ремарками. Православная Церковь виделась ему единым организмом. В результате получилось очень четкое противопоставление: умирающее католичество и единое живое православие. Мыслитель хотя и не был особо искушен в церковной проблематике, но не мог ни знать о Греко-болгарском церковном конфликте¹³⁸, столь широко обсуждавшемся на стра-

---

¹³⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 463.

¹³⁷ Там же. С. 466.

¹³⁸ Подъем национального самосознания болгар в 20–50-е гг. XIX в. поставил на повестку дня вопрос о создании самостоятельной болгарской Церкви. В ответ на это Константинопольская патриархия резко усилила натиск на болгарское население через греческих епископов. К концу 60-х гг. Константинопольская патриархия утратила реальную власть в болгарских землях. 28 февраля 1870 г. султаном был издан фирман об учреждении самостоятельной болгарской Церкви, константинопольский патриарх отказался это признать, произошел раскол.

ницах русской периодической печати в 60-е гг. XIX в.¹³⁹ Но эти разногласия никак не вписывались в образ Православной Церкви, созданный им, и, видимо, поэтому они и не были упомянуты автором «России и Европы».

Спустя много лет в цикле статей, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Данилевский рассмотрел греко-болгарский конфликт в связи с проблемой будущего статуса Константинополя. Протестуя против предложений сделать его нейтральным городом, в качестве аргумента против этого он использовал церковные разногласия. Указывая на крайнее честолюбие греков, стремившихся эллинизировать болгар, мыслитель пытался доказать, что нейтрализация Константинополя будет иметь пагубные последствия как для России, так и для Славянского мира в целом. Правда, при этом укорял и самих болгар, по его мнению, намеренно раздувавших конфликт, добиваясь у султана права иметь самостоятельную главу своей церкви в Стамбуле, а не в Тырнове, например¹⁴⁰. Но как бы то ни было, в статье этот конфликт служил хорошим аргументом для Данилевского, чего нельзя сказать о «России и Европе», где он ставил на первый план проблему раскола Вселенской Церкви, чему и уделил особое внимание.

И тут он был категоричен в своих выводах, более того, подвергая критике впоследствии точку зрения Вл. Соловьева, заявлял «мы можем и должны судить самих себя, то есть думать, что не можем последовать ее (Католической Церкви А.Х.) учению именно из опасения стать повинными в ереси»¹⁴¹. Для Данилевского православие — это не только форма вероисповедания, но и воплощение истины, а значит, следовать ему надо руководствуясь

---

¹³⁹ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-х гг. XIX в. М., 1970. С. 191.

¹⁴⁰ Данилевский Н.Я. Константинополь. С. 101.

¹⁴¹ Он же. Владимир Соловьев... С. 352.

не какому-либо принуждению ума или духовенства, а, прежде всего, совестью. Этим его позиция резко отличается от отношения к данному вопросу К.Н. Леонтьева. Последний, в свою очередь, выступая как арбитр в споре автора «России и Европы» и В.С. Соловьева, формально защищая православие, не утруждал себя критикой обвинений религиозного философа по пунктам как это делал Данилевский. Он ответил очень просто на призывы богослова к покаянию и преклонению перед Римом, заявив, что не пойдет за ним пока катехизис не прикажет¹⁴². И если Данилевский считал пустыми споры о воссоединении Церквей, так как между европейским и славянским мирами лежит непреодолимое препятствие — их образовательное начало, то для Леонтьева они бессмысленны, так как епископы еще ничего не решили. Однако же он допускал, что такое решение может быть принято, что, по его мнению, возможно лишь в отдаленном будущем. Причем слияние произойдет после духовной победы Востока над Западом, а результатом ее станет «полуновое православие»: догматически по-прежнему верное, на своем корню незыблемое, исторически же и канонически же глубоко измененное и широко над всеми разросшееся¹⁴³.

Точка зрения Леонтьева: религиозная Истина приходит через церковных иерархов, — канонически более верна. Данилевский же в своем понимании русского православия шел не за учением Святых Отцов Церкви, как это делали А.С. Хомяков или К.Н. Леонтьев, а за своим убеждением, что народный дух является главным восприемником и хранителем религиозной Истины. Он искренне верил, что русский народ принял христианство «не путем подчинения высшей по культуре христианской народности, не путем политического преоб-

¹⁴² *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского. С. 250.

¹⁴³ Там же. С. 288.

ладания над такою народностью, не путем деятельности религиозной пропаганды, а путем внутреннего недовольства, неудовлетворения язычеством и свободного искания Истины»¹⁴⁴. Следовательно, крещение было внутренней потребностью народа, а не политической волей правителей. Это суждение автора «России и Европы» очень точно показывает его отношение к народу как настоящему деятелю своей истории, где светские или церковные власти играют роль второстепенную. Подобное понимание религиозной деятельности перекликается с отношением мыслителя и к российской государственности, которая, по его мнению, также создавалась народом.

Описав религиозную, политическую, социально-экономическую деятельность русского народа, Данилевский подходит к культурной. Под последней автор «России и Европы» понимал «отношения человека к внешнему миру», которых называл всего три: теоретическое (наука), эстетическое (художественные искусства), техническое (промышленная культура)¹⁴⁵. Третью составляющую культурной деятельности Данилевский хотя и выделял, но не рассматривал на страницах книги.

Научные задатки русского народа он считал слабыми¹⁴⁶. Дело в том, что тут автор «России и Европы» постарался быть последовательным. В теоретической части мыслитель отмечал, что поприща, с успехом пройденные одними цивилизациями, не могут составлять главную задачу других. А в деле науки, по его мнению, европейские народы «еще не истощили своих сил» и лучше всякого другого могут продолжать дело, ими начатое и так далеко уже проведенное. В этом славянские народы, как и все другие, могут только соревновать им

---

¹⁴⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 463.

¹⁴⁵ Там же. С. 454.

¹⁴⁶ Там же. С. 487–488.

и быть только их помощниками»¹⁴⁷. Славянам он оставил менее проработанную, как ему казалось, область культуры – художественную.

Первенство европейских народов в области научного знания, для самого Данилевского, являлось аксиомой, и хотя со времен его юности европейцы успели превратиться из друзей во врагов, на страницах книги он не раз воздавал должное их научным заслугам. Сам мыслитель был ученым, сделавшим много в практической области, но ценившим всегда выше теоретические знания. Еще в юности он интересовался историей развития науки, его огромные познания в данной области позволили ему в своем труде «Россия и Европа» создать как классификацию наук, так и их периодизацию, но при их изложении он упомянул лишь одно славянское имя, Коперник. Правда, приступая к перечислению заслуг русского народа в культурной сфере, Данилевский упоминал кроме него еще ряд славянских имен (Рокитанский, Пуркинье, Шафарик, Остроградский, Пиров) ¹⁴⁸. В целом, заслуги представителей славянского племени в научной сфере виделись ему весьма скромными. Объяснял он это тем, что до недавнего времени русскому народу, а тем более другим славянским народам, приходилось больше думать о решении «политическо-государственных задач», что не ославляло сил для других поприщ¹⁴⁹. Кроме того, художественная деятельность, по его мнению, всегда предшествует научной, соответственно, Данилевский видел задатков первой значительно больше, чем второй.

Но как показать богатство русской художественной культуры, когда сфера интересов мыслителя всегда лежала в иной плоскости. И хотя Н.Н. Страхов писал, что

---

¹⁴⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 128–129.

¹⁴⁸ Там же. С. 482.

¹⁴⁹ Там же. С. 480.

он всегда любил стихи¹⁵⁰, среди огромной массы книг, прочитанных юным Данилевским, о которых упоминает его друг П.П. Семенов, нет художественных произведений¹⁵¹.

В зрелом возрасте ученый не поменял своих привычек. Страхов вспоминал о «восторженном смехе», который возбудил в Данилевском «Дон Кихот»¹⁵². Но он же в своей переписке с Л.Н. Толстым довольно язвительно замечал, что Николай Яковлевич романам из «Русского Вестника» всегда предпочитал книги по садоводству¹⁵³. Да и сам автор «России и Европы» этого не скрывал, заявляя, что не имеет ни достаточных познаний, ни нужных способностей в области литературы, для того чтобы выступать с ее критикой¹⁵⁴. Проблемы культуры мало волновали Николай Яковлевича. В.С. Соловьев, доказывая несостоятельность выводов Данилевского¹⁵⁵, как-то упустил это из виду.

Перед автором «России и Европы» стояла довольно сложная задача, так как умолчать о культурной деятельности русского народа он не мог, поскольку стремился к цельности своего повествования, но и достаточных знаний для этого не имел. Будучи ученым, Данилевский должен был быть доказательным, а значит, ему было необходимо значительно расширить свои познания в области культуры, но он, полагая очевидно, что данная сфера особых знаний не требует. Автор «России и Европы» не стал искать работы, посвященные истории русской культуры, из которых можно было бы позаимствовать факты и аргументы, отредактировав их в нужном для себя ключе, как он поступил, характеризуя религи-

---

¹⁵⁰ *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXI.*

¹⁵¹ *Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. С. 180.*

¹⁵² *Страхов Н.Н. Жизнь... С. XXII.*

¹⁵³ *Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова. Т. 2. С. 113.*

¹⁵⁴ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 195.*

¹⁵⁵ *Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 342–355.*

озную деятельность, где ему весьма кстати пришлось труды А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ф.И. Тютчева. Вряд ли подобный подход можно назвать научным, но даже его он не использовал, полагая, что можно обойтись общими фразами, хотя все то, что он понимал под психическим строем народа, находило прямое воплощение в его культуре.

Данилевский не перечислял имена русских поэтов, писателей, художников, скульпторов, не изобретал периодизации или классификации культуры, а называл отдельные примеры того, каких высот она может достигнуть. Почему он выбрал те или иные произведения, теперь можно только гадать. Возможно, это были те книги, которые тронули глубоко струны именно его души. Ведь, в самом деле, трудно объяснить, почему среди всего многообразия произведений А.С. Пушкина им была избрана драма «Борис Годунов». Вряд ли он здесь шел за мнением какого-то литературного критика, ставя ее выше драм Шиллера «Валленштейн» и «Вильгельм Тель»¹⁵⁶. Кроме того, Данилевский также высоко оценил «Мертвые Души» Гоголя, замечая между прочим, что найти произведение, которое могло бы встать наряду с ним, «должно подняться до “Дон Кихота”»¹⁵⁷. Данное сравнение весьма примечательно, если учесть, как этим испанским романом молодой узник Петропавловской крепости был восхищен. Также он упоминал и роман Л.Н. Толстого «Война и мир», с автором которого впоследствии лично познакомился и даже принимал его у себя в Мшатке. Но и тут Данилевский не следовал за чьими-то оценками. Для него в этом произведении важна, прежде всего, его масштабность, попытка Толстого показать народный дух, что, безусловно, было близко автору «России и Европы», но религиозно-фило-

¹⁵⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 483.

¹⁵⁷ Там же. С. 482.

софская концепция писателя была чужда Данилевскому, что он и не преминул отметить.

Столь же самостоятелен мыслитель и при оценке произведений изобразительного искусства. И хотя, говоря о картине А.А. Иванова «Явление Христа народу», Данилевским упоминалось имя А.С. Хомякова, как одного из первых ее ценителей, он не использовал его аргументацию подобно тому, как было сделано им при рассмотрении религиозного вопроса.

Автор «России и Европы» очень подробно описывал композицию картины. Он акцентировал внимание читателя на том, что неясную фигуру Спасителя видит лишь Иоанн Креститель и передает это знание людям, которые на полотне представлены тремя группами: те которые пойдут за Христом, те которые всегда будут искать его смерти, и те которые предадут. По мнению Данилевского, Иванову удалось передать как смысл христианства, так и его исторический путь¹⁵⁸. Хомяков совсем иначе понимал образы, изображенные на картине. Им не выделялись никакие группы людей, он видел лишь отдельные персонажи, вкладывая в их уста Евангельские изречения, восхищаясь пластикой тел, великолепно переданной Ивановым, угадывал в них их душевные порывы¹⁵⁹.

Одним из самых замечательных произведений скульптурного жанра Данилевский называл группу «Преображения» С.С. Пименова для Исаакиевского собора. Больше всего автора «России и Европы» поражало в ней техническое воплощение сложной идеи, естественность и реальность, которые, по его мнению, являются отличительными чертами всего русского искусства и поэзии¹⁶⁰.

---

¹⁵⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 485–486.

¹⁵⁹ Хомяков А.С. Картина Иванова (письмо к редактору «Русской Беседы») // Стихотворения. М., 2005. С. 346.

¹⁶⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 487.

Очерк русской культурной деятельности весьма краток, хотя следует отметить, что мыслитель и не стремился дать подробное описание ее развития. Для него априорно уже было известно, что заслуги русского народа в этой области будут велики, хотя Данилевский и принижал уровень научных достижений в России. По его мнению, это и так хорошо известно и потому лишь иллюстрировал то, что считал бесспорно верным, довершая тем самым цельный образ России.

Подведем некоторые итоги. В своей книге Данилевский создал образ русской государственности весьма далекий от действительности, так как в своих построениях шел не за фактами, а за идеей. Рисуя идеальный образ русской государственности, автор «России и Европы» не занимался политической риторикой. Он искренне верил, что русский народ – истинный творец своей истории. Поскольку реформа 1861 г. сохранила за ним земельную собственность, то русское государство и дальше будет развиваться естественно, а значит, правильно. Отрицая наличие политико-социальных проблем в стране, Данилевский не был сторонником консервативных идей Каткова. И хотя он резко отзывался относительно возможности заимствования западного опыта, отрицал буржуазность преобразований 60-х гг. XIX в., и тем не менее, искренне приветствовал их, не считая реформы чем-то вроде временной уступки. Непонимание коренных причин происходящего говорит об ограниченности, а не реакционности его представлений.

Социальная составляющая его историософии представляла собою причудливое переплетение социалистических идеалов молодости в несколько измененном виде с установками николаевской идеологии, причем первые давали идеал в области социально-экономической деятельности русского народа, а вторые – обеспечивали средство, ограждающее от нападок на него.

Образ народа столь важный в историософии Данилевского весьма противоречив. С одной стороны, народ и только народ определяет развитие всех сторон деятельности культурно-исторического типа, с другой, — его образ весьма абстрактен, автор «России и Европы» не видит его реальных проблем, желаний. Он гиперболизирует значение коллективизма, присущего крестьянству и полностью отрицает его личностное начало. Народ как бы творец всего, но лишь когда его воля едина, в отдельности человек ничего не может. Тем самым в историософии Данилевского народ превращается в безмолвную, аморфную, а, главное, пассивную массу. Главный оппонент автора «России и Европы» В.С. Соловьев отчетливо видел это слабое место в его рассуждениях. И справедливо утверждал, социально-экономическому процветанию должна помочь не идеализация народа как некой абстрактной силы, а деятельная помощь, имея в виду, в первую очередь, обучение крестьян правильному ведению хозяйства¹⁶¹.

Данилевский свято верил не только в социально-экономические и политические успехи русского народа, но и в то, что ему удалось сохранить в первоизданной чистоте христианство. Доказывая это, он шел за определенной традицией восприятия этого вопроса, активно используя доводы А.С. Хомякова, идеи которого были тесно связаны позицией Ф.И. Тютчева и И.В. Киреевского. Но он расходился с ними в выводах, считая невозможным, возвращение католиков в лоно православия.

Провозгласив достижения славянского культурно-исторического типа в культурной сфере многообещающими, он, фактически не смог этого наглядно продемонстрировать просто из-за нехватки знаний, которые Данилевский не потрудился восполнить, считая этот вопрос, очевидно, не требующим особого внимания.

---

¹⁶¹ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 340.

О чем бы не говорил Данилевский (о территории русского государства, о государственности, о самодержавии, о социально-экономическом строе, о культуре) – все у него имеет естественную природу существования. Превознося русскую государственность или русскую общину, он не разбирал механизмов их функционирования в материалистическом смысле этого слова, все у него творится на духовном уровне внутри народного организма и, в конечном счете, освящается Провидением. Эти нотки, так мало значащие в теоретической части, в практической приобретают огромное значение. Все неслучайно. Все в славянской жизни естественно устроено. Но если строитель Бог, то человек должен мудро воспользоваться даром.

Итак, по мнению автора «России и Европы», во всех областях деятельности русский народ проявил неприязнательность, умеренность в пользовании свободы, зачатки чего можно найти у других славянских народов, которые, в свою очередь, разовьются, как только они обретут государственную независимость¹⁶². Данилевский, рисуя образ русского народа, делал это не только ради него самого, но и для того, чтобы читатель представил себе будущий величественный образ Славянства и, как автор «России и Европы», пленился бы им.

Какая бы сторона деятельности не рассматривалась им, он постоянно подчеркивал, что это – прообраз будущего Славянства. И если религиозную деятельность русского народа он вообще не отделял от православия в целом, то при описании политической или социально-экономической деятельности, хотя и опирался исключительно на историю России, делал ряд ремарок относительно других славянских народов. Его целью было доказать, что они, как и русский народ, одарены «замечательным политическим смыслом» и способны к соци-

---

¹⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 473.

ально-экономическому процветанию. Так, например, в деятельности Гуса он видел не столько даже религиозные искания, сколько попытку возродить чешское государство¹⁶³. Польша же, в свою очередь, для него являлась исключением, подтверждающим правило. И если наличие у поляков политического смысла он ставил под сомнение, так это только потому, что их славянская душа искажена европейским духом.

По Данилевскому, Славянский мир свят, он сияет в силу того, что он это он. И если А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев стремились нести свет в темное царство Запада каждый по своему, то Данилевский был просто заморожен величием будущей славянской цивилизации. Это солнце должно святить, оно согреет всех. Но этот свет — это принадлежность лишь славянского культурно-исторического типа, им нельзя поделиться и потому не нужно его никому навязывать.

Однако автор «России и Европы» сознавал, что это лишь мечты, и они могут осуществиться, а могут и нет. Одним из главных условий их претворения в жизнь должно было стать создание славянского государства, но это затрагивает интересы Европы, следовательно, с ней предстоит борьба.

---

¹⁶³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 466.

БОРЬБА С ЗАПАДОМ И ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СИЛ

Тема борьбы проходит красной нитью через все произведение Данилевского. Автор «России и Европы» говорил не просто о каком-то абстрактном противостоянии, на страницах его книги оно облекалось в вполне определенные формы Восточного вопроса. Под которым в дипломатии и исторической литературе принято понимать международные противоречия, возникшие в конце XVIII в. в связи с наметившимся распадом Османской империи и ширившимся национально-освободительным движением народов ее населявших, а также борьбу европейских великих держав за раздел европейской части турецких владений¹.

Данилевский ставил проблему гораздо шире, пытаясь наглядно доказать читателю, что это всемирно-исторический конфликт, зародившийся еще во времена Древнего мира. Таким образом, его продолжительность исчисляется не десятками, а сотнями лет. Дело в том, что, по мнению мыслителя, культурно-исторические типы, развиваясь, стремятся распространить свое влияние настолько это будет возможно широко, что приводит к войнам между соседями. Он называл это «естественным честолюбием народов»². Соответственно, Восточный вопрос — это ничто иное, как противоборство германороманского и славянского типов, которым не посчастливилось, волею судеб оказаться на смежных территориях. В свою очередь, ему предшествовала борьба римского и греческого типов, также населявших часть этих земель до них. Автор «России и Европы» не только су-

---

¹ Восточный вопрос во внешней политике России кон. XVIII — нач. XX вв. М., 1978. С. 3–4. Далее Восточный вопрос...

² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 296.

щественно расширил временные рамки проблемы, он попытался изменить в корне представления читателя об ее сути.

Традиционно в Восточном вопросе противником России была умирающая Османская империя. В этой многомерной проблеме для России на первом месте на протяжении XIX – н. XX вв. оставались Балканы и проливы Босфор и Дарданеллы³. После поражения в Крымской войне (1853–1856) и заключения унижительного Парижского мира русское правительство сузило круг вопросов, связанных с данным узлом внешнеполитических противоречий. Оно не говорило ни о полном разделе Османской империи, ни о захвате Константинополя и проливов: для этого просто не было сил. Также была ограничена задача покровительства христианским подданным султана, преимущественно помощью населению Балканского полуострова⁴. Та часть русской общественной мысли, что проявляла интерес к их судьбам, видела решение Восточного вопроса в обретении ими независимости и поэтому часто называла этот дипломатический узел противоречий – Славянским вопросом. Она, правда, несколько шире русского правительства трактовала проблему. Так например, И.С. Аксаков полагал, что Славянского вопроса только в отношении Турции не существует, а есть один вопрос, общий для Турции и Австрии, он сплетает в один узел вопросы о существовании этих стран⁵. В этом же духе высказывался и О.Ф. Миллер⁶. Несколько шире понимал этот вопрос А.Ф. Гильфердинг, называя его греко-славянским,

---

³ *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в к. XIX в. М., 1994. С. 3. Далее *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы...

⁴ Восточный вопрос... С. 153.

⁵ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 107–108.

⁶ *Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. С. 389.

именуя себя при этом «единственным грекофилом»⁷. Он писал о единстве судеб греческого и славянских народов, о необходимости их мирного сожителства и взаимопомощи. Аксакова и Миллера больше волновала судьба славянских народов, причем первого преимущественно — болгар⁸. Каждый из вышеназванных авторов писал о родстве славянских народов, об их кровном и духовном единстве, о необходимости помощи им⁹.

К моменту написания «России и Европы» в русской публицистике существовала устойчивая традиция восприятия славянских народов как родственных, а также интерес к их судьбам. Данилевский называл Восточный вопрос Славянским, подчеркивая не столько родство интересов, об этом писалось много и до него, а потому в его книге это уже аксиома, нет, для него главное — это враждебность Европы к славянам, а не Турции или Австрии, которые, по его мнению, играли весьма эпизодическую роль. Причем мыслитель не просто ставил вопрос таким образом, он еще и до предела заострял проблему. Через эту борьбу лежит путь выживания славянского культурно-исторического типа, и она неизбежна, как неизбежны честолюбивые притязания цивилизации, достигшей максимальных успехов в своем развитии. Это естественный процесс, по Данилевскому. Эта «естественность» имеет особое значение в историософии ученого, она имеет силу неизбежности и необходимости.

Объявляя Европу *природным врагом*¹⁰, автор «России и Европы» в корне расходился с И.С. Аксаковым, О.Ф. Миллером, А.Ф. Гильфердингом, В.И. Ламанским,

⁷ Гильфердинг А. Ф. Взгляд константинопольского грека на болгарские и критские дела. СПб, 1860. С. 14.

⁸ Никитин С.А. Очерки... С. 191, 228.

⁹ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 6–7; Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. III; Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 13.

¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 387.

М.П. Погодиным, А.Н. Пыпиным. Все они проявляли устойчивый интерес к судьбе славянских народов. Но подобное «открытие» не могло быть однозначно воспринято даже среди людей, всецело сочувствовавших славянам. И хотя большинство из них, за исключением А.Н. Пыпина, было обеспокоено «происками» европейских дипломатов на Балканах, а мысль о враждебности Европы была общим местом в их публицистике, врага они видели в Турции и Австрии. Еще в 40–50-е гг. XIX в. А.С. Хомяков много писал о духовной гибели Запада, но он также надеялся на его духовное возрождение через возвращение в православие¹¹. О.Ф. Миллер писал о равнодушии Европы к бедам славян, но при этом отмечал, что французы в целом дружелюбно относятся к русским, остальное же это лишь «случайности»¹². Более того, в одной из своих работ он утверждал, что не враждебное обособление славян от прочей Европы, а шествие ей навстречу для крепкого и верного союза с ее народностями, остающихся до сих пор при своих жалких предубеждениях против славянства — вот что необходимо для их процветания¹³. В.И. Ламанский, рассуждая о внутреннем антагонизме, проходящем через всю историю греко-славянского и романо-германского миров, замечал, что помощь русского кабинета в освобождении Италии будет признано заслугой России и в ее лице всего славянского мира¹⁴. Более того, в своей поздней работе «Три мира Азийско-Европейского материка», впервые опубликованной в 1892 г., но частично написанной в 1876–1877 гг., он попытался теоретически обосновать разделение народов, живущих в Евразии, на три самостоятельных мира (западный или германо-

¹¹ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 2. С. 83.

¹² Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 316, 382.

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 5.

романский, срединный или славянский, азиатский). Ламанский утверждал: «У мира Срединного и у Европейского историческая жизнь и образованность возникают и развиваются если не из совершенно одинаковых, то более или менее общих исходных источников: христианства и греко-римской цивилизации». Причем первый находится в гораздо более близком внутреннем родстве со вторым, чем с Азией¹⁵. И.С. Аксаков подчас был очень эмоционален в своих высказываниях, некоторые из них очень напоминают рассуждения Данилевского. Так например, он писал о том, что «благосклонности Запада мы никакой угодливостью не купим; пора понять, что ненависть, не редко инстинктивная, Запада к Славянам происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины – антагонизм двух противоположных духовных, просветительских начал и зависть дряхлеющего мира к новому, которому принадлежит будущность»¹⁶. Но между позицией Аксакова и автора «России и Европы» есть принципиальная разница. Для первого «противоположность начал» была бы вполне преодолена, если бы осуществилась мечта Хомякова о возвращении европейских народов в православие, что теоретически возможно. Для второго же, этого примирения между ними быть не может даже теоретически. Весьма оригинальную позицию по данному вопросу занимал Ф.М. Достоевский. Он был уверен как в ненависти Европы, так и, в равной степени, в невозможности ее умиротворить или победить. Мыслитель предлагал подождать пока все европейские державы будут обессилены и подточены «демократическими стремлениями огромной части низших своих подданных», и тогда Россия окажется сильнее всех и спасет гибнущий Запад¹⁷.

¹⁵ Ламанский В.И. Три мира... С. 55.

¹⁶ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 5.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т.9. Кн. 1. С. 295-297.

Ни о какой природной нелюбви не могло быть речи и в печати демократического толка. Так например, А.Н. Пыпин, писал, что если европейские политики и враждебны как самой России, так и славянскому делу, так тому виною отчасти она сама, хотя он тут же добавлял, что разделы Польши были осуществлены не только его страной¹⁸.

Единственным, кто занял сходную позицию с автором «России и Европы», был Р.А. Фадеев. В своей работе «Мнение о восточном вопросе» он писал и о тождественности Восточного и Славянского вопросов, и о Австрии, Турции как об угнетательницах славян, и о многовековой истории существования проблемы¹⁹, но главное, он вслед за Данилевским утверждал, что вопрос решится или размежеванием двух великих пород: славянской или немецкой, или поглощением первой, то есть это вопрос жизни и смерти²⁰. Статьи Фадеева вышли в свет несколько позже «России и Европы», причем он сам признавался в своем восторженном отношении к этой книге, так что вряд ли можно согласиться с О.Ф. Миллером, считавшим это совпадение в трактовке Восточного вопроса случайным²¹.

По-видимому, Данилевский отдавал себе отчет, что его понимание данной проблемы вряд ли можно назвать общепринятым. Поэтому он не только со свойственной ему скрупулезностью излагал свои доказательства «природной враждебности» Европы, рисуя событийную канву, выделяя в ней определенные этапы, но и, прежде всего, сам бросил вызов общепринятой точке зрения в лице историка С.М. Соловьева.

---

¹⁸ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 8–9.

¹⁹ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 371, 384, 391.

²⁰ Там же. С. 371.

²¹ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 91.

Оба эти человека относились к миру научного знания, правда, к совершенно разным его отраслям. И если Соловьев, профессиональный историк, всю свою научную карьеру изучавший архивные материалы, на основе которых и создал свой знаменитый многотомный труд «История России с Древнейших времен», то Данилевский – биолог также полжизни проведший в экспедициях и создавший в своей сфере не менее фундаментальные труды. Но в области исторического знания автор «России и Европы», безусловно, уступал маститому историку в профессионализме, что не помешало ему открыто критиковать взгляды последнего. Дело в том, что главным для Данилевского было понимание истории, а не набор разрозненных фактов, поэтому он считал себя в праве оспорить «неверные представления» Соловьева.

Автор «России и Европы», прежде всего, попытался опровергнуть утверждение профессора Московского университета, что Восточный вопрос – это один из фазисов исконной борьбы между Европой и Азией²², высказанное им в первой работе из цикла статей под общим названием «Восточный вопрос», опубликованной в 1867 г. Данилевский сам называл подобную точку зрения общепринятой, а потому ему чрезвычайно важно было поколебать в самых ее основаниях. Мыслитель привел пять доказательств неверности трактовки проблемы С.М. Соловьевым²³. Подобной борьбы, по его мнению, не могло существовать так как, ни Европа, ни Азия никогда не осознавали себя чем-то единым, не было войн, где они единым фронтом выступили друг против друга, все конфликты, возникавшие между ними, ничем

---

²² Соловьев С.М. Восточный вопрос // История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003. С. 307–312. Далее Соловьев С.М. Восточный вопрос.

²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 292–293.

по своему характеру не отличались от столкновений внутри этих регионов. Если бы Европа действительно захотела сокрушить Азию, то ей никто бы не смог помешать, в качестве примера Данилевский в данном случае привел печальную участь Индии и Китая. Сами понятия «Европы» и «Азии» разнятся в своем смысловом содержании географически, этнографически, культурно-исторически²⁴. Конечно, критика Данилевского никакого реального влияния на общепринятые понятия оказать не могла. Взгляд на Россию как форпост Европы на границе с Азией²⁵, одержавшей первую победу над ней, по мнению С.М. Соловьева, в XV в. в лице монголов²⁶, существовал до него и после него, присутствует он в той или иной форме и в современной научной литературе.

Итак, по глубокому убеждению Данилевского, Восточный вопрос — это борьба германо-романского мира со славянским, включающая в себя четыре этапа. Анализируя каждый из них, он обращал, в первую очередь внимание не на все многообразие событий, а на их логику. Для этого не надо было рассматривать мельчайшие подробности, необходимо было лишь выхватывать из всемирно-исторического процесса крупные события, известные каждому неплохо успевающему по истории гимназисту. Они то и становились узловыми точками развития Восточного вопроса. Прежде всего, это основание Константинополя, появление империи Карла Великого, раскол Церквей, возникновение мусульманства, Косово поле, Русско-турецкие войны в конце XVIII в., Крымская война. Нетрудно заметить, что в этом перечне присутствуют разноплановые и разновеликие события, но для Данилевского они все важны

---

²⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 293–295.

²⁵ Соловьев С.М. Восточный вопрос. С. 308.

²⁶ Он же. История России с Древнейших времен. М., 1997. Т. 1. С. 21.

именно тем, что стали судьбоносными в истории Славянского мира. И тут стоит отметить, что та логика событий, которую ему удалось увидеть, порождала у него ощущение неслучайности всего происходящего.

В свое время, разочаровавшись в Европе, мыслитель всею душою полюбил славянство, судьба которого столько раз была на волоске, и, несмотря на это, оно выжило. Данилевский в связи с этим посвятил несколько страниц своей книги рассуждениям об историческом плане, нарисованном рукою Промысла, проявляющемся в исторических «синхронизмах» (совпадения ряда важных событий А.Х.)²⁷. Автор «России и Европы» увидел их сразу несколько в Восточном вопросе. Именно они, по мнению Данилевского, и направляли его развитие, поддерживая жизнь Славянского племени подобно тому, как вода, охлаждаясь, расширяется в отличие от других тел, поэтому лед плавает на поверхности воды. Это спасительное исключение позволяет существовать жизни в водоемах зимой. Автор «России и Европы» полагал что, эта особенность не случайно стала свойством воды, как не случайно и то, что после гибели Римской и Греческой цивилизаций их место заняли германороманский и славянский типы соответственно²⁸.

По Данилевскому, первым этапом Восточного вопроса было противостояние Греции и Рима, которое само по себе мыслителя мало волновало. Для него, прежде всего, важно то, что оно являлось прологом к дальнейшим событиям. Римлян сменили германцы, а рядом с греками на Балканском полуострове появились славяне. И если первые, поглотив остатки древней цивилизации, сразу же стали быстро развиваться, то вторые еще долго существовали бок о бок со своим предшественником, дряхлеющей Византией. О правомерности со-

---

²⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 298–301.

²⁸ Там же. С. 299.

единения Древней Греции и Византии в один культурно-исторический тип впоследствии было много сказано как критиками «России и Европы»²⁹, так и ее сторонниками³⁰. Они справедливо писали, что Византийская империя прямая наследница Римской цивилизации. Данилевский, вольно или невольно, пренебрег этой исторической истиной, так как она не вписывалась в его логику рассуждений. Он как и С.М. Соловьев полагал, что Восточный вопрос имеет многовековую историю существования. Но если, по мысли последнего, борьба велась между народами моря (Европа) и народами степи (Азия)³¹, то Данилевскому необходимо было проследить канву противоборства германо-романского и славянского культурно-исторических типов и ее предысторию. Византию как православную державу ему легко было поставить рядом со славянами, но признать ее Восточной частью Римской империи он не мог, так как схема, созданная им здесь не работала, никакой «многовековой борьбы» не получалось.

Первый период Восточного вопроса, по мнению автора «России и Европы», заканчивается достижением германо-романского типа государственного периода своего развития, то есть созданием империи Карла Великого в середине VIII в. и расколом Церквей³².

Затем наступил следующий этап. Он наиболее трагичный для Данилевского. По его словам, молодому юноше (германо-романский тип) противостояли старик (греческая цивилизация) и ребенок (славянский тип)³³. И тут история славяно-греческого мира была

---

²⁹ *Соловьев В.С.* Россия и Европа. С. 366–367; *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов. С. 14, 29.

³⁰ *Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. С. 294; *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского. С. 274–276.

³¹ *Соловьев С.М.* Восточный вопрос. С. 307.

³² *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 302.

³³ Там же. С. 303.

предрешена, если бы на сцене истории не появилось магометанство. В качестве доказательства мыслитель приводил ассимиляцию полабских славян. Появление новой религии, собравшей воедино разрозненные силы арабов и превратившей их в угрозу европейскому миру, он считал явлением прогрессивным для того времени³⁴.

В самом мусульманстве для него не было ничего мистического, кроме той роли, которую оно сыграло в истории славянских народов. Более того, автор «России и Европы» считал своим долгом опровергнуть идеи тех, кто видел в нем нечто большее. Данилевский не называл имена своих оппонентов в этом вопросе, поэтому трудно понять против кого направлена его критика. В тот период времени среди образованного общества уже присутствовал интерес к этой мировой религии, который впоследствии только увеличивался, поэтому нет ничего удивительного в том, что В.С. Соловьев, творчество которого проникнуто христианским духом, довольно резко отозвался о невнимании автора «России и Европы» к мусульманству³⁵. В непонимании всемирно-исторического значения магометанства упрекал Данилевского и другой его критик Н.И. Кареев³⁶.

Автор «России и Европы» не игнорировал ислам вообще, а лишь считал его явлением временного порядка, завершившим весь цикл своего развития. Как человек православный, ученый считал своим долгом предупредить увлечение «мудростью Востока» среди своих соотечественников. Сама мысль, что кем-то мусульманство по своему значению в судьбах человечества может приравняться к христианству, казалась ему противостественной, ведь для Данилевского последнее – все-

³⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 304.

³⁵ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 373–374.

³⁶ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов. С. 24.

ленская истина и одновременно основа духовного развития славян, без которой они просто не будут сами собой.

Магометанство, и это он особо подчеркивал, никакой духовной истины не содержит. По его мнению, неправы те, кто утверждает, что оно более подходит для восточных стран, так как множество святых, живших там и приводивших к вере тысячи людей, доказывают обратное. Не могло быть мусульманство и переходной ступенью между язычеством и христианством, так как Апостолы крестили язычников в истинную Веру задолго до появления ислама³⁷. Единственный смысл этого явления, по мнению Данилевского, — это та невольная услуга, что оно оказало славянам, поработив их физически, не дав убить германо-романскому типу их душу. Славяно-греческий мир был слишком слаб, чтобы сопротивляться ассимиляции, и потому Провидению было угодно послать арабов³⁸. И тут Данилевский дал волю звучать в полную мощь провиденциальным ноткам своих воззрений. Мусульманство и кара за разобщенность Славянского мира и, одновременно, спасение. Трактовка этого явления как «меньшего зла», сохранившего «зародыш новой жизни» общепринята для большинства мыслителей, творивших в рамках христианской традиции. Статьи И.С. Аксакова пестрят высказываниями о том, что власть Османской империи куда безопасней для славян, нежели Австрии³⁹. А.Ф. Гильфердинг писал о том же в своих работах, акцентируя также внимание читателя на том факте, что мусульманство всегда играло роль защиты духовной жизни православных от честолюбия католиков⁴⁰. В.И. Ламанский считал, что турец-

---

³⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 305.

³⁸ Там же. С. 307.

³⁹ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 6, 41, 108, 131, 135.

⁴⁰ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 8. *Он же*. Взгляд константинопольского грека на болгарские и критские дела. С. 13.

кое иго «было относительным злом и искупительной пользой и тем благом, которое доставила Турция миру греко-славянскому, оберегая и защищая его от романо-германцев»⁴¹. Другими словами, но в том же духе высказывался и М.П. Погодин⁴².

Младший современник Данилевского К.Н. Леонтьев также писал, что только благодаря туркам держится православие на Балканском полуострове⁴³. Правда, его точка зрения существенно отличалась от отношения к этому вопросу как вышеназванных мыслителей, так и самого автора «России и Европы», которые считали это явление выполнившим свою роль, а потому ратовали за освобождение славян от ненавистного ига инородцев. Леонтьев же полагал, что «пока мы (Российская империя А.Х.) не можем заменить Турцию на Босфоре, ее существование выгодно, так как она будет держать славян в узде, не допуская западного тлетворного влияния»⁴⁴.

Таким образом, здесь точка зрения Данилевского совпала с общепринятым мнением в определенных кругах, а точнее сказать, он просто принял ее, так как она вполне соответствовала его теоретическим представлениям. Более того, подобная трактовка событий вовсе не изобретение современников ученого – это органическая часть христианской традиции, уходящая своими корнями в глубокую древность, когда великие потрясения воспринимались как кара за грехи и, одновременно, толчок к новой жизни. Сам Данилевский приводит высказывание константинопольского патриарха Анфимия о том, что Провидение избрало османов для защиты Византии от западной ереси⁴⁵. По существу, автор

---

⁴¹ Ламанский В.И. Об историческом изучении... С. 27.

⁴² Погодин М.П. Собрание статей... С. 24.

⁴³ Леонтьев К.Н. Письма отшельника. С. 546.

⁴⁴ Он же. Византизм и славянство. С. 441.

⁴⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 307.

«России и Европы» лишь повторил сказанное главою православной Церкви. Знаменательно, что немецкому историку Гервинусу, из сочинения которого ученый заимствовал цитату, эта мысль показалась дикой.

Итак, для Данилевского то, что ислам спас славян, дав им возможность сохранить веру отцов, является принципиальным моментом. Тем временем Россия окрепла и превратилась в Великую державу, что и доказала своим правлением Екатерина Великая, личность которой автор «России и Европы» оценивал чрезвычайно высоко, упуская, правда, из виду, что никакой прославянской политики она не вела, заботясь только о величии Российской империи. Но поскольку Русско-турецкие войны конца XVIII в. объективно способствовали началу национально-освободительного движения на Балканах, ее авторитет в глазах Данилевского был непререкаем потому, что в своих рассуждениях он исходил из очень простого принципа: все, что способствует разрешению Восточного вопроса в пользу славян, хорошо.

Так как Россия стала в состоянии защищать не только себя, но и своих собратьев, необходимость в существовании Турции отпала, которая все больше и больше превращалась в «исторический хлам»⁴⁶. А хлам, как известно, выбрасывают.

С тех пор как Николай I заговорил об Османской империи как о тяжелобольном человеке, прошло довольно много времени. Об обреченности ее говорили не только консервативные, но и либеральные и даже демократические круги в России⁴⁷. Но если консервативная и часть либеральной печати видела долг своей страны в том, чтобы вмешаться в этот процесс, то остальные лишь констатировали этот факт и больше обращали

⁴⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 311.

⁴⁷ Никитин С.А. Очерки... С. 244, 230.

внимание читателя на внутренние проблемы. Правда, те, которые относились к первой группе, под вмешательством подразумевали исключительно дипломатические действия. Для большинства изданий в тот период времени была характерна солидаризация с правительственным курсом, а его в этот момент олицетворял Горчаков, возглавлявший с 1856 г. Министерство иностранных дел. Он был глубоко убежден, что Россия пока слаба, и ей надо решать внутренние проблемы, на Востоке же ее действия должны быть сугубо дипломатические⁴⁸.

Подобного же рода высказывания можно найти в либеральной прессе. «Голос», например, из номера в номер повторял мысль, что Россия нуждается в мире и спокойствии для развития своего благосостояния, для успешного хода своих реформ, для водворения порядка и свободы⁴⁹. О том, что нельзя приносить интересы внутренней политики в жертву внешнеполитическим интересам писали «Отечественные записки»⁵⁰.

Редактор «Московских ведомостей» неизменно подчеркивал, что со времени Парижского мира 1856 г. внешнее положение России слабо, а значит надо устремить все силы к «внутреннему преуспеянию»⁵¹. В том же духе высказывался и Погодин, всегда оглядывавшийся на правительство. В 1860-е гг. он всячески подчеркивал, с одной стороны, отсутствие каких-либо притязаний славян на политическую независимость, а с другой — необходимость замолвить «слова мира» за страдальцев и только. Он особо подчеркивал, что в России и среди других славянских народов никакого панславизма вооб-

⁴⁸ Восточный вопрос... С. 153.

⁴⁹ См. например: Голос. 1864. №65. Там же. 1866. №83, 187.

⁵⁰ См. например: Отечественные записки. 1864. №6. С. 945–946. Там же. 1866. №7. С. 3.

⁵¹ См. например: Московские ведомости. 1864. № 149, 165, 185, 235. Там же. 1865. №193.

ще не существует и существовать не могло, просто эти народы любят друг друга, и нечего примешивать к этому политике⁵².

Впоследствии подобная трактовка проблемы обрела законченные формы в позиции К.Н. Леонтьева, который не просто отрицал существование панславизма как политического движения, он не верил даже во взаимную любовь славян, о которой писал Погодин. По его мнению, никакого слияния со славянами искать не следовало, надо было лишь поддерживать «искусственное тяготение» на почтительном расстоянии⁵³. Тут отчетливо видно как сильно разнились идеи будущего защитника теории культурно-исторических типов от взглядов самого Данилевского, для которого интересы славянства были святыми. Леонтьев же без ложной скромности солидаризировался с точкой зрения М.Н. Каткова. Который в свою очередь смотрел на славянские народы как на орудие русской политики на Балканах⁵⁴.

На дипломатические усилия в разрешении Восточного вопроса в 60-е гг. XIX в. надеялись не только либеральные издания «Голос», «Вестник Европы» и «Отечественные записки»⁵⁵, но и И.С. Аксаков. Однако этим, его позиция не исчерпывалась. И в своей публицистике, и в своей деятельности в Славянском комитете он говорил о необходимости оказания славянам конкретной помощи (содействие в обучении болгар в России, посылка русских книг, сбор пожертвований на учебные, благотворительные и церковные нужды). И лишь в конце 1875 — начале 1876 гг., когда в России стало известно о подготовке, а за тем о поражении болгарского восстания Аксаков начал настаивать на военном вмешатель-

---

⁵² Погодин М.П. Собрание статей... С. 13, 20–21, 119.

⁵³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 440.

⁵⁴ Никитин С.А. Очерки... С. 224.

⁵⁵ Там же. С. 247.

стве русского правительства⁵⁶. В 1860-е гг. же он связывал освобождение Болгар, прежде всего, с национально-освободительным движением самого болгарского народа⁵⁷.

Данилевского как в момент написания «России и Европы», так и последующих статей в первую очередь волновала именно русская внешняя политика, для него характерно полное невнимание к внутривосточным проблемам страны, а точнее сказать, просто их отрицание, основанное на убеждении, что реформа 1861 г. их полностью и окончательно решила. Ничто кроме заговоров европейцев не может помешать России помогать славянским народам, в том числе и силой русского оружия. Он не уловил ни общественных настроений, ни желаний правительства. Автор «России и Европы», пожалуй, наиболее резко на тот момент времени высказывался именно за оказание военной помощи славянам, и в этом принципиальное отличие его точки зрения. Статью 1871 г. «Россия и Франко-германская война» он завершил словами, гласящими, что сложившаяся обстановка в Европе неизбежно ускорит борьбу двух культурно-исторических типов, что очень полезно для славянства⁵⁸. Но именно этому ускорению борьбы всеми силами пытался помешать Горчаков, находясь на посту министра иностранных дел. И хотя славянский вопрос более или менее широко обсуждался в 60-х гг. на страницах периодических изданий, лишь очень немногие его считали на тот момент времени первостепенным⁵⁹. И лишь к середине 1870-х гг. идея спасения «младших бра-

---

⁵⁶ *Цимбаев Н.И.* Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и Освобождение Болгарии. М., 1982. С. 154–155.

⁵⁷ *Он же.* Русское общество и болгарский вопрос в 1800–1860-е гг. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 67.

⁵⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Франко-германская война. С. 502.

⁵⁹ *Никитин С.А.* Очерки... С. 250–251.

тьев» как долг и святая обязанность охватила все слои русского общества⁶⁰.

Итак, по мнению Данилевского, Екатерина Великая в лице ее полководцев нанесла первые ощутимые удары по Османской империи, чем и закончился второй период развития Восточного вопроса. К новому этапу у мыслителя отношение двойственное. Это время успехов русского оружия, оживления национально-освободительного движения, способствовавшего росту осознания единства судеб славянства. Однако Россия, по мнению Данилевского, не смогла вовремя распознать врага, что и привело к катастрофе 1853–1856 гг. Крымской войной окончился третий этап. Для мыслителя это в высшей степени трагичный момент, но, в то же время, и знаменательный. Теперь, по Данилевскому, все стало на свои места, понятно кто враг, а кто друг. Европейская цивилизация много веков, хотевшая уничтожить славянский мир, а затем отступившая перед угрозой магометанства, а вслед за этим интриговавшая, манипулируя ослабевшей Портой, в тот момент сбросила маску. Это время отрезвило автора «России и Европы», и он надеялся, что оно окажет тот же эффект и на других.

Для Данилевского Крымская война – национальная трагедия, причиной которой стала враждебность Европы и только она. И здесь очень явно проявилась отличие его взглядов от славянофилов, которые причины севастопольской катастрофы видели в самой России. Об этом столь ярко и безжалостно писал А.С. Хомяков в стихотворении «России» (1854), выражая общую точку зрения своих единомышленников:

В судах черна неправдой черной,
И игом рабства клеймена...
О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой

---

⁶⁰ Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество. С. 167.

Себя водою покаянья –
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей главой!⁶¹

О том, что «эти страдания очистительные; эта болезнь к здоровью», писал в своем письме к М.П. Погодину и И.В. Киреевский. Он полагал, что благодаря поражению в Крымской войне «общественный дух начинает пробуждаться, ложь и неправда, главные наши язвы, начинают обнаруживаться»⁶².

Данилевский же был чрезвычайно далек от такой трактовки событий. Ничего, кроме раздражения, она у него не вызывала. Он негодовал на рукопись, ходившую по рукам после Крымской войны, где поражение России объяснялось ее политической гордыней. Для него это был столь грязный пасквиль, что мыслитель отказывался верить в авторство Т.Н. Грановского⁶³. Автору «России и Европы» этот человек как «поборник европейничанья» никогда не был симпатичен, но он не мог допустить, что профессор Московского университета может написать такое. Но Грановский был не единственным профессором Московского университета, кто смотрел на происходящее подобным образом. С.М. Соловьев на склоне лет в своих «Записках» в частности писал: «... когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда враги явились под Севастополем, мы находились в таком тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой – мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение...»⁶⁴ Для автора же

⁶¹ Хомяков А.С. Стихотворения. С. 221.

⁶² Киреевский И.В. Собр. Соч. Т. 1. С. 81.

⁶³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 290.

⁶⁴ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2003. С. 393.

«России и Европы» Крымская война — величайшее оскорбление национального достоинства, а, искать причину в себе, значит, обрекать страну на двойное унижение. Идея «пораженчества», возникшая в то время обществе, была чужда ему. В этом принципиальное отличие его точки зрения от позиции славянофилов и западников, которые здесь шли рука об руку.

Данилевский, высоко ставя реформу 1861 г., указывал, что ее проведение, безусловно, способствовало успешному решению Восточного вопроса. По мнению автора «России и Европы», истинного либерализма (свободного развития всех здоровых сторон народной жизни, где главное национальные стремления) не могло существовать в России, пока не было уничтожено крепостное право⁶⁵. Подобную же мысль высказал О.Ф. Миллер в своей работе «Что такое славянский вопрос в Европе»⁶⁶. Однако их позиции нельзя назвать идентичными. Данилевский категорически отрицал связь реформ с поражением в Крымской войне, для него она была исключительно проявлением враждебности германороманского культурно-исторического типа⁶⁷, в то время как Миллер эту связь всячески подчеркивал как в этой работе, так и в других⁶⁸.

Четвертый этап, по Данилевскому, начавшийся после этой войны, должен был показать «велико ли Славянство только пространством и числом или внутренним своим значением, суждено ли ему играть миродержавную роль наравне с его старшими братьями» (предшествовавшими цивилизациями А.Х.)⁶⁹. При всей своей патетичности и своеобразии понимания социально-политических реалий Российской империи, он правильно

⁶⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 315.

⁶⁶ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 390.

⁶⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 289.

⁶⁸ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 127–128, 314, 389.

⁶⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 318.

оценил сложившуюся к тому времени ситуацию на Балканах. Национально-освободительное движение как австрийских, так и турецких славян росло и неизбежно наталкивалось на интересы европейских держав в данном регионе⁷⁰. Данилевский до предела заострил проблему, предчувствуя развязку. И тут мыслитель оказался куда более прозорлив, чем многие его современники. Впоследствии он был далек от эйфории, царившей в обществе в 1877–1878 гг. вплоть до Берлинского конгресса. Цикл статей, посвященных этой войне, это ничто иное как попытка доказать всем, что она не решит Восточного вопроса, так как его благополучный исход — это не просто обретение славянами независимости, а полное перераспределение сил на мировой арене. Карта Европы должна была существенно измениться, что и произошло после Первой мировой войны.

Данилевский отлично понимал, что столь глобальные перемены не могут быть вызваны одной военной кампанией, они слишком кардинальны. Конечно, ему не дано было знать, как это произойдет, и уж точно его бы опечалил тот факт, что славянские страны в этой войне оказались по разные стороны фронта. Хотя справедливости ради следует отметить, что возможность подобного развития событий он также не отрицал. Подобные опасения им высказывались еще в статьях 1877–1878 гг. Еще сильнее Данилевский бил тревогу в статье 1879 г. «Горе победителям», и совсем уж пессимистичны были посмертные примечания. Главной причиной раскола славянского мира автор «России и Европы» называл, прежде всего, раздоры между самими славянами, искусно раздуваемые европейскими державами.

Итак, если с 1856 г. начался новый этап развития Восточного вопроса, то чем же, по мнению Данилевского, он должен закончиться? Мыслитель упорно отрицал

---

⁷⁰ Восточный вопрос. С. 235.

возможность разрешения противоречий мирным путем, в мировую цивилизацию, как и во всемирное братство народов, а также и во всемирную империю, он не верил. Автор «России и Европы» со всей свойственной ему скрупулезностью попытался доказать на страницах своей книги, что подобного государства не может существовать в принципе, и тем более его не могут создать славяне. Вряд ли здесь им руководило желание оправдываться, Данилевский писал книгу, прежде всего, для русского читателя, а не для иностранного. Скорее он отдал дань определенной традиции. Панславизм, возникший в начале XIX века, вызывал серьезные опасения у европейской общественности как в силу объективных, так и в силу субъективных причин⁷¹.

Национально-освободительное движение славянских народов и их возможный союз с Российской империей объективно усиливали влияние последней в европейских делах, нарушая сложившуюся систему равновесия в международных делах, что не могло ни волновать политиков, равно как подобного же рода беспокойство вызывала возможность объединения Германии или Италии. Еще более естественные опасения вызывали эти процессы в Австрии, так как там они неизбежно способствовали распаду государства. Субъективной же причиной был стереотип, закрепившийся в западной прессе за Россией как некой страшной, враждебной и непонятной силы. Сходным образом воспринимались и ее «братья по крови». Необходимость борьбы против национального движения славянских народов, которое в представлении как немецких правительств (особенно в Австрии), так и немецкого обывателя соединялась во едино с гипотетически возможной угрозой со стороны

---

⁷¹ Нарочинская Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878. М., 1979. С. 12–13. Далее Нарочинская Л.И. Россия и национально-освободительное движение...

России, уже к 1840-м гг. превратилась в стойкий стереотип. В этот же период появился и термин «панславизм», который являлся не столько отражением конкретной политической программы национального движения, а использовался для обозначения предполагаемой опасности, особенно теми народами и государствами, которые видели в возрождении государственности славян угрозу своим интересам или ущемление национальных чувств⁷².

Тенденциозность, заложенная в понятии «панславизм», сразу же вызвала возражения со стороны деятелей славянского национального движения, попытавшихся внести ясность в этот вопрос. Они утверждали, что панславизм политический является химерой, а панславизм литературный — это естественное право⁷³. Теми же аргументами пользовалось и большинство русских мыслителей, писавших о славянах в пореформенное время. Обращаясь к теме враждебности Европы, они говорили о том, что причиной этого является ошибочное мнение о России, и восприятие панславизма как агрессивного течения из-за незнания целей данного движения. Для русской общественной мысли характерно невнимание к объективным причинам столь нелюбимых отзывов об их стране.

О заблуждениях иностранцев говорили представители совершенно разных направлений. Например, об этом рассуждал М.П. Погодин. Он указывал, что «славяне в настоящую минуту и не думают сбрасывать чужое иго, готовы служить каждый своему правительству, не ищут своей собственности, владей ею кому она досталась вследствие исторических событий»⁷⁴. А.Н. Пыпин,

---

⁷² Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 41, 47.

⁷³ Там же. С. 43.

⁷⁴ Погодин М.П. Собрание статей... С. 13.

относясь к совсем иному лагерю, также писал о заблуждениях европейцев. Указывая на необъективность западного общественного мнения, где высказывания об агрессивности славянского племени являются общим местом, публицист напоминал иностранцам о том, что Россия, например, спасла их от Наполеона⁷⁵. В.И. Ламанский не просто ограничивался общими высказываниями, он посвятил этой проблеме целую книгу, где подробно проанализировал сразу несколько теорий, представляющих Россию и славянство в весьма неприглядном виде, указав на их вздорность и бездоказательность⁷⁶. Не обошел эту проблему стороной и О.Ф. Миллер. В одной из своих статей он подверг критике клевету на русских добровольцев, сражавшихся на Балканском полуострове. По его убеждению, Европа часто заблуждается относительно России, обвиняя ее в варварстве, сама же часто менее либеральна и своекорыстна. Доказательствами подобного утверждения служило сравнение проектов реформы крепостной зависимости, предложенных западными мыслителями Вольтером, Леклерком, Лагарпом и реальным осуществлением реформы 1861 г. И все же Миллер надеялся, что ошибочные мнения в скором времени исчезнут⁷⁷.

Еще в начале своей книги Данилевский писал об отрицательном стереотипе, прочно связанным с образом России в западной публицистике, где она воспринимается не иначе как «политический Ариман»⁷⁸. Правда, причину этого он видел не в простом невежестве европейских мыслителей, а в естественной враждебности представителей иного культурно-исторического типа⁷⁹.

⁷⁵ *Пытин А.Н.* Панславизм... С. 7.

⁷⁶ *Ламанский В.И.* Об историческом изучении... С. 276, 314.

⁷⁷ *Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. С. 378, 384–385, 390.

⁷⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 32; Ариман – греческое наименование Арха-Манью, верховного божества зла в иранской мифологии.

⁷⁹ Там же. С. 59–60.

Стало быть, и говорить тут что-либо бесполезно. В этом его точка зрения совпадала с позицией Ф.М. Достоевского. Последний не просто утверждал в «Дневнике писателя», что Европа всегда будет смотреть на Россию враждебно, так как она никогда не любила ее; никогда не считала русских за своих, за европейцев, а всегда за досадных пришельцев⁸⁰, а со свойственным ему сарказмом высмеивал всех тех, кто верил, что возможно убедить Запад в бескорыстии России и «тогда наступит новая эра и для нас, и для всей Европы»⁸¹.

В невозможности что-либо объяснить западному общественному мнению был убежден и Данилевский. И тем не менее, он все-таки считал своим долгом доказать, что славянская идея – это вовсе не идея мирового господства.

В качестве аргументов автор «России и Европы» использовал исторические факты и статистические данные. Он обратил внимание своего читателя на то, что все империи, которые принято называть всемирными, таковыми в действительности не были⁸². Это были лишь громоздкие государственные образования, к тому же весьма неустойчивые, и рядом с ними существовали и другие государства. Далее приводилась численность населения европейских стран, как в отдельности, так и суммарно, затем такие же данные и греко-славянского мира. По его подсчетам оказывалось, что население германо-романского типа даже несколько выше, но в целом силы равны⁸³. Соответственно, объединенное славянство никак не сможет поработить европейские народы, и, в тоже время, будет иметь возможность отстаивать свои интересы. Следовательно, установится

---

⁸⁰ Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т. 9. Кн. 1. С. 294–297.

⁸¹ Там же. С. 295.

⁸² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 397.

⁸³ Там же. С. 396.

спасительное равновесие сил в мире⁸⁴. И тут Данилевский возносил идею единения славян на небывалую высоту, придавая ей общечеловеческое значение. Всеславянский союз должен был положить естественный предел европейскому честолюбию. Причем мыслитель опять же подводил читателя к мысли о естественности как синониму правильности развития всемирно-исторического процесса. Честолюбие, как любую страсть, невозможно подчас обуздать самому субъекту, следовательно, надо бороться с Европой для ее же блага.

Необходимость и неизбежность противостояния прямо вытекает из определенной трактовки Восточного вопроса Данилевским. А поскольку для него враг вполне определен, он не просто призывал к борьбе, но и выводил условия ее успеха. Мыслитель был убежден, что Европа, в отличие от Турции, являющейся «историческим хламом», очень сильна, поскольку цивилизация, созданная ею, находится на пике своего могущества. Славянского союза в момент написания книги не существовало, значит, России предстоит вести на первых порах неравную борьбу. Крымская война показала, что ее силы невелики. Но эта же кампания, по Данилевскому, дала ключ к разгадке могущества германороманского типа. Оно заключается в равновесии всех европейских сил, которое представляет собой не случайную комбинацию сил, а устойчивую систему. Причем как бы ее не колебали, она всегда возвращается в естественное состояние⁸⁵.

Данное заключение он выводит из подсчета численности населения европейских стран. По его мнению, хотя Франция и Англия немного и уступают немецким землям, но это с лихвой компенсируется более выгодным географическим положением. Мыслитель пренеб-

---

⁸⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 409.

⁸⁵ Там же. С. 401.

регал другими факторами, такими как раздробленность немецких земель или неравенство экономического уровня развития среди европейских стран, но в целом рассуждал верно, вся международная политика после Венского конгресса строилась на принципе равновесия сил. Оно и мешало, с его точки зрения, достижению независимости славянских государств. Поскольку подобная расстановка сил не давала осуществиться заветным мечтам мыслителя, то ее нарушение должно было объективно способствовать положительному решению славянского вопроса⁸⁶. Этот вывод становится краеугольным камнем в дальнейших его рассуждениях.

Данилевский вовсе не был первооткрывателем «европейского равновесия». И хотя он считал необходимым выводить его из статистических данных, для большинства современников ученого это была аксиома, не требовавшая доказательства. Другое дело, в обществе существовали различные мнения относительно влияния этого принципа на внешнеполитический курс России. Так например, М.П. Погодин полагал, что Россия должна воевать для себя, а не для европейского равновесия⁸⁷. Однако либеральный «Голос» и консервативные «Московские ведомости» считали свою страну неотъемлемой частью «европейского концерта», соответственно, нарушение равновесия в регионе, по их мнению, было невыгодно для России⁸⁸.

Первую главу своей книги Данилевский посвятил доказательству того, что неслучайно Голштейнский вопрос и агрессивное поведение Пруссии не порицались европейским общественным мнением, тогда как справедливая помощь России славянам, изнемогающим от турецкого ига, вызвала волну негодования в зарубеж-

⁸⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 429.

⁸⁷ Погодин М.П. Собрание статей... С. 122.

⁸⁸ См. например: Московские ведомости. 1864. №86; Голос. 1864. № 25, 33, 121.

ной печати⁸⁹. В 1864 г. Пруссия начала войну с Данией из-за земель Шлезвиг и Гольштейн, входивших в состав последней. Оба герцогства занимали важное стратегическое положение на Северном и Балтийском морях. В итоге вопрос был решен в пользу германских государств: Шлезвиг отошел к Пруссии, а Гольштейн — к Австрии. Победа Пруссии укрепила ее позиции на Балтике. Обращение автора «России и Европы» к данным событиям, которые сам он называл частными, было неслучайным. Они довольно широко обсуждались в русской периодической печати, по той простой причине, что за этим, по выражению Данилевского, «незначительным конфликтом» стояло стремление Пруссии объединить германские земли, что, как раз, и нарушало европейское равновесие⁹⁰. Частью русского общества высказывались опасения по поводу ее действий. Так например, М.Н. Катков, убежденный противник русско-прусского союза, писал о необходимости не допустить присоединения этих земель к Пруссии, так как это ведет к ее дальнейшему усилению⁹¹. Опасения по поводу возможного усиления Берлина высказывались также и либеральными изданиями⁹². Данилевский, вполне в духе публикаций аксаковского «Дня»⁹³, искренне негодовал, что какой-то «незначительный конфликт» волнует русскую общественность больше, чем судьба «братьев по крови»⁹⁴. Подобного же мнения придерживался и М.П. Погодин⁹⁵.

---

⁸⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 30.

⁹⁰ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-е гг. XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 34. Далее Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии...

⁹¹ См. например: Московские ведомости. 1864. №86.

⁹² См. например: Голос. 1864. № 38, 42.

⁹³ См. например: День. 1864. №22; Там же. 1865. №44.

⁹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 18.

⁹⁵ Погодин М.П. Собрание статей... С. 20–21.

Автор «России и Европы» хотя довольно эмоционально рассуждал о том, что до его страны никому нет дела, все бы с удовольствием расчленили ее во имя европейского равновесия⁹⁶, в целом был настроен оптимистично. Усиление Пруссии угрожает Франции или Австрии, в свою очередь усилением последних уже будут не довольны Англия, Пруссия или Италия. Но такое положение дел не представляет никакой опасности для России, так как даже Наполеон не в силах был ее захватить, зато польза очевидна. Те, которые пострадают, обратят свои взоры к России, от нее будут ждать спасения, счастливые же победители будут домогаться нейтралитета⁹⁷. Она же, в свою очередь, за свои услуги будет вправе потребовать определенную компенсацию. Поскольку славянам неизбежно придется бороться за свою независимость, то нарушение равновесия сил и станет главным оружием в их руках.

Данилевский оказался прозорлив, доказательства правильности его рассуждений не пришлось долго ждать. Еще в ходе Франко-пруссской войны 1870–1871 гг. русское правительство сочло обстановку в Европе благоприятной для отмены унижительных условий Парижского мира 1856 г. 19 октября 1870 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков разослал всем странам, подписавшим этот мирный договор, циркуляр, где указывалось на множество нарушений его статей другими государствами, на основании чего делалось заявление, что отныне Россия не считает себя связанной обязательствами трактата. После поражения Франции под Седаном в сентябре 1870 г. она объективно не могла протестовать, прусское правительство еще в 1866 г. заверило, что не будет препятствовать в этом вопросе России. Австрия, опасаясь Пруссии, не решалась объявить вой-

---

⁹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 428.

⁹⁷ Там же. С. 429.

ну, Англии же, привыкшей решать свои проблемы чужими руками, не на кого было в тот момент опереться в Европе. В результате 1 марта 1871 г. на Лондонской конференции был подписан протокол, отменивший нейтрализацию Черного моря, что стало крупной победой русской дипломатии⁹⁸.

Автор «России и Европы» отреагировал мгновенно, не дожидаясь окончательного решения международной конференции, он написал статью «Россия и Франко-германская война» и издал ее в журнале «Заря» в январе 1871 г. Данилевский не скрывал своего ликования. По сути дела, вся работа была посвящена наглядной демонстрации, как он был прав. Мыслитель приводил обширные цитаты из своей книги, подчеркивая, что борьба с германо-романской цивилизацией неизбежна, а нарушение европейского равновесия (в данном случае создание единой Германии) всегда сулит только выгоды России⁹⁹.

Исторические события укрепили в нем чувство собственной правоты, поэтому ему не требовалось вносить в свою историософию нечто новое. Данилевский был убежден, что его мечты о Славянской федерации начинают сбываться. Но он не только констатировал свою правоту, но и делал прогнозы на будущее. Им еще раз, как и в «России и Европе», было подчеркнуто, что борьба двух культурно-исторических типов неизбежна, а нарушение европейского равновесия на руку славянам¹⁰⁰. Далее приводились обширные цитаты из «России и Европы», где доказывалось, что объединение Германии шло благодаря покровительству России, последняя будет в праве надеяться за свое невмешательство на последних этапах получить компенсацию. Данилевский

---

⁹⁸ Восточный вопрос... С. 191.

⁹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Франко-германская война. С. 496.

¹⁰⁰ Там же. С. 494, 516.

гордо резюмировал — так и произошло¹⁰¹. Его мало заботило усиление Пруссии, которое столь пугало русскую прессу, начиная с сер. 60-х гг. XIX в. И либеральный «Голос», и консервативные «Московские ведомости» писали, что это нарушает русские интересы на Балтике¹⁰². На страницах «Московских ведомостей» даже высказывались опасения за безопасность Санкт-Петербурга¹⁰³. Даже И.С. Аксаков хотя и писал о том, что судьба славян для России должна быть на первом месте, тем ни менее выражал обеспокоенность усилением Пруссии¹⁰⁴. И лишь «Санкт-Петербургские ведомости» заявляли, что России нечего волноваться, ведь в лице Пруссии она получает сильную союзницу¹⁰⁵.

Для Данилевского был важен только славянский вопрос. Войны Пруссии он считал исключительно внутренним европейским делом, из которого Россия может извлечь свои выгоды. В отличие от многих своих современников, он не смог просчитать развитие ситуации на несколько шагов вперед, увидеть в Германии грозную силу, которая не будет довольствоваться вторыми ролями и, в том числе, на Востоке. Данилевский рассуждал следующим образом: Пруссия нуждалась в помощи, мы извлекли из этого свои выгоды, теперь слаба Франция, значит, она будет искать союза с нами, надо его заключить и положительный результат не заставит долго себя ждать¹⁰⁶. Как известно, русско-французский союз действительно состоялся, но его оформление произошло только в 1891–1894 гг. Прогнозы ученого сбылись по той простой причине, что, делая их, он увидел объек-

¹⁰¹ Данилевский Н.Я. Россия и Франко-германская война. С. 490–491.

¹⁰² См. например: Московские ведомости. 1864. №74; Голос. 1864. № 25, 32, 33, 42, 116, 126, 171.

¹⁰³ См. например: Московские ведомости. 1864. №106.

¹⁰⁴ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 7. С. 73–76.

¹⁰⁵ См. например: Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 25, 193.

¹⁰⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Франко-германская война. С. 516.

тивные законы, действовавшие в международной политике Европы после наполеоновских войн.

С тех же позиций свое мнение относительно развития внешнеполитической ситуации высказал и Р.А. Фадеев. Но его рассуждения во многом уступают стройности и логичности умозаключений автора «России и Европы». Вслед за ним генерал и публицист утверждал, что без раздоров в неприятельском лагере славянскому миру не удастся обрести свободу и воссоединиться¹⁰⁷. Но для него это лишь констатация факта, а не исходная точка рассуждений, как для Данилевского, попытавшегося найти, на каких конкретных противоречиях Россия может сыграть. Для Фадеева куда более важно просчитать, на какое количество войск его страна может рассчитывать, как их правильно распределить на будущих полях сражений и т.д.¹⁰⁸ Он подходил к проблеме как человек военный, Данилевский же мыслил куда более шире.

В своих последующих статьях, посвященных войне 1877–1878 гг. (цикл статей «Война за Болгарию») и большой работе, написанной уже после Берлинского конгресса, «Горе победителям», он также остался убежденным в своей правоте. Но если в статье 1871 г. события рождали в нем радостные предчувствия, то здесь они сменились сначала тревогой, а затем и горьким разочарованием. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. началась во многом благодаря давлению общественного мнения на правительственные круги. В июне 1875 г. начали поступать сообщения о волнениях в Турции. Сначала за оружие взялось сербское население Боснии и Герцеговины, далее вспыхнуло восстание в Болгарии, потопленное в крови властями. В России это вызвало волну возмущения и всеобщего порыва помочь братьям

---

¹⁰⁷ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 390–391.

¹⁰⁸ Там же. С. 376–378.

славянам. Но русское правительство, осознавая свою неготовность к войне, приняло решение действовать в согласии с другими европейскими государствами¹⁰⁹. И лишь когда все дипломатические меры по разрешению Восточного кризиса были исчерпаны, Россия объявила войну, закончившуюся подписанием Сан-Стефанского прелиминарного (предварительного) мирного договора. По нему Сербия, Румыния, Черногория получали полную независимость, Болгария объявлялась автономным княжеством. В России это известие было встречено всеобщим ликованием¹¹⁰, сменившимся столь же всеобщим разочарованием после Берлинского конгресса. Европейские страны и, прежде всего, Англия и Австро-Венгрия, отказались признать договор и в Берлине был созван конгресс, на котором Россия оказалась в изоляции¹¹¹. По Берлинскому трактату Болгария была разделена на две части по Балканскому хребту. Северная ее часть объявлялась вассальным государством, а южная – автономной турецкой провинцией «Восточная Румелия». Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину. Независимость Сербии, Черногории, Румынии была подтверждена. Решения Берлинского конгресса явились победой правительств Запада, стремившихся изменить расстановку сил на Балканах в ущерб России и Болгарии, утвердить там свою руководящую роль¹¹². Внешнеполитические последствия этого прекрасно понимались русским правительством, как впрочем, и причины по которым оно оказалась в изоляции на конгрессе. Расстановка сил в Европе не давала возможности России сыграть на каких-либо противоречиях, момент для войны был выбран неудачно, усиле-

¹⁰⁹ Восточный вопрос... С. 199.

¹¹⁰ *Цимбаев Н.И.* Освобождение Болгарии и русское общество. С. 182–188.

¹¹¹ Восточный вопрос... С. 235–236.

¹¹² *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы... С. 7.

ние русского влияния на Балканах было одинаково не выгодно для всех великих держав, а потому им не составило труда проявить столь редкостное единодушие.

Для той части русской общественности, которая возлагала на эту войну столь большие надежды, было характерно непонимание истинных причин поражения русской дипломатии на Берлинском конгрессе, следствием которого явилась обида на собственное правительство и Западные державы¹¹³. Примером здесь может служить речь И.С. Аксакова, произнесенная им на собрании Московского славянского благотворительного общества 22 июня 1878 г.

В своих работах, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Берлинскому конгрессу, Данилевский, как и в статье 1871 г. «Россия и Франко-германская война», все также приводил пространные цитаты из «России и Европы». Теперь уже печальные события подтверждали его выводы относительно неизбежности борьбы двух культурно-исторических типов, а, главное, необходимости нарушения европейского равновесия для успешного решения славянского вопроса. В поздних своих статьях Данилевский остался верен своей трактовке Восточного вопроса, изложенной им в «России и Европе». Для него это всемирно-исторический конфликт, зародившийся еще во времена Древнего мира. По его мнению, славянский мир должен противостоять «природной» агрессии Европы, чтобы выжить.

---

¹¹³ Цимбаев Н.И. Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие московского славянского общества // Россия и Восточный кризис 70-х гг. XIX в. М., 1981. С. 185.

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ И ГРЕЗЫ О ЦАРЬГРАДЕ

Данилевский, провозглашая неизбежность борьбы германо-романского и славянского типов, не проповедал войну ради войны, он ставил вполне определенную ее цель — создание Всеславянского союза. Но на пути к ней стояло существование двух государств, угнетающих славян, Османской империи и Австрии. И если участь первой в глазах русской общественности была предрешена, то вопрос о судьбе второй был весьма спорным. И потому для автора «России и Европы» было особенно важным доказать обреченность Габсбургской монархии, что, по существу, означало возможность существования реальной основы для объединения славян в единое государство. По Данилевскому, отличительной особенностью психического строя славянского культурно-исторического типа является терпимость. И если это так, то Российская империя не может завоевывать Австрию, иначе в противном случае она уже не будет сама собою.

Автор «России и Европы» легко нашел выход. Ничего разрушать и не придется, так как это государство представляет собою искусственную систему, а, значит, обречено на распад. Она, как и Турция, лишь временный феномен, своим появлением обязанный волею случайно совпавших обстоятельств и только благодаря им обретшая единство. Их гибель неизбежна и необходима для успешного разрешения Восточного вопроса для славян, итогом чего станет создание их единого государства.

По мнению Данилевского, Австрийское государство возникло благодаря брачным договорам или, другими словами, через личную унию¹. Центром этого конгломе-

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 319.

рата земель была Чехия, и лишь неблагоприятные обстоятельства отдали первенство в этом вопросе монархии Габсбургов. Идеей, скрепившей Австрийскую империю, долгое время была необходимость обороны ослабленной и раздробленной Германии против напора французов и турок². Этот вывод Данилевский позаимствовал из работы чешского государственного деятеля и историка Франтишека Палацкого «Идея Австрийского государства», которая привлекла автора «России и Европы» попыткой объяснить природу существования монархии Габсбургов. Он особо подчеркивал, что прочел книгу внимательно³. Мыслитель взял из нее то рациональное зерно, которое могло согласоваться с его собственными рассуждениями. Идею создания Австрийской федерации Палацкого, которая обеспечит достойное существование в ее лоне славянам, Данилевский подверг резкой критике. Что вполне естественно, ведь она, фактически, перечеркивала его мечту о Славянской Федерации. «Австрославизм», как идейно-политическая концепция, сложился в чешских землях в первой половине XIX в. и получил законченный вид в период революции 1848–1849 гг. Главными идеологами его были Гавличек Боровский и Франтишек Палацкий. Они полагали, что необходимо сохранить монархию Габсбургов, преобразовав ее в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов. Это положение составляло основу стратегической линии западной славянской элиты на протяжении всего XIX века⁴. Их мечтам не суждено было сбыться. Так например, Фридрих Фердинанд Бойст, назначенный в 1866 г. на пост министра иностранных дел Австрии, полагал, что пу-

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 324.

³ Там же. С. 341.

⁴ Ненашева З.С. Проблема австрославизма в Российском общественном мнении в последние два десятилетия XIX в. // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 127.

тем заигрывания со славянами ничего достигнуть нельзя, поэтому их необходимо сдерживать совместным выступлением немецкого и венгерского элементов. Таким образом, уже на стадии создания системы дуализма будущая роль славянского большинства монархии Габсбургов была подчиненной⁵.

О необоснованности надежд славянских народов на преобразование австрийской государственности писал не один Данилевский. На исключение России из решения славянского вопроса сетовал А.Ф. Гильфердинг⁶. Кроме того, он также писал, что славянские народы постоянно конфликтуют между собой (так как европейская государственность исказила их менталитет), если же они получат автономию, то трения между ними только умножатся, значит, программа Палацкого не улучшит их положения⁷. Осуждал австрославизм и его главного идеолога и И.С. Аксаков⁸. Не без удовольствия В.И. Ламанский в своей поздней обобщающей работе писал о том, что Палацкий впоследствии разочаровался в своей теории⁹.

Автор «России и Европы», как и многие другие панслависты, был встревожен охлаждением в отношениях со славянскими народами. Если раньше видна была готовность к взаимовыгодному сближению, которое угнетенным народам Австрийской и Османской империй сулило помощь России в борьбе за освобождение своей родины, а русским наличие точки опоры для благоприятного разрешения Восточного вопроса¹⁰, то после

---

⁵ Медяков А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866–1871). М., 2010. С. 41–42.

⁶ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 266.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 44.

⁹ Ламанский В.И. Три мира... С. 111.

¹⁰ Восточный вопрос... С. 159.

Крымской войны встал вопрос, а сможет ли Россия помочь или нет. Взоры славянских народов обратились к Западу, что в свою очередь, вызвало активизацию сторонников славянского единства в России. Так, например, с потребностью противостоять европейской пропаганде, ведущейся в славянских землях, С.А. Никитин связывает возникновение Славянских комитетов¹¹.

Данилевского нежелание многих славянских деятелей оглядываться на Россию явно задевало, как впрочем, и А.Ф. Гильфердинга, и И.С. Аксакова¹². Знакомясь с произведениями западных авторов и, в частности, славян, живущих в Австрийской империи, автор «России и Европы» видел, что они зовут своих единоплеменников совсем к иным горизонтам. Мыслитель с горечью замечал, что даже «неевропействующие» славяне склонны видеть будущее процветание в лоне австрийской государственности¹³.

В этом вопросе его взгляды сильно напоминали мысли А.Ф. Гильфердинга, которые были изложены в его работах намного раньше написания книги Данилевского. Автор «России и Европы» практически дословно повторял определение ученого австрийского государства как искусственного образования народов, лишённого внутренней идеи, и своим существованием обязанному лишь временной необходимости обороны Европы от Турков¹⁴. Подобные высказывания можно найти и в бумагах А.С. Хомякова¹⁵. Гильфердинг, как и Данилев-

¹¹ *Никитин С.А.* Возникновение Московского славянского комитета // Вопросы истории. 1947, №8. С. 63. Далее *Никитин С.С.* Возникновение...

¹² *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 262; *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 9; Т. 5. С. 15.

¹³ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. С. 392.

¹⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 102.

¹⁵ *Ивантышина Т.* Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // Российское общество и зарубежные славяне XVIII – н. XX вв. Балканские исследования М., 1992. С. 29.

ский, указывал и на ложность воззрений Палацкого, причем и тут аргументация двух мыслителей совпала¹⁶. Хотя автор «России и Европы» ничего не упоминал о знакомстве с трудами слависта, подобное сходство говорит о том, что, вероятно, оно имело место.

Возвращаясь же к книге «Россия и Европа», следует отметить, что Данилевский правильно оценил ситуацию, усомнившись в возможности предоставления австрийским славянам тех же прав, которыми обладали немцы и венгры. Подобное развитие событий объективно должно было способствовать децентрализации, а в дальнейшем – распаду этого государства, что не могло входить в планы австрийского правительства. Автор «России и Европы» справедливо писал о дуализме этой империи, возникшем в 1867 г., как о преграде к созданию федерации внутри страны. Хотя тут он был далеко не оригинален. Подобным же образом это событие трактовалось и И.С. Аксаковым, и А.Ф. Гильфердингом, и М.П. Погодиным, и Р.А. Фадеевым, и В.И. Ламанским¹⁷. Данилевский полагал, что если это очевидно для него, то для представителей национально-освободительного движения это должно быть тем более понятно. Он недооценивал того факта, что все они, в конечном итоге, сформировались как личности в рамках австрийской государственности, и хотя определенная национальность обуславливала отказ от полного слияния с данной системой, все-таки не делала их абсолютно чуждыми ей. Все эти люди получали европейское образование, становились профессорами австрийских университетов и даже писали свои произведения, в большинстве случаев, на немецком языке, так как хотели быть услышаны в стране, где им выпал жребий родиться.

¹⁶ См. например: *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 86, 102.

¹⁷ *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 131–132, 136, 149; *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 13; *Погодин М.П.* Собрание статей... С. 40; *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. С. 386; *Ламанский В.И.* Три мира... С. 108.

После успехов венгров и падения авторитета России после Крымской войны славяне стали искать поддержку не у нее, а в рамках возможностей, предоставляемых австрийской государственностью. Многие из них полагали, что Австро-Венгрия слаба, значит, вполне реально добиться от нее уступок, заняв почетное место в империи, нежели бороться за полную независимость для того, чтобы стать марионеточными государствами. Последний вариант развития событий пугал и Данилевского, который неоднократно повторял, что только вместе все славянские народы обретут право голоса на международной арене¹⁸. Вслед за ним эту мысль высказывал Р.А. Фадеев¹⁹.

Федерация славянских народов могла появиться на свет лишь после обретения ими независимости. Вероятность этого для некоторых народов казалась весьма призрачной. Дело даже было не только в европейском воспитании австрийских славян, а в существующем историческом праве. Так, например, чешские земли были наследственными владениями короны Габсбургов, с которыми она смогла бы расстаться лишь в случае собственной гибели. Поэтому чехам ничего не оставалось, как благоразумно искать лишь более достойного места в лоне австрийской государственности.

В этот конкретно-исторический момент их отдаление от России было предопределено, такова была естественная логика событий. Но она не казалась таковою Данилевскому, для него естественность это, прежде всего, единство славянских народов, обретение ими государственности, которая позволит им реализоваться в качестве «положительных деятелей истории». Опасность размытия образовательного начала славянских народов его очень пугала, поскольку, если они останутся под-

---

¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 353.

¹⁹ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 408.

властны государству, которое, с одной стороны, не ощущают абсолютно чуждым, и которое, с другой стороны, для сохранения единства постарается нивелировать национальные отличия, это будет лишь вопросом времени.

Рассуждения о возможности развития событий подобным образом были общим местом в панславистской литературе, что, в свою очередь, являлось прямой реакцией на процессы, протекавшие в австрийском обществе. Об этом много писали И.С. Аксаков, А.Ф. Гильфердинг, О.Ф. Миллер, В.И. Ламанский, Р.А. Фадеев²⁰. Правда, Миллер неоднократно повторял в своих статьях мысль о том, русские сами виноваты в этом. Высокопарные фразы и обращения к славянам как «младшим братьям» давно уже раздражают деятелей славянского национального движения²¹.

Итак, если власть австрийского дома над славянами столь губительна для них, то что же мешает ее разрушению? По мнению автора «России и Европы» — это пресловутое «историческое право». Он утверждал, что оно заслуживает уважения и внимания к нему, если «продолжает корениться в действительных потребностях людей текущего века, продолжает составлять их приращенное, неотъемлемое право»²². Мыслитель довольно резко выражался относительно прав на определенные земли корон Стефанов, Ягеллонов, Палеологов, Сулейманов, Габсбургов, которые, по его мнению, уже мертвы и давно пора воткнуть в их могилы «осиновый кол» или, как две последние, находятся на пороге смерти. Он рассуждал следующим образом: так как на всемирно-исторической сцене появился новый культурно-истори-

²⁰ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 44; Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 10; Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 103; Ламанский В.И. Три мира... С. 103; Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 384.

²¹ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 194–195.

²² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 359.

ческий тип, то «историческое право» и заключается в том, чтобы дать ему возможность развиваться, что, правда, не очень хорошо согласовывалось с международной обстановкой в Европе.

Нельзя сказать, что народы Австрийской империи совсем уж перестали прислушиваться к тому, что говорилось о них в России, но отклик находили те умеренные взгляды, которые хорошо соотносились с их собственными. Такие крайние рецепты решения проблемы, как идеи Данилевского с перекраиванием карты всей средней Европы, сочувствия не вызывали. В отличие от автора «России и Европы», другие приверженцы славянской взаимности это понимали. Этим, например, объяснялась крайняя осторожность в высказываниях, произносимых на Этнографической выставке в Москве в 1867 г.²³

Данилевский, сетуя на «нерасположенность» деятелей национально-освободительного движения к идее гегемонии России, отмечал, что есть люди и вполне ей симпатизирующие. В качестве примера им приводились следующие имена: Ян Коллар, Ганка Вацлав, Людвиг Штур. Эти люди сделали очень много для пробуждения национального самосознания славян, живших в Австрии, а также для доказательства «исторического права» славянских народов, но то время ушло, их самих уже не было в живых в конце 1860-х гг. Совсем иные настроения преобладали в то время, когда писалась «Россия и Европа». В отличие от А.Ф. Гильфердинга, жаловавшегося, что славяне не понимают России, не видят ее духовного богатства²⁴, Данилевский искал причины этого непонимания во внешних причинах, объясняя все «клеветой Польши и Европы»²⁵.

²³ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 219.

²⁴ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 268–270.

²⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 392.

В связи с этим у него возникала еще одна трактовка «борьбы». Для автора «России и Европы» «борьба с Западом — единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями»²⁶. Под словом «недуги» он понимал, прежде всего, «европейничанье». Таким образом, борьба — это еще и лекарство.

Причем он называл вполне объективную причину распространения подобного влияния — язык. Об этой проблеме писали и И.С. Аксаков, и А.Ф. Гильфердинг, и М.П. Погодин, и, особенно, В.И. Ламанский²⁷. Немецкая, французская, английская литературы имеют, по мнению Данилевского, несравненно большее влияние на славян, чем русская, уже по большему распространению между ними европейских языков, из которых немецкий являлся государственным для народов Австрийской империи²⁸.

При всей второстепенности называемой им причины отдаления славян от России, тут он указывал на вполне реальный фактор, который, вполне естественно, не способствовал сближению. Но автор «России и Европы» в данном случае путал причину со следствием. Знание европейских языков было следствием интереса к Европе, а не причиной. Несмотря на неправильную трактовку, эта проблема подводит мыслителя к мысли, что культурное единство славян на тот момент времени невозможно. Ему должно предшествовать политическое объединение славянских народов в единое государство²⁹.

²⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 418.

²⁷ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1 С. 44. Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 88–89. Погодин М.П. Собрание статей... С. 50. Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская... С. 92. *Он же*. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. Кн. 2. С. 683.

²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 418.

²⁹ Там же. С. 415.

И тут он касается целого круга проблем, возникавших в связи с этим, прежде всего, каким должно быть будущее государство славян и какое место в нем займет Россия. Данилевский, провозглашая неизбежность борьбы германо-романского и славянского типов, ставил вполне определенную цель — создание Всеславянского союза. Таким образом, автор «России и Европы» ратовал, прежде всего, за политическое объединение славянского мира.

Данилевский был глубоко убежден, что духовное единство есть высшее начало, политическое же объединение — низшее, поэтому должно быть достигнуто раньше³⁰. Единое славянское государство, по его мнению, станет «кровлей», защищающей от всех ветров духовные начала народов, входящих в его состав, значит, дающей им возможность свободного развития. Несколько лет борьбы за общее святое дело и несколько лет политического сожительства сделают для духовного единства больше, чем столетия самых напряженных и неустанных совещаний, изустных и печатных проповедей³¹. Более того, никто из славянских народов не дозреет до политического единства через укрепление культурных связей, если не будет выдвинут силою событий из своей мелочной атмосферы на всемирно-историческую арену великим толчком³². Именно эта «мелочная атмосфера» и была страшна для автора «России и Европы», когда в потоке жизни человек не замечает, кто ему друг, а кто ему враг. Поэтому потрясения Крымской войны он ставил намного выше усилий Славянских комитетов, так как она пробудила все общество.

В мае 1867 г. в Москве прошел Славянский съезд. Он был проведен «под вывеской» организованной в

---

³⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 415.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 415, 417.

Москве Этнографической выставки с представленным на ней большим славянским отделом, экспонаты для которого были заранее собраны из всех славянских земель протоиереем русской посольской деревни в Вене М.Ф. Раевским. Идея же провести во время ее славянский съезд принадлежала В.И. Ламанскому³³.

На съезд приехало около 80 гостей из славянских земель, среди них было много известных ученых и общественных деятелей: Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Я. Шафарик, И. Богоров, М. Маяр, К. Эрбен, И. Субботич, М. Полит, Я.Ф. Головацкий, Л. Гай. Съезд носил подчеркнутый аполитичный характер³⁴. Это было неслучайно, его организаторы (в первую очередь деятели Славянских комитетов) прекрасно понимали, что сам факт проведения подобного мероприятия в России должен был вызвать сильный резонанс не только в России, но и в Европе. Австрийское правительство было встревожено, русское же не намерено было усугублять его тревоги, поэтому их речи касались общих вопросов взаимности и единства, но даже их обсуждение облекалось в аморфную форму, где было много красивых фраз и мало сути. Однако несмотря на все усилия, правящие круги Вены и Пешта восприняли организацию Этнографической выставки как вмешательство во внутренние дела монархии Габсбургов и как серьезную угрозу, полагая что панславистское движение откровенно поощряется петербургским кабинетом³⁵.

Во время проведения Славянского съезда было произнесено много речей, но все они были весьма сдержанные и содержали в основном общие фразы. Так например, И.С. Аксаков говорил о миссии России осуществ-

---

³³ *Никитин С.А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. М., 1948. С. 18. Далее *Никитин С.А.* Славянские съезды...

³⁴ *Он же.* Славянские комитеты... С. 219.

³⁵ *Медяков А.С.* Указ. соч. С. 186.

вить на земле славянское братство и призвать все родственные народы к свободе и жизни³⁶. Не менее туманны были высказывания В.И. Ламанского, выражавшего надежду, что съезд откроет новую эпоху в истории славянства³⁷, или О.Ф. Миллера, призывавшего оросить слезами могилы К.С. Аксакова и А.С. Хомякова³⁸. Причиной сдержанности их речей было не только отношение официальных кругов, но и позиция «славянских гостей» смотревших с опаской на любое малейшее проявление великодержавности со стороны русских³⁹.

В связи с этим, вряд ли можно согласиться с мнением Б.П. Балуева, что «большинство мыслей, высказанных ораторами, настроения, возобладавшие на нем (на Славянском съезде А.Х.) — были ярким подтверждением выводов, сделанных Данилевским в его книге»⁴⁰. Все они говорили лишь о культурном и нравственном единстве, автор же «России и Европы» был убежден, что только политическое объединение может спасти славянский мир, поэтому славянский съезд в Москве в 1867 г. кроме улыбки у него ничего не вызывал. Данилевский явно подтрунивал, называя его организаторов «ревнителями славянства», особенно подчеркивая тщетность их усилий⁴¹. Таким образом, он, фактически, становился в оппозицию большинству общественных деятелей, интересовавшихся славянским вопросом.

Автор «России и Европы» явно недооценил значение этнографической выставки в Москве, познакомившей широкие круги русского общества со славянскими народами, сделавшей возможным выход славянского вопроса из узких рамок обсуждения в тесном кругу еди-

³⁶ Всероссийская Этнографическая выставка. М., 1867. С. 342.

³⁷ Там же. С. 205.

³⁸ Там же. С. 459.

³⁹ Никитин С.А. Славянские комитеты... С. 229–230.

⁴⁰ Балуев Б.П. Споры о судьбах России... С. 222.

⁴¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 416.

номышленников. И.С. Аксаков не кривил душою, когда писал о том, что эта выставка составила целую эпоху в истории славянства. Для него одним из ее главнейших достижений было близкое знакомство славян друг с другом. После чего, по его глубокому убеждению, проблема единства этих народов из отвлеченной стала реальной, перешла в общественное сознание⁴². О весне 1867 г., как о времени открытия нового мира для значительной части русского общества, писал О.Ф. Миллер⁴³. В.И. Ламанский также настаивал, прежде всего, на необходимости знакомства русского общества с духовными и практическими нуждами славянства⁴⁴. В том же духе высказывался в своих речах и М.П. Погодин⁴⁵.

Все они выступали за духовное единение славян. Разговоры о возможности создания единого славянского государства казались им преждевременными, и в данном случае мнение автора «России и Европы» принципиально отличалось от их точки зрения, что очень существенно, на наш взгляд. Правда, тут следует сделать небольшую оговорку. М.П. Погодин, написавший в послании к редакторам русских газет, что политический панславизм — это «пугало из дипломатических портфелей»⁴⁶, десятилетием ранее в самый разгар Крымской войны в своих записках излагал ничто иное как проект политического объединения греко-славянского мира⁴⁷. За десять лет, в связи с изменившейся политической обстановкой, историк позабыл о существовании в своем творчестве подобных идей. В то же время Аксаков, писавший о духовной связи славян, также сочувствовал и стремлениям русского правительства создать Балкан-

⁴² Аксаков И.С. Собр. Соч. Т. 1. С. 148, 151.

⁴³ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 194.

⁴⁴ Ламанский В.И. Три мира... С. 118.

⁴⁵ Погодин М.П. Собрание статей... С. 64.

⁴⁶ Там же. С. 119.

⁴⁷ Погодин М.П. Собр. соч. Т. 4. С. 114–122.

ский союз дипломатическими усилиями⁴⁸. Правда, никаких более или менее четких представлений о том, каким он должен быть, у мыслителя найти трудно. Публицистика Аксакова — это, как правило, реакция на конкретные события.

Единственным, кто в конце 60-х гг. XIX в., как и Данилевский, писал о необходимости военной борьбы с Западом, целью которой будет создание единого государства, был Р.А. Фадеев. Провозглашая бессилие славян без внешнего объединения их сил, он также утверждал, что сначала действия России должны носить исключительно нравственный характер⁴⁹.

Недооценивая значение развития культурной взаимности, как объективно способствовавшей появлению и политических требований в национально-освободительном движении славянских народов, Данилевский руководствовался, прежде всего, ситуацией, складывающейся на Балканах. Предчувствуя обострение Восточного вопроса в ближайшем будущем, он справедливо выводил из этого факта то, что у славян просто нет времени на медленное культурное сближение. Уверенный в своей правоте, автор «России и Европы» закрывал глаза на психологический фактор так хорошо описанный А.Ф. Гильфердингом. «Невозможно было, чтобы племена, едва получив, можно сказать, право на независимость не захотели им воспользоваться каждое для себя и тот час отказались от него для удовлетворения требованиям единства, как бы эти требования не были законы и полезны»⁵⁰.

С проблемой культурной взаимности славян тесно связана проблема общеславянского языка. Все писавшие о славянском вопросе были глубоко убеждены как

---

⁴⁸ Никитин С.А. Очерки... С. 225–227.

⁴⁹ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 397, 416.

⁵⁰ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 87.

в его необходимости, так и в том, что им неизбежно станет русский. Так например, В.И. Ламанский полагал, что в Греко-славянском мире нет такого наречия, которое могло бы оспорить его первенство⁵¹. Об этом же писали и А.Ф. Гильфердинг, и И.С. Аксаков, и М.П. Погодин⁵². Пожалуй, единственным исключением тут было мнение А.Н. Пыпина. Он также говорил о необходимости общего языка для сближения славянских народов, но предлагал его искусственно создать⁵³.

Идея общеславянского языка уходит своими корнями еще во времена зарождения панславизма. Впервые она была предложена деятелями национально-освободительного движения западных славян. Все они были убеждены в необходимости провозглашения русского языка общеславянским, хотя были и различные оттенки в трактовке ими этой проблемы. Если Л. Штур провозглашал принцип «единство в многообразии», то Я. Коллар считал необходимым, прежде всего, монолитное единство⁵⁴.

Русские панслависты, приняв от поколения ученых 1840-х гг. идею культурной славянской взаимности, горько сожалели о том, что она оставалась лишь мечтой. В 1860-е гг. А.Ф. Гильфердинг и И.С. Аксаков с досадой писали о славянском съезде в Праге в 1848 г., участники которого во избежание путаницы из-за различий в славянских наречиях в качестве общего языка общения избрали немецкий⁵⁵. Но еще большее негодование

---

⁵¹ Ламанский В.И. Об историческом изучении... С. 92. Он же. Три мира... С. 78.

⁵² Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 10. Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 159. Погодин М.П. Собрание статей... С. 50.

⁵³ Пытин А.Н. Панславизм... С. 71.

⁵⁴ Харцьева Т.Ю. Л. Штур и газета «Словенске народне новине» // Людовит Штур и его время. М., 1992. С. 100.

⁵⁵ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 88–89. Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 44.

у Аксакова вызывал тот факт, что, в свою очередь, русская публика, разъезжаясь с этнографической выставки в Москве, изъяснялась по-французски⁵⁶.

Данилевский не мог обойти проблему общеславянского языка, которую трактовал в духе собственного понимания вопроса о возможности культурного сближения славянских народов. Он полагал, что русский вполне естественно станет общим языком для славян, когда они объединятся в одно государство, так как это станет будничной потребностью⁵⁷. В качестве примера им приводилась русификаторская политика русского правительства в польских губерниях и среди прибалтийских немцев. Где, по его мнению, несмотря на недостаточность и даже ошибочность мер, а также на систематическую оппозицию поляков и немцев, русский язык известен большинству населения, в отличие от дружественных славян Турции и Австрии, где его знают единицы⁵⁸. В данном случае, Данилевский, скорее всего, находился под влиянием Гильфердинга, утверждавшего, что «в России общественный и государственный язык может быть только один — русский»⁵⁹. Разница лишь в том, что ученый славист утверждал это лишь относительно народов, населявших Российскую империю, автор же «России и Европы» распространил это правило на все славянские народы.

Также принципиальным отличием точки зрения Данилевского от позиции В.И. Ламанского, А.Ф. Гильфердинга, О.Ф. Миллера, Р.А. Фадеева было и то, что для них русский язык в качестве общеславянского был средством достижения культурного единства в славянском мире, а для автора «России и Европы» он был уже след-

---

⁵⁶ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 164.

⁵⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 415.

⁵⁸ Там же. С. 416.

⁵⁹ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 403.

ствием политического объединения славянских народов. Средством же была военная борьба, которая в частности должна вселить в братьев по крови «спасительное отчуждение» от идей врагов⁶⁰.

Данилевский пророчил всем славянам создание единой цивилизации, так как он видел единое «формационное начало», которое должно скрепить славянские народы, зачем же нужна еще и борьба. По мнению Данилевского, «поводом к образованию государства будет служить всякое событие, которое возбуждает это сознание, — всякое противоположение других национальностей, точно так как ощущение противоположности внешнего мира с внутренним приводит к сознанию индивидуальной личности»⁶¹.

Славянам только предстоит создать свое единое государство — славянскую федерацию. Единое народное начало есть, но необходим толчок для того, чтобы они почувствовали его, глубоко осознали свою «отличность» от начала германо-романских народов, подобно тому, как когда-то сам Данилевский почувствовал себя русским во время Крымской войны. Он постоянно подчеркивал, что бороться надо с Европой. Автор «России и Европы» не предлагал славянам сражаться с нарождающимся американским культурно-историческим типом. Мыслитель четко рисовал образ врага, он один, и цель предельно ясна.

Итак, противостояние германо-романского и славянского типов должно было привести к созданию Славянской федерации во главе с Россией. И тут возникает очень важная для Данилевского проблема: в чем именно первенство русского народа должно заключаться. Если единое государство — это залог выживания славянского племени, то очень важно, чтобы оно не стало ис-

---

⁶⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 414.

⁶¹ Там же. С. 224.

кусственным образованием, поэтому мыслитель постарался вывести формулу его устойчивости. Одной из составных частей, которой стал принцип гегемонии Российской империи. Однако отношение к ней у него двойственно. С одной стороны, Россия — истинное солнце славян⁶². С другой, — он неоднократно повторяет мысль о необходимости равного баланса сил внутри союза⁶³.

Двоякость позиции Данилевского, отчасти, можно объяснить влиянием, оказанным на него различными мнениями относительно роли России в Славянском мире. Он, возможно, отталкивался от рассуждений Гильфердинга. Последний видел главную причину потери государственности славянскими племенами в постоянных распрях между ними, заимствовании чуждых европейских политических институтов и использовании их наряду со своими⁶⁴. Отсюда делался вывод, что лишь Россия, оставшаяся верной исконным началам может помочь им обрести независимость⁶⁵. О междоусобной распре как причине потери государственности славянскими народами писал и М.П. Погодин⁶⁶. Сходна мысль была и в работе словацкого общественного деятеля Л. Штура «Славянство и мир будущего»⁶⁷. Она в 1863 г. была привезена В.И. Ламанским из Словакии в Россию, переведена им на русский язык и издана в Москве в 1867 г.

Штур, вынося суровый приговор неспособности славян создать крепкое государство, писал что Россия, сохранив свою государственность, спасла честь всего племени, из чего он делал вывод, что единственный путь спасения — соединение с ней⁶⁸. Эта идея созвучна мысли

⁶² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 352.

⁶³ Там же. С. 375.

⁶⁴ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 6.

⁶⁵ Там же. С. 271.

⁶⁶ Погодин М.П. Собрание статей... С. 114.

⁶⁷ Штур Л. Славянство и мир будущего. СПб., 1909. С. 3.

⁶⁸ Там же. С. 9, 129, 150.

Данилевского о том, что федерация должна быть самая тесная под водительством цельного и единого русского государства, так как оно одно среди семьи славянских народов, несмотря на частые отклонения от здравого смысла, сумело при в высшей степени неблагоприятных условиях сохранить свою самостоятельность и объединить практически весь русский народ, став мировой державой⁶⁹.

Автор «России и Европы» не упустил из виду и точку зрения О.Ф. Миллера о недопустимости бравирования старшинством перед славянскими народами⁷⁰, а потому тщательно избегал обращения к славянам «младшие братья». Пушкинскому «русскому морю», в которое стекаются славянские ручейки, Данилевский противопоставил образ «Славянского океана, со множеством соединенных морей и проливов»⁷¹. Он попытался заранее оградить себя от упреков в корысти со стороны России. В частности он писал, что «вся история русского народа, даже его пороки и славянские добродетели служили бы ручательством за справедливый и безобидный характер тех взаимоотношений, которые развились между главою союза и его членами», ведь Россия даже враждебной Польше даровала автономию, тем более она не посягнет на права своих союзников⁷². Вслед за Данилевским об этом же писал и Р.А. Фадеев⁷³.

Для автора «России и Европы» лидерство его страны в Славянской федерации — это не привилегия, а обязанность. Она должна быть ее создательницей и хранительницей. Весь внутренний смысл ее существования сводиться к освобождению славян⁷⁴. Следовательно, на

⁶⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 373.

⁷⁰ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 80.

⁷¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 375.

⁷² Там же. С. 396–397.

⁷³ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 408.

⁷⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 326.

ней лежит прямая ответственность за судьбы славянства. Подобная трактовка роли России уходит своими корнями еще в 1840-е гг. XIX в., когда первые «будители» смотрели на нее как единственную опору славянского мира⁷⁵, а А.С. Хомяков призывал «русского орла» не забывать о своих младших братьях:

«И ждут окованные братья,
Когда же зов услышат твой
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой...»⁷⁶
Он также выражал надежду, что
«Турок в мечтах будет зреть пред собою
Тень крыльев Орла над померкшей Лунной!»⁷⁷

Образ «Орла» из поэзии Хомякова перешел в публицистику И.С. Аксакова, который писал, что «освободить из-под материального и духовного гнета славянские народы и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сенью могущественных крыл Русского орла — вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»⁷⁸. Об этом же святом долге писал и О.Ф. Миллер, замечая между прочим, что, протягивая руку помощи славянам, русский человек удовлетворяет, прежде всего, свою совесть⁷⁹. А.Ф. Гильфердинг, избегая темы кто спасет славян, все-таки между строк намекал им кто их друг, а кто враг⁸⁰. В.И. Ламанский писал о бессознательном влиянии России на ситуацию на Балканах вопреки всем ошибкам правительства⁸¹. О священных обязан-

⁷⁵ Чуркина И.В. Вопрос об общеславянском литературном языке. Конец XVIII — XIX вв. // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 25–26.

⁷⁶ Хомяков А.С. Стихотворения. С. 164.

⁷⁷ Там же. С. 124.

⁷⁸ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 6.

⁷⁹ Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 205.

⁸⁰ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 13.

⁸¹ Ламанский В.И. Три мира... С. 103.

ностях России по отношению к единоплеменным и единовременным народам говорил и С.М. Соловьев⁸². Об этом же писал и А.Н. Пыпин⁸³. Все они, рассуждая о долге русского государства, имели в виду, прежде всего, помощь славянам в обретении ими политической независимости, в создании независимых государств. Данилевский же, так же свято веривший в обязанность России служить делу освобождения родственных народов, считал их слишком слабыми, чтобы они могли существовать самостоятельно, значит, долг своей страны он видел не только в освобождении славян, но и в дальнейшей их охране, которую можно осуществить только в рамках единого государства. В этом с ним полностью был солидарен Р.А. Фадеев⁸⁴.

Однако для Данилевского важно было не только объединение славянских народов в единое государство, но и сохранение ими тех индивидуальных черт, которые они приобрели в ходе своего развития. Существование этого разнообразия — залог процветания славянского культурно-исторического типа в будущем. Поэтому он и настаивал на создании общего государства славян с федеративным устройством. Во внутренних делах составные части союза, по его мысли, должны были быть абсолютно самостоятельны в своих действиях, и лишь вопросы внешней политики необходимо было решать сообща⁸⁵. Что позволит народам сохранить свои национальные особенности, но при этом ослабит обороноспособность⁸⁶. Чтобы последнего не произошло, и нужна была гегемония России, которая благодаря большому опыту государственного строительства могла стать, по его мнению, хорошей наставницей.

---

⁸² Соловьев С.М. Восточный вопрос. С. 312.

⁸³ Пыпин А.Н. Панславизм... С. 71.

⁸⁴ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 397.

⁸⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 375.

⁸⁶ Там же. С. 104.

Ученого волновала не только судьба славян, но и народов, связанных с ними одной судьбой. Греки, румыны, мадьяры по своему географическому положению, а первые два по религиозному родству должны были стать равноправными частями будущей федерации. Провозглашая единство судеб этих народов со славянами, автор «России и Европы» фактически пересказывал Гильфердинга, который писал, что среди огромного пространства Восточной Европы, среди 80 миллионов славян судьба поставила несколько своеобразных народов. Они неразрывно связаны со Славянским миром, связь эта проходит через всю их историю, и никакая сила не расторгнет. Вступать им во вражду со славянами для этих народов было бы безумством⁸⁷. Кроме Гильфердинга и Данилевского о необходимости единения славян с греками и румынами мимоходом упоминал и Р.А. Фадеев⁸⁸.

По мнению автора «России и Европы», греки, румыны, мадьяры, войдя в общеславянское государство, уже не смогут навредить славянам. Более того, первые два, по мысли Данилевского, даже не могут быть признаны чуждыми этнографическими элементами, так как они православные⁸⁹. «Неславянского же в них — собственно лишь тщеславные притязания на обособление, раздутые в их интеллигенции соблазнами и наущениями наших западных недоброжелателей»⁹⁰. Единство греко-славянского мира, по Данилевскому, сулило только выгоды всем будущим членам союза. И тут он, солидаризировался с позицией южных помещиков, которую выражал «Одесский Вестник». Этот журнал проблему Балкан теснейшим образом связывал с интересами этих групп,

---

⁸⁷ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 150.

⁸⁸ Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 396.

⁸⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 352–353.

⁹⁰ Там же. С. 353.

так как усиление влияния России в этом регионе через создание греко-славянской федерации сулило экономические выгоды от хлеботорговли⁹¹.

Провозглашая необходимость единства греко-славянского мира, мыслитель видел вполне реальные препятствия к его осуществлению, зачатки конфликтов. Как можно защитить славян от европейцев, если они внутренне раздроблены? Необходимость скрепить этот греко-славянский конгломерат – это вопрос жизни и смерти, по Данилевскому.

Автора «России и Европы» очень тревожили как разногласия, возникавшие в славянской семье народов, так и с родственными им духовно народами. Он был уверен, что западные державы не преминут воспользоваться этими конфликтами, искусно разжигая их в своих интересах. И тут «борьба» должна была оказать благотворное влияние, отвлекая славянские народы от ссор. Мыслитель, мимоходом упоминая о конфликтах, старался не заострять на них внимания читателя, и тем более, не разбирал кто прав кто виноват. Делал он это из принципиальных соображений, ведь для него главным было единство всех славян и связанных с ними судьбой народов.

Отчасти же его позицию можно объяснить и тем что, никаких личных контактов с деятелями национально-освободительного движения Данилевский не имел, что делало его сторонним наблюдателем. Ему не довелось ни путешествовать по славянским землям, ни иметь переписки с представителями славянских народов. В этом смысле у И.С. Аксакова, А.Ф. Гильфердинга, В.И. Ламанского, О.Ф. Миллера, М.П. Погодина было большое преимущество перед ним, они обладали огромным количеством конкретно-исторического материала, на котором и строили свои работы. В них они не раз подни-

---

⁹¹ Никитин С.А. Очерки... С. 240–241.

мали проблему межславянских конфликтов⁹². Автор «России и Европы» пользовался преимущественно информацией из газет, исследований западных и славянских авторов. С одной стороны, от глаз Данилевского ускользали частности, которые далеко не всегда имеют второстепенное значение, но с другой, — он имел возможность окинуть Славянский мир единым взглядом, увидев более общие проблемы, не сообразуясь с дружескими предпочтениями. Чего был лишен, например, Аксаков, связанный многолетней перепиской с деятелями болгарского национально-освободительного движения, регулярно публикуя их статьи на страницах своих изданий, он держал всегда сторону исключительно этого народа⁹³.

Отсутствие конкретной информации из первых рук часто делало Данилевского близоруким. Да, ученый видел опасность для раздробленного славянства стать маррионеткой в чужой игре, которая не исчезла и по сей день. Но мыслитель, смотря на проблему слишком обще, упускал из виду ряд важных «мелочей», что делало его выводы в глазах современников несостоятельными. Он призывал славянские и другие связанные с ними народы отбросить свои «великие идеи» и добиваться главного — единства. Но ведь в этот период для них они и были тем самым «главным». Эта проблема была весьма серьезна и, в конечном счете, стала причиной Балканских войн в начале XX столетия.

Его общие фразы, подобные «всякому деятелю должна быть воздана мзда его»⁹⁴, написанная им уже намного позднее в статье, посвященной войне 1877–1878 гг.,

---

⁹² См. например: *Миллер О.Ф.* Старая рознь. С. 1–5; *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2 С. 108; *Аксаков И.С.* Собр. соч. Т. 1. С. 41–42, 135; *Ламанский В.И.* Три мира... С. 98; *Погодин М.П.* Собрание статей... С. 15.

⁹³ *Никитин С. С.* Очерки... С. 196.

⁹⁴ *Данилевский Н.Я.* Чего мы вправе... С. 60.

подразумевала, что все разумные территориальные претензии уже существовавших на тот момент стран и будущих должны будут удовлетворяться. Делая столь широкий жест, он не замечал, что, например, воображаемые карты Великой Сербии, Великой Болгарии, Великой Греции частично накладывались друг на друга, угодить в такой ситуации всем было довольно сложно, если не сказать, невозможно.

Данилевский рассчитывал избежать раздоров между славянами, греками, румынами, мадьярами благодаря разумному устройству Славянской федерации. Он бережно выверял баланс сил внутри будущего союза, что, по его мнению, должно было помешать частным интересам испортить все дело. Автор «России и Европы» со всей свойственной ему скрупулезностью определил состав политических единиц, которые войдут в федерацию. Все они должны быть примерно сопоставимы по численности населения, по территории, и достаточно крупны⁹⁵.

Федерацию должны были составить: Русская империя с присоединением Галиции и угорской Руси, королевство Чехо-Мораво-Словацкое, королевство Сербо-Хорвато-Словенское, королевство Болгарское, королевство Румынское, королевство Эллинское, королевство Мадыарское и Цареградский округ⁹⁶. В целом следует отметить, что критерием деления Данилевский избрал, прежде всего, этнографический принцип. Однако он далеко не всегда его соблюдал, так например, в Сербо-Хорвато-Словенское королевство вошли словенцы, которых вряд ли можно назвать ближайшим родственным сербам народом. Также не вошел в Эллинское королевство Цареградский округ, хотя большинство его населения составляют греки.

⁹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 375.

⁹⁶ Там же. 375–376.

К последним у автора «России и Европы» двойственное отношение. С одной стороны, на него повлияли взгляды южной общественности относительно общности интересов славян и греков, не могла на него не оказать воздействие и точка зрения Гильфердинга, который писал о том же⁹⁷. Но с другой, — публицистика И.С. Аксакова пестрела высказываниями относительно того, что греки еще хуже турок⁹⁸.

Для Данилевского греки — это народ, пропитанный славянскими элементами, родственный по вере. Более того, он, ссылаясь на гипотезу немецкого историка Фальмерайера, писал, что в современных греках течет кровь славянских варваров, а не сынов Древней Эллады⁹⁹. И в тоже время, автор «России и Европы» довольно резко отзывался о «Греческом проекте», выдвинутом Екатериной II. Он представлял собою идею создания Дакийского государства, которое в случае раздела турецких земель превратилось бы в Греческую империю, независимую от России. Реализовать его из-за противодействия Австрии и Пруссии императрице так и не удалось. Для Данилевского данный проект решения Восточного вопроса, предполагавшего возрождение Греческой Византийской империи, был неприемлем. По его мнению, на Балканском полуострове появилась бы новая Австрия, в которой греческий элемент играл роль подобную роли немецкого в монархии Габсбургов¹⁰⁰. Подобные параллели не случайно появились в книге, это прямая реакция Данилевского на публикации И.С. Аксакова. Но в момент написания «России и Европы», все же для ее автора было важным не раздува-

⁹⁷ Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 150. *Он же*. Взгляд константинопольского грека... С. 13–14.

⁹⁸ См. например: Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 113, 142, 147; Т. 5. С. 94.

⁹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 317.

¹⁰⁰ Там же. С. 313–314.

ние конфликтов между греческим и славянскими народами, а утверждение их единства.

Тут следует отметить, что Данилевский, указывая на необходимость создания Славянской федерации, имел в виду не одну абстрактную пользу для всего славянства вообще, но и частные выгоды отдельных народов. Их перечислению он посвятил не одну страницу.

Относительно Греции он писал, что ни почвенные, ни топографические условия не позволяют ей сделаться государством земледельческим или промышленным. И лишь торговля и по природным наклонностям греческого племени, и по долгой привычке, и по местным условиям должна служить основанием процветания этого государства. Но широкая торговля требует охраны. Греция не может ее обеспечить, зато это могут сделать общие силы Славяно-греческого союза¹⁰¹.

Но по прошествии десяти лет отношение Данилевского к грекам изменилось. В начале войны с Турцией в 1877 г. он пишет статью «Чего мы в праве благоразумно ожидать от исхода настоящей войны», где довольно резко отзывается о греках, требующих чтобы другие для них «таскали каштаны из печки». Не обошел он язвительными замечаниями и их дружбу с Англией. Но в целом, он, по-прежнему, верил в возможность создания Славяно-греческого союза, если сама Греция этого захочет¹⁰². Однако уже после Берлинского конгресса, мыслитель писал о прямой враждебности греков¹⁰³.

Еще одним неславянским элементом в составе будущей федерации должны были стать румыны. К ним Данилевский относился вполне благосклонно, так как для него этот народ, хоть и не состоял в кровном родстве со славянами, но был связан с ними одной верою и общей исторической судьбой. Мыслитель был уверен,

---

¹⁰¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 388–389.

¹⁰² *Он же.* Чего мы в праве... С. 61–62.

¹⁰³ *Он же.* Горе победителям! С. 185.

что целостности этот народ может достигнуть лишь при содействии России. Которая так же защитит его и от честолюбия мадьяр, и от «галломанства их жалкой интеллигенции»¹⁰⁴. Со временем он не изменил своего отношения к румынам. Более того, Данилевский в статье 1877 г. писал, что Румыния должна сделаться первым звеном будущего восточного христианского союза¹⁰⁵. Единственное за что, он беспокоился — это за объявление Румынии нейтральной страной. Так как по его мнению, нейтральными, то есть осужденными на политическую бездеятельность, могут быть только дипломатически, а не исторически созданные государства, которым не соответствует определенная народность¹⁰⁶. Примером того, как трепетно мыслитель относился к интересам будущей участницы Славянской федерации, могут служить его переживания относительно возвращения полосы Бессарабии России, населенной румынами, что он считал несправедливым¹⁰⁷.

Совсем иное отношение Данилевского к мадьярам или венграм. Представители русской общественности, интересовавшиеся славянским вопросом, много писали об этом народе. Он, наряду с немцами, воспринимался ими как угнетатель славянства. Особенно негативно в связи с этим было встречено известие об образовании Австро-Венгрии в 1867 г. Так, например, И.С. Аксаков писал о «торжестве мадьярского племени», столь опасного и вредного для славян¹⁰⁸. О венграх как о верных союзниках немцев по ассимиляции славянских народов также писали, и М.П. Погодин, и В.И. Ламанский, и Р.А. Фадеев¹⁰⁹.

---

¹⁰⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 392.

¹⁰⁵ Он же. Чего мы в праве... С. 57.

¹⁰⁶ Там же. С. 58.

¹⁰⁷ Он же. Общеевропейские интересы. С. 147–148.

¹⁰⁸ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 131–132, 136, 137, 146.

¹⁰⁹ Погодин М.П. Собрание статей... С. 40, 70; Ламанский В.И. Три мира... С. 101; Фадеев Р.А. Мнение о Восточном вопросе. С. 386.

Автор «России и Европы» будучи настроен враждебно по отношению к мадьярам, попытался найти возможность примирить этот народ со славянами. Он предлагал включить их в состав будущего славянского государства, руководствуясь тем, что, растворившись в массе славянства, венгры не смогут причинить вреда¹¹⁰. Данилевский был уверен, что раз они вторглись в славянские земли, получили в них «ничем не оправданное господство», должны разделить и исторические судьбы «великого племени». Естественно, автор «России и Европы» отдавал себе отчет, что перспектива подобного союза, «полагающего предел венгерскому честолюбию», не может им представляться в радужном свете. Однако он полагал, что и этот народ может найти в федерации «удовлетворение своим законным стремлениям»¹¹¹. Данилевский, правда, не расшифровывал, что он понимает под «законными стремлениями». В этом вопросе точка зрения автора «России и Европы» вполне сопоставима с позицией Гильфердинга, упрекавшего венгров за их нетерпимость, но вместе с тем выражавшего надежду, что они вспомнят свои «мудрые» отношения со славянами и исправят свои ошибки¹¹².

Особое внимание Данилевский уделил болгаро-сербским разногласиям, о которых писалось много и до и после него М.П. Погодиным, О.Ф. Миллером, И.С. Аксаковым¹¹³. Как правило, все эти авторы обвиняли именно сербов в непомерном честолюбии. Поминал его недобрым словом и Данилевский, но он был убежден, что, войдя в состав федерации, этот народ обратит свои усилия в нужное направление: займется возвращением земель, населенных этническими сербами и оставит в

¹¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 353.

¹¹¹ Там же. С. 392.

¹¹² Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 135, 144.

¹¹³ Погодин М.П. Собрание статей... С. 15; Миллер О.Ф. Старая рознь. С. 1–5; Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 23.

покое Болгарию¹¹⁴. Таким образом, во вхождении этих народов в Славянский союз автор «России и Европы» видел единственный способ их мирного сосуществования.

В свою очередь, болгары, по его мнению, даже больше других славянских народов нуждаются в федерации, так как у них не сохранилось «предание о государственности», следовательно, они нуждаются в присмотре России, под крылом которой у них разовьется «правильное понятие» о государственных институтах¹¹⁵. Данилевского особо пугала возможность заимствования «мертвенной формальности» (например, конституции), несвязанной с народным началом, которое превышает всего для автора «России и Европы». О подобной проблеме только относительно сербов писали в свое время славянофилы. Желая оградить этот народ от «непоправимых ошибок», А.С. Хомяков составил «Послание Сербам», переведенное А.Ф. Гильфердингом на сербский язык и опубликованное на двух языках (русском и сербском) в Лейпциге в 1859 г. Хомяков предостерегал сербов, прежде всего, от заимствования государственных институтов с Запада¹¹⁶. Об этом же, как о свершившемся факте, писал В.И. Ламанский в 1864 г.¹¹⁷

В независимости от того, был ли Данилевский знаком или нет с этими работами, скорее всего, ученый имел прекрасное представление о проблемах, изложенных в них. Поскольку в панславистской публицистике этот вопрос поднимался неоднократно. Идеино он был связан со спорами о возможности заимствования опыта с Запада для преобразования российской действительности. Автор «России и Европы» такую возможность

---

¹¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 375, 391.

¹¹⁵ Там же. С. 390–391.

¹¹⁶ Хомяков А.С. Собр. соч. Т. 1. С. 389.

¹¹⁷ Ламанский В.И. Сербия и южно-славянские провинции. С. 6–12.

отрицал. Соответственно, по его мнению, это было неприемлемо и для будущих славянских государств (в данном случае для Болгарии). И тут он несколько опередил И.С. Аксакова и О.Ф. Миллера, которые лишь в начале 1880-х гг. заговорили о «неблагодарности» Болгарии, ориентировавшейся в своей политике не на Россию, освободившую ее, а на Запад¹¹⁸.

Трения, возникавшие между сербами и болгарами, не переставали тревожить Данилевского и во время войны 1877–1878 гг. Но он оставался верен себе и по-прежнему утверждал, что все славяне сослужили службу «идеи всеславянства», а, значит, все имеют право на вознаграждение. Вычисляя, что должны получить славянские народы после окончания этой войны, он пишет о мученичестве болгар и необходимости дарования им независимости, но не решается определить, где точно будет проходить южная граница этого государства, то есть другими словами, где оно будет граничить с сербами. Последних, мыслитель тоже боялся обидеть¹¹⁹.

Однако его пугало не только честолюбие сербов, но и чехов. О данной проблеме также вскользь писали А.Ф. Гильфердинг и М.П. Погодин¹²⁰. Данилевский подробно не разбирал этот вопрос. Для автора «России и Европы» Чехия — это, прежде всего, «передовой бастион» славян на границе германо-романской цивилизации и только с помощью объединенных сил родственных ей народов она сможет отстоять свою независимость¹²¹. Поскольку Чехия в свое время была одним из курфюршеств Священной Римской империи, поэтому немцы, по мнению ученого, никогда не откажутся от этой земли, если не будут принуждены силой¹²².

¹¹⁸ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 329; Миллер О.Ф. Старая рознь. С. 4.

¹¹⁹ Данилевский Н.Я. Чего мы в праве... С. 59–60.

¹²⁰ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 85; Погодин М.П. Собрание статей... С. 15.

¹²¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 391.

¹²² Там же. С. 348.

Данилевский полагал, что чехи, хотя и находились в непосредственной близости от германо-романского мира, не перестали осознавать себя славянами. Свидетельством этого, по его мнению, было движение под предводительством Гуса, которое автор «России и Европы» превозносил. Он был убежден, что православие жило в чехах дольше, чем в других западных славянах. Гус же, в свою очередь, своею деятельностью закалил подавленные «народные начала»¹²³. И тут следует отметить принципиальное отличие трактовки деятельности Гуса Данилевским от общепринятой в русском обществе. Автор «России и Европы» хотя и называл этого чешского деятеля защитником православия, в первую очередь, акцентировал внимание читателя на его фигуре, как человеку пытавшемся возродить утерянную его предками государственность¹²⁴. Для М.Н. Погодина, И.С. Аксакова, А.Ф. Гильфердинга он был, прежде всего, религиозным деятелем¹²⁵. А.Н. Пыпин, безусловно, согласный с этим, усматривал и другую составляющую его деятельности — оппозицию немецкому влиянию¹²⁶.

Затрагивал Данилевский в своей книге и Польский вопрос, который был весьма болезненной темой в 60-е гг. XIX в. Не успела Россия оправиться после Крымской войны 1853–1856 гг., европейские страны и, в первую очередь, Франция и Англия, попытались разжечь новую войну, в качестве предлога используя Польское восстание 1863–1864 гг.¹²⁷ Мало заботясь о судьбе польского народа, западные правительства стремились воспользоваться восстанием для борьбы с объективно слабой в тот момент Россией. Стараниями А.М. Горчакова дан-

¹²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 303–304.

¹²⁴ Там же. С. 466.

¹²⁵ Погодин М.П. Собрание статей... С. 141–142; Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 314; Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 85.

¹²⁶ Пыпин А.Н. Панславизм... С. 33.

¹²⁷ Нарочинская Л.И. Россия и войны Пруссии. С. 23.

ная попытка была пресечена, но эти события вызвали большой резонанс в русском обществе. Обсуждение Польского вопроса вышло на первый план во всех периодических изданиях.

Не мог обойти эту проблему стороной и Данилевский. Поляки были, пожалуй, единственным славянским народом, вызывавшим у него сильное раздражение. По его мнению, они не только бесполезный член славянской семьи, но прямо враждебны ей¹²⁸. Однако он все же желал бы и их видеть в лоне Славянской федерации. Дело в том, что для автора «России и Европы» очень важно было единство всего многообразия оттенков народных характеров славян. Чем больше разнообразие, тем больше плодов принесет новый культурно-исторический тип. Ради него он готов даже простить «испорченных» поляков, полностью отрекшихся от славянства, ведь без поляков потеряется одна из неповторимых черт славянского характера¹²⁹. Но как совместить то, что, с одной стороны, этот народ «своими повторными безумствами» (Польские восстания 1830–1831, 1863–1864 гг. А.Х.) стал неизлечимым больным, пагубно воздействующим на здоровье русского государства, по мнению Данилевского, а с другой, – он часть славянской семьи, интересы которой для автора «России и Европы» превыше всего.

Мыслитель нашел следующий выход. То, что ненавистно в польском характере, никак не связано со славянскими корнями этого народа. По мнению Данилевского, это ничто иное, как извращение народного начала заимствованиями с Запада, то есть та же самая болезнь «европейничанья», поразившая польскую интеллигенцию¹³⁰. Мысль эта становится отправной точкой его рассуждений.

---

¹²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 304.

¹²⁹ Там же. С. 380.

¹³⁰ Там же. С. 380–381.

Он видел три возможные пути решения этого вопроса. Даровать Польше политическую независимость, разумеется, той ее части, где большинство населения составляли сами поляки, или оставить все как есть, или, наконец, включить ее в состав Славянской федерации. Первый вариант, по его убеждению, ничего не решит, так как это вновь созданное государство будет гнездом заговоров против славянства, поскольку испорченная польская интеллигенция является хорошей почвой для европейских интриг. Второй путь увековечит «язву» внутри русского государственного организма. Наконец, о третьем варианте Данилевский вообще ничего определенного не говорил, ограничиваясь общими фразами о том, что если русское правительство будет действовать правильно, и поляки из врагов превратятся в друзей, то их вхождение в союз будет желательно¹³¹. Кроме того, перечисляя состав будущего греко-славянского союза, Польшу он не упоминал.

Рассуждая о реформе 1861 г., Данилевский все же высказался более определенно относительно польского вопроса. По его мнению, Великая реформа разрешила польскую часть Восточного вопроса в пользу славянства. «Крестьянский надел» — это нравственная сила. Она то и умиротворила Польшу, превратив всю ее массу народонаселения в преданных России поданных, от нее лишь чающих спасения и устройства своего благосостояния¹³².

Подобная трактовка Данилевским Польского вопроса не оригинальна. Сходные идеи можно найти и у А.Ф. Гильфердинга. Последний еще в начале 1860-х гг. писал, что плохи не сами поляки, а их интеллигенция¹³³. Он полагал, что поляки стоят одиноко в славянском ми-

---

¹³¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 378–380.

¹³² Там же. С. 451.

¹³³ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 6.

ре, но, тем не менее, другие славяне желают, чтобы они присоединились к их стремлениям, но пока не могут им сочувствовать. Если же они, наконец, осознают свою важность в славянском мире, но не как старейшины или распорядительницы, а как равноправного члена, то будут радостно встречены¹³⁴. Решение же Польского вопроса он видел в проведении радикальной крестьянской реформы в Польше, которая должна была ослабить экономическую мощь шляхты и укрепить здоровые силы — простой народ. После чего все искажения польской жизни сами собою исчезнут¹³⁵.

Схожие мысли можно найти и в статьях М.П. Погодина, посвященных польскому вопросу написанных в 1860-х гг. На протяжении многих лет он интересовался этой проблемой. Но если в 30-х гг. XIX в. историк предлагал «ласкать» честолюбие поляков, покровительствуя их языку, литературе, истории¹³⁶, то в 1850-х гг. писал, что во имя Славянского союза Россия должна отказаться от Польши¹³⁷, в свою очередь, в середине 1860-х гг. он, подобно Гильфердингу, полагал, что «нынешняя шляхта» должна погибнуть, а новая Польша с освобожденным крестьянством должна начать новую жизнь в соединении с Россией¹³⁸.

М.Н. Катков, хотя и писал необходимости применения к Польши строгих или даже суровых мер¹³⁹, решение проблемы видел не только в «кнуте», но и в «прянике». Он предлагал воспользоваться враждой крестьян к панам и провести в Польше реформы¹⁴⁰.

---

¹³⁴ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 68, 71.

¹³⁵ Там же. С. 332.

¹³⁶ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 29.

¹³⁷ Там же. С. 36–38, 54.

¹³⁸ Там же. С. VI, 235, 240.

¹³⁹ Московские ведомости. 1863, №128.

¹⁴⁰ Там же. 1863, №195.

Таким образом, можно сказать, что Данилевский принял точку зрения, господствовавшую в определенных кругах. В статьях, написанных уже после «России и Европы», видно некоторое разочарование их автора в возможности исправления поляков. Так, например, он писал, что полякам нужна не свобода, а господство, так как они привыкли жить за чужой счет¹⁴¹. Что созвучно с мыслью М.П. Погодина, считавшего, что причина ненависти поляков — их желание быть нашими господами¹⁴².

Данилевский как в «России и Европе», так и в более поздних своих статьях не мог или не хотел взглянуть на Польский вопрос во всей его полноте. Он, подобно А.Ф. Гильфердингу, М.П. Погодину, М.Н. Каткову, видел социальные проблемы в польском обществе и через их решение, не без основания, надеялся разрешить и национальный вопрос. Провозглашая принцип национальности главным мерилom внутренней и внешней политики государства, мыслитель отказывался видеть в волнении поляков то самое «национальное». Чем его точка зрения резко отлична от позиции, например, И.С. Аксакова. Редактор «Дня» исходил из воззрений А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, которые в борьбе России и Польши видели результат противоположности двух миров, русского и европейского, двух религий, православия и католичества, двух общественных начал, демократии («народности») и аристократии¹⁴³. Будучи сторонником самобытного развития каждой народности, Аксаков видел только один способ решения проблемы — дарование независимости Польши. Однако он, как и Данилевский, выступал против восстановления

---

¹⁴¹ Данилевский Н.Я. Общеввропейские интересы. С. 163. *Он же*. Горе победителям! С. 186.

¹⁴² Погодин М.П. Собрание статей... С. 25.

¹⁴³ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 108. Далее Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков...

ее в границах 1772 г.¹⁴⁴ Публицист боялся распространения революции из Польши на русские земли, и в этом его позиция схожа с точкой зрения автора «России и Европы», но, в целом, они давали совершенно разные трактовки этой проблемы, причем Аксаков был куда ближе к истине.

Итак, с Польшей или без нее греко-славянский союз должен был победить разногласия внутри славянского мира и защитить народы, его составляющие, от пагубного влияния германо-романского мира.

Ощущение единства, родства будет усиливаться внутри федерации постепенно. Трудно представить, что человек будет жить ради борьбы, тут нужна непреходящая ценность. И ею, по мнению Данилевского, является Царьград. Этот город в его историсофии имеет особое значение. Автор «России и Европы» полагал, что если *«для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»*, то Царьград являет собой как бы физическое воплощение этой идеи¹⁴⁵.

Его образ нарисован у Данилевского двояко. С одной стороны, «это город не прошедшего только, не жалкого настоящего, но и будущего, которому, как Фениксу, суждено возродиться из пепла все в новом и новом величии. Он и носит поэтому четыре названия, каждое из которых соответствует особому фазису в его развитии,

¹⁴⁴ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 2. С. 195.

¹⁴⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 128.

особому отделу в его исторических судьбах»¹⁴⁶. С другой стороны, этот город обладает географическими преимуществами, топографическими удобствами, стратегическим положением, прелестным климатом¹⁴⁷. Обладание им имеет как моральное значение, так и практическое. Описание Константинополя у Данилевского, более чем поэтично, но в конкретных своих рекомендациях автор эмоций не допускает, чем выгодно отличается от своего оппонента П.Н. Милюкова, обвинявшего в связи с этим автора «России и Европы» в двуличности¹⁴⁸.

Россия была единственным славянским государством, обладавшим полной независимостью на момент написания книги, кроме того, она одна из сильнейших стран мира и вполне могла побороться, по мнению Данилевского, за этот овеянный легендами город. Однако он также считал, что необходимо просчитать каждый шаг. Им было вычислено четыре «почему» Россия выиграла бы от присоединения этого города:

1. Присоединение Константинополя обезопасит южную границу России¹⁴⁹.

2. Концентрируется в одной точке пограничная линия¹⁵⁰.

3. Черное море превратится в безопасный морской лагерь для российского флота¹⁵¹.

4. Россия станет обладательницей высокого морального авторитета и связанного с ним огромного влияния на Востоке¹⁵².

---

¹⁴⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 356.

¹⁴⁷ Там же. С. 354.

¹⁴⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 270.

¹⁴⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 364–365.

¹⁵⁰ Там же. С. 365.

¹⁵¹ Там же. С. 369.

¹⁵² Там же. С. 370.

Все эти огромные плюсы в сумме оказались слабее двух минусов, которые объясняются особой исторической судьбой Константинополя. По мнению Данилевского, «некоторые города, хотя и низверженные с пьедестала своего прежнего величия, суть представители такой великой властительной идеи, имеют такое царственное значение, что при всех переменах своей исторической судьбы они должны занять первое место в том государстве, в состав которого входят, — непременно делаются или остаются его столицею»¹⁵³. Следовательно, Константинополь должен стать столицей Российской Империи, но «столица, лежащая не только не в центре, но даже вне территории государства, не может не произвести замешательства в отправлении государственной и народной жизни, не произвести уродства неправильным отклонением жизненных физических и духовных соков в политическом организме»¹⁵⁴. В то же время, это будет нарушением справедливости по отношению к остальным славянским государствам, вследствие чего исказится идея Славянской федерации¹⁵⁵, а ведь она стояла для Данилевского на втором месте после Бога.

Он настолько бережно выверял баланс сил внутри будущего союза, что не мог позволить частным российским интересам испортить все дело. В этом смысле размеры и огромная мощь не давала, по мнению мыслителя, России никаких преимуществ, наоборот, она накладывала на нее еще большую ответственность. Имея больше возможностей, Россия должна была и больше трудиться в деле создания нового объединенного славянского государства. Таким образом, на примере того, как Данилевский обосновывал невозможность принад-

---

¹⁵³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 370.

¹⁵⁴ Там же. С. 371.

¹⁵⁵ Там же. С. 372.

лежности Царьграда России, хорошо видно какое место он отводил своей стране в славянском мире, которое иначе как служебное не назовешь. Автор «России и Европы» был очень далек от национализма.

Подобное отношение автора «России и Европы» к Константинополю неслучайно. Он находился под впечатлением поэтических образов А.С. Хомякова и Ф.И. Тютчева. Стихотворение последнего он избрал в качестве эпиграфа к главе, посвященной Царьграду:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как Всеславянский Царь!¹⁵⁶

Традиция восприятия этого города как некоего символа величия православного мира, поруганного турками, восходит еще к XVIII в., когда Екатерина II мечтала о водружении православного креста над собором св. Софии. Образ Царьграда из поэзии Тютчева и Хомякова перешел труды А.Ф. Гильфердинга, И.С. Аксакова, О.Ф. Миллера. Аксаков, в частности, в своей публичной речи на заседании Московского Славянского Благотворительного Общества от 5 марта 1878 г. подчеркивал, что Восточный вопрос еще не решен, так как Царьград еще не очищен от азиатской скверны¹⁵⁷.

Автор «России и Европы» не меньше И.С. Аксакова или О.Ф. Миллера переживал, что русские войска не захватили этот город, будучи в нескольких днях пути от него. Но его пугало больше даже не то, что он не был «очищен от азиатской скверны», а то, что он может перестать быть Стамбулом и при этом не стать Царьградом. Данилевский выступал, прежде всего, против ней-

¹⁵⁶ Тютчев Ф.И. Пророчество // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1980. С. 115.

¹⁵⁷ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 281.

трализации Константинополя, которая, по его мнению, неизбежно повлечет за собою и открытие проливов для свободного плавания, что ослабит обороноспособность России.

Он остался верен принципу, провозглашенному им еще в «России и Европе», что объединенной Европе может противостоять только объединенное славянство, но о последнем можно было только мечтать в конце 1870-х гг., соответственно силы пока не равны. Более того, ученый считал, что все «ненациональное» не имеет право на существование в политическом мире¹⁵⁸.

По мнению Данилевского, в Константинополь, лишенный надзора, ринутся толпы разного рода проповедников католицизма, протестантизма, революционно-социалистических учений и тому подобное, которым русское правительство не сможет противостоять¹⁵⁹. В связи с этим им поднималась проблема влияния пропаганды на общественное мнение. И тут его точка зрения относительно этого вопроса отлична от позиции, занятой им в «России и Европе», где он утверждал, что влияние на публику имеют лишь те издания, которые исповедует согласные с ней мнения¹⁶⁰. Десятью годами позже Николай Яковлевич был уже убежден, что из любой правды можно при желании сделать кривду, и если по горячим следам этому никто не поверит, то со временем искусная ложь сделает свое дело. «И если сейчас уже раздаются отдельные голоса в пользу нейтрализации Константинополя, то впоследствии все будут уверены в необходимости подобной меры»¹⁶¹.

Проблему усиления западного влияния в европейской части Турции поднимал не только Данилевский. И тому были объективные причины. После Крымской

¹⁵⁸ Данилевский Н.Я. Константинополь. С. 100.

¹⁵⁹ Там же. С. 102–103.

¹⁶⁰ *Он же*. Россия и Европа. С. 273.

¹⁶¹ *Он же*. Константинополь. С. 104–105.

войны усилился процесс экономического и политического подчинения Турции западным державам, прежде всего, Англии и Франции. Кризис Османской империи, ее военно-политическая слабость позволили им, по существу, взять в свои руки все рычаги управления на Ближнем Востоке¹⁶². Что, естественно, ослабляло позиции России. Это вызывало обоснованную тревогу русской общественности. Так, например, И.С. Аксаков в деятельности различного рода проповедников на Балканском полуострове усматривал не только посягательство на православие, но и желание европейских правительств через них вести политическую пропаганду, отворачивая «бедных райев» от России¹⁶³. Этой же проблеме посвятил свою работу «Взгляд константинопольского грека на Болгар и критские дела» А.Ф. Гильфердинг¹⁶⁴.

Итак, будучи свободным городом, по мнению Данилевского, Константинополь станет центром интриг, враждебной пропаганды и заговоров против славянства. Но это еще не единственная беда. Подобный статус повлечет еще возникновение свободной торговли в этом регионе, которая не отягощенная никакими запретами, даст огромные прибыли, при нравственной развращенности это превратит город в приют всех человеческих пороков¹⁶⁵.

Если в «России и Европе» Константинополь изображался как святой город для всего греко-славянского мира, то в статье 1877 г. вид его настолько непригляден, что вряд ли может вызывать симпатию. Наличие в работах Данилевского взаимоисключающих образов было неслучайным. Он попытался проиллюстрировать на данном примере принцип национальности политических явлений. Один и тот же город при двух различных

¹⁶² Восточный вопрос... С. 34, 155, 159.

¹⁶³ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 108.

¹⁶⁴ Гильфердинг А.Ф. Взгляд константинопольского грека... С. 1–14.

¹⁶⁵ Данилевский Н.Я. Константинополь. С. 106.

вариантах возможного развития событий полностью менял свой характер. Как столица славянства он чист и прекрасен, как нейтральный город полон разврата. Подобное противопоставление необходимо было мыслителю для проведения четкой грани между тем, что «хорошо» для славянства и тем, что «плохо». Он имел четкие представления об этом и желал, чтобы и другие их имели. И если идеал не пленяет, должен испугать «антиидеал».

Данилевский, по-прежнему, был уверен в правильности своих прогнозов относительно будущего славянства, но в отличие от времени написания «России и Европы», отчасти это будущее решалось в тот конкретный момент, когда писался цикл статей, посвященных войне за Болгарию. Данилевский больше всего боялся, что события пойдут по «ложному пути», поэтому им были употреблены все силы, чтобы показать все пагубные последствия ошибочных действий. Он, как и прежде, был убежден, что Константинополь, дабы начать новую жизнь, должен преобразиться в Царьград – столицу свободного славянства¹⁶⁶. Ученый был также уверен, что война 1877–1878 гг. не кончится созданием Славянской федерации. Большинство народов, которые должны в нее войти, даже при благоприятном стечении обстоятельств не получат политической независимости. Поэтому ему виделось лишь временное решение проблемы – провозглашение протектората над Константинополем на тех же принципах, что и протекторат англичан над Ионическими островами. По его мнению, это не повлечет пагубных последствий для России, о которых он писал в своей книге дестью годами ранее, и, в тоже время, сохранит город от чуждых влияний¹⁶⁷.

---

¹⁶⁶ Данилевский Н.Я. Константинополь. С. 107.

¹⁶⁷ Там же. С. 113.

Для Данилевского не менее важно было и стратегическое положение Константинополя. Поднимая проблему проливов, автор «России и Европы» мыслил также вполне традиционно. Повышенный интерес русского правительства к этому вопросу был вполне естественен, так как безопасность России как Черноморской державы зависела от режима проливов¹⁶⁸. Данилевский просто не мог упустить этого из виду. И тут он мыслил логически, не позволяя эмоциям взять верх.

В статьях, опубликованных уже после «России и Европы», ее автор еще больше уделял внимания чисто практическим аспектам. Образ Царьграда как символа величия греко-славянского мира отошел на второй план, на первый же вышла проблема проливов. О них Данилевский в своих работах писал очень и очень много, видимо, полагая, что время требует от него более подробного комментария данного вопроса. Как известно, проблема проливов в разное время приобретала различное решение, но всегда ее обсуждение было связано с обострением международной обстановки в Европе и на ближнем Востоке¹⁶⁹.

Крымская война 1856 г. и война 1877–1878 гг. как раз и были теми самыми обострениями международной обстановки. Но если проигрыш России в первой повлек за собою нейтрализацию Черного моря, то победа во второй вызывала у Данилевского, как впрочем, и всей русской общественности, надежды на установление более благоприятного режима проливов. Для него величайшим ударом стал тот факт, что несколько дней пути отделяли русские войска от Константинополя, но он не был взят. Данилевский корил русское правительство за мягкость, не позволившую удовлетворить самое «естественное право» России — право на свободный про-

---

¹⁶⁸ Кинятина Н. С. Балканы и проливы... С. 3.

¹⁶⁹ Там же. С. 172.

ход ее военного флота через проливы¹⁷⁰. Уже после конгресса в Берлине раздражение мыслителя возросло еще больше. Все его многочисленные построения сводились к одному утверждению, что договор надо было брать силой¹⁷¹. Более того, его не удовлетворяли не только результаты конгресса, он был убежден, что условия Сан-Стефанского мира также пагубны для славянского дела. Для него этот мирный договор ничто иное, как первый набросок раздела Турции. Но это как раз та комбинация, которой Россия, по его мнению, всячески должна противиться. Так как часть земель в этом случае неизбежно отойдет врагам славянства, европейским державам и, прежде всего, Австрии, чего особенно боялся Данилевский¹⁷². Он даже был согласен с тем, что лучше пусть призрак Османской империи существует, пока Россия не в состоянии освободить всю ее европейскую часть, создав Всеславянскую федерацию¹⁷³.

Еще в начале войны 1877–1878 г. Данилевский написал статью, посвященную проблеме проливов. В частности, он негодовал на «некоторых», кто хотел бы видеть их или нейтральными, или открытыми для свободного плаванья¹⁷⁴. По его мнению, ни то, ни другое не обеспечивает безопасность России. Сам же ученый считал выгодным лишь такое положение вещей, когда «ключ от ворот в наш дом» будет у нас в кармане¹⁷⁵. Он полагал, что окончательное решение этого вопроса вряд ли возможно в ближайшем будущем, так как предполагает уничтожение Турции и переход проливов во

---

¹⁷⁰ Данилевский Н.Я. *Общеввропейские интересы*. С. 172–173.

¹⁷¹ *Он же*. *Горе победителям!* С. 188.

¹⁷² Там же. С. 189–190.

¹⁷³ Данилевский Н.Я. *Константинополь*. С. 115.

¹⁷⁴ Например, на нейтрализации Проливов настаивал военный министр Д.А. Милютин. См. подробнее: *Княгиня Н.С.* Балканы и Проливы. С. 16–17.

¹⁷⁵ Данилевский Н.Я. *Проливы*. С. 85.

владение Всеславянской федерации. Правда, Данилевский видел временный вариант разрешения проблемы, который считал вполне достижимым в ходе войны за Болгарию. Он предлагал захват русскими войсками проливов и провозглашения протектората над ними¹⁷⁶. А если и этого не удастся достигнуть, то берега Босфора и Дарданелл необходимо оставить во власти Турции, но при этом добиться, чтобы лишь военным кораблям России разрешено было проходить через них¹⁷⁷.

Данилевский всячески отрицал право европейских держав вмешиваться в решение этого вопроса. Он указывал, что Англия ни с кем не советуется, защищая проходы в Индию. Интересы ее в Малой Азии весьма призрачны, поэтому она не имеет естественного права принимать участие в решении Восточного вопроса¹⁷⁸. Подобное утверждение было в корне неверно, после Крымской войны процесс экономического подчинения Турции Англии и Франции значительно усилился¹⁷⁹. В данном случае, Данилевский абсолютно не видел или не хотел видеть реалии международной политики, утверждение об отсутствии интереса Британской империи в средиземноморском регионе звучали просто наивно. По-видимому, подобная близорукость мыслителя была вызвана его глубокой убежденностью, что действия европейских держав — это проявление природной ненависти германо-романского типа, которую никакими уступками не погасить¹⁸⁰.

Вообще же его тон в статьях 1877–1878 гг. значительно более резкий, чем в «России и Европе», где он много писал о борьбе как некоем противоборстве старого и нового миров, но никаких конкретных рекомендаций что,

---

¹⁷⁶ Данилевский Н.Я. Проливы. С. 113.

¹⁷⁷ Там же. С. 93.

¹⁷⁸ Данилевский Н.Я. Общеевропейские интересы. С. 150–151.

¹⁷⁹ Восточный вопрос... С. 155.

¹⁸⁰ Данилевский Н.Я. Общеевропейские интересы. С. 176.

как и когда необходимо делать русскому правительству не давал. Из его рассуждений выходило, что Австрия как искусственное государственное образование распадется сама собою, Турция же тоже обречена, его тогда больше волновала необходимость собрать осколки двух империй воедино. Теперь же он уверился в необходимости серьезных военных усилий для достижения единства славян. В своих статьях мыслитель не просто писал о необходимости борьбы, он просчитывал каждый шаг, который надо было сделать русскому войску. И здесь Данилевский признавал только «обаяние силы». Лишь оно, по его мнению, могло изменить ситуацию к лучшему, и как раз ее и не хватало русскому правительству, на которое он и обрушивался с резкой критикой.

Свою статью «Константинополь» ученый завершает пессимистичным выводом, что вряд ли будет объявлен протекторат России над Константинополем, а коли так, пусть он принадлежит туркам, раз не может принадлежать славянству¹⁸¹. Это свидетельствует о его глубоком разочаровании в происходящем, которое, в свою очередь, перешло в раздражение после Берлинского конгресса, излитое им в статье «Горе победителям!». В самом названии работы видна горькая ирония. По сути, она вся была посвящена единственной цели – доказать правительству, что не применив силу, оно проиграло дело. Все его многостраничные построения сводятся к констатации двух ошибок. Первая – русские войска не заняли Галлипольского перешейка и Босфора, вторая – заключили прелиминарный мир¹⁸². Он убежден, что если бы проливы оказались в руках русской армии, даже война с Англией была бы не страшна, так как Россия создала бы такой бастион, который даже ей не преодолеть. Вместо же предварительного мирного договора,

---

¹⁸¹ Данилевский Н.Я. Константинополь. С. 115.

¹⁸² *Он же.* Горе победителям! С. 191.

по его мнению, надо было подписывать военное перемирие. В результате на конгресс русские дипломаты пришли бы не просителями, а победителями, занявшими все «стратегические высоты». Тут Данилевский еще раз повторил свою мысль из более ранних статей, что «обаяние силы» решает все, он абсолютно отрицал какую-либо роль дипломатии в решении проблемы. Им абсолютно игнорировалась международная обстановка. И тут он был вполне солидарен с довольно значительной частью русского общества, выражавшей недовольство по поводу пересмотра Сан-Стефанского договора. Удар был тем более ощутим, так как перед международным конгрессом большинство задавалось вопросами: «Быть или не быть России великой, могучей, самостоятельной державой? Быть ли ей естественной покровительницей единоплеменных и единоверных народностей, закабаленных чужеземному игу? Упрочить ли свое положение в бассейне Черного моря настолько, чтобы быть спокойным за экономическую будущность всего юга?»¹⁸³ И когда события, по существу, ответили «не быть» — это вызвало всеобщее разочарование.

Подведем некоторые итоги. Создание Славянской федерации, по мнению Данилевского, это то, к чему должен стремиться каждый славянин. С годами его высказывания приобрели более резкий оттенок, но в главном позиция ученого осталась прежней. Греко-славянский союз — это естественный результат развития всемирно-исторического процесса, его создание сохранит славян и связанные с ними исторической судьбой народы как «положительных деятелей человечества». Автор «России и Европы» не просто писал о какой-то метафизической близости этих народов, он создал ясный в своих очертаниях проект будущего государства. Оно долж-

---

¹⁸³ Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество. С. 173–174.

но было представлять собою федерацию народов во главе с Россией, где лишь внешняя политика должна была вестись сообща, все же, что касается внутренних проблем участниц союза, это уже было их частным делом. В федерацию должны были войти и неславянские народы: мадьяры, греки, румыны, так как они тесно связаны со славянским миром. Столицей же государства должен был стать Царьград. Русский язык будет общим для всех участниц союза.

Многие идеи Данилевского, были далеко не оригинальны. Об общности судеб славянских народов много писали и славянофилы, и представители других направлений общественной мысли и до него и одновременно с ним. О Константинополе как о сердце славянского мира также говорилось в определенных кругах очень много. Об обязанности России заботиться о других славянских народах и быть их духовным лидером говорили все интересовавшиеся славянским вопросом. Единственное принципиальное отличие позиции Данилевского — это то, что все в основном говорили об некоем идеальном духовном единстве славянского мира, он же изложил четкую программу достижения **политического единства** греко-славянского мира. Но и тут, к сожалению, его идеи нельзя назвать оригинальными. Дело в том, что М.П. Погодин изложил проект Славянской федерации в своих записках, написанных во время Крымской войны. Впоследствии он не только «позабыл» о нем, но и в своей публицистике 1860–1870-х гг. исповедовал совсем иного рода взгляды, заявляя, что никакого политического панславизма в славянских землях нет, и ни к какой политической независимости эти народы не стремятся¹⁸⁴. И тем не менее, в середине 1850-х гг. историк был совсем иного мнения относительно этого вопроса.

---

¹⁸⁴ Погодин М.П. Собрание статей... С. 50, 119.

Тогда Погодин считал, что наступает время, когда «последние станут первыми», славяне, затертые историей, объединившись с Россией, станут естественной преградой на пути европейского честолюбия. Для этого он предлагал создать союз славянских народов, куда по географическому положению войдут Греция, Венгрия и Румыния. Все вошедшие в это государственное образование народы будут управляться сами собою и лишь в общих делах (оборона) будут прибегать к помощи Константинопольского сейма и русского императора. Русский язык должен сделаться общим для всех внутри союза по естественным законам, так как он включает все наречия и на нем говорит самый многочисленный славянский народ. В конце изложения проекта Погодин торжественно заключил: «Так должно быть — это сила вещей»¹⁸⁵. Мыслитель изложил свой проект на двух листах, Данилевскому же понадобилось для этого несколько сот страниц, и тем не менее, их взгляды на то, как должен быть устроен Славянский союз совпадают вплоть до констатации «естественности» возникновения подобного государства. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что автор «России и Европы» не просто читал работы историка, а взял за образец его проект славянской федерации. Хотя как раз та часть записок, где он излагался, была напечатана впервые в 1874 г. в Собрании сочинений Погодина, однако он утверждал, что еще в годы Крымской войны эти записки имели широкое хождение в рукописном варианте по всей России¹⁸⁶. «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны», были, действительно, прочитаны очень многими, и произвели сильное впечатление на общественность¹⁸⁷. Таким образом, Данилевский вполне мог быть знаком с ними.

¹⁸⁵ Погодин М.П. Собр. соч. Т. 4. М., 1974. С. 119–120.

¹⁸⁶ Там же. С. 3.

¹⁸⁷ Карпачев М.Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки Русской культуры XIX в. Т. 4. М., 2003. С. 201.

Также в заключение хотелось бы отметить, что мыслитель в своих построениях относительно будущего славянства, прежде всего, опирался на идею «братства по крови», а если такого нет, то на братство по вере, если же нет ни первого, ни второго, как в случае мадьяр, то на общность судеб, народов, выпавшим жребий жить в одном регионе. На первое место ставился именно принцип родства по крови. Такой взгляд на данную проблему был общепринят в 60–70-х гг. XIX в., его придерживались в целом все, писавшие о славянах. И тут позиция автора «России и Европы» вполне традиционна, так рассуждали И.С. Аксаков, О.Ф. Миллер, А.Ф. Гильфердинг, В.И. Ламанский, М.П. Погодин, Р.А. Фадеев, С.М. Соловьев, М.Н. Катков, Ф.И. Тютчев, А.Н. Пыпин¹⁸⁸. Но в 80–90-е гг. XIX в. многое изменилось, переменялось и отношение к этому вопросу. Интересно, что и главный противник теории культурно-исторических типов, В.С. Соловьев, и один из ее постоянных защитников, К.Н. Леонтьев, держась практически диаметрально противоположных взглядов, сошлись в одном — «дух сильнее плоти». Из чего первый делал вывод, что славяне, исповедующие католичество, примыкают к западному миру, несмотря на кровное родство и антипатию к немцам, а, значит, скорее, согласятся на онемечивание, чем на слияние с Россией¹⁸⁹. Леонтьев также в сво-

---

¹⁸⁸ Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 149, 151; Этнографическая выставка. С. 342; Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 4, 10; Миллер О.Ф. Славянство и Европа. С. 80, 89, 193, 197; Ламанский В.И. Об историческом изучении... С. 314; Три мира... С. 17; Погодин М.П. Собрание статей... С. 20–21; Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе. С. 371, 397, 408, 434; Соловьев С.М. Об историческом движении русского народонаселения. С. 174; Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 88; Катков М.Н. // Этнографическая выставка. С. 386; Тютчев Ф.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 188–189; Пыпин А.Н. Панславизм... С. 16–18, 53.

¹⁸⁹ Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Сочинения в двух томах. М., 1989. С. 275.

их построениях исходил из того, что дух единоверия, а не дух национальности, созидает¹⁹⁰.

В.С. Соловьев полагал, что вопрос освобождения славян от власти иноплеменников не так важен, так как большая часть этого дела сделана. Жизненный же вопрос состоит в том, как и чем соединить два разрозненных мира греко-славянский и латино-славянский. Он был уверен, что внешнее объединение славянства возможно лишь путем внутреннего соединения тех образующих начал восточного и западного христианства, которые разделились, но по истинному смыслу христианства должны не исключать друг друга, а восполнять¹⁹¹. Интересно, что В.И. Ламанский, опубликовавший свой обобщающий труд в 1892 г., также коснулся этой проблемы. Хотя он, как и в своих работах 1860–1870-х гг., верил в силу родства по крови, но ему также пришлось признать, что различные вероисповедания славян являются объективным препятствием к объединению их в единое политическое тело. В качестве примера он приводил разногласия сербов и хорватов¹⁹².

В К.Н. Леонтьеве многие исследователи часто видели не только защитника Данилевского, но человека развившего его взгляды¹⁹³. Философ посвятил славянам и их взаимоотношениям с Россией несколько работ. Главной его целью было доказать читателю, что нет той единой черты, которую можно было увидеть у всех славянских народов. Чехи — продукт воспитания немцев, бол-

---

¹⁹⁰ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского. С. 323.

¹⁹¹ Соловьев В.С. Славянство // Сочинения в двух томах. М., 1989. С. 319–320.

¹⁹² Ламанский В.И. Три мира... С. 71–72.

¹⁹³ См. например: Александрова Л.И. Указ. соч. С. 11; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. С. 140; Малинин В.А. История русского утопического социализма. М., 1977. С. 243; Нугманова Н.Х. Указ. соч. С. 19; Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 61–62; Шкуринов П.С. Позитивизм в России. С. 132.

гары — греков, словаки — мадьяр, единого сербского народа вообще нет, так как он разделен политически, духовно и культурно. Из чего он делал вывод, что «славизма» или вообще нет или он до сели не проявился¹⁹⁴. Его чрезвычайно жесткие оценки, часто переходящие в прямой цинизм, сводились к одному — доказать что никакого слияния славянских народов с России искать не надо, более того, ему надо противиться. Достаточно создавать искусственное тяготение у этих народов, чтобы в своих целях манипулировать ими¹⁹⁵.

Подобное утверждение Леонтьева неслучайно. Он был крайне отрицательно настроен по отношению к «братьям по крови», так как видел в них «одно сплошное отрицание» и, в то же время, полное отсутствие дорогого его сердцу «византизма», который лишь одна Россия смогла воспринять и сохранить на протяжении всей своей истории в образе «царизма»¹⁹⁶. Он не только не верил в панславизм, для него жизненно важно было перечеркнуть все его идеалы.

И тем не менее, он тоже, как и Данилевский пишет о союзе народов со столицей в Константинополе. Леонтьева не меньше автора «России и Европы» волновало водружение православного креста над Святой Софией. Но у него Царьград должен был стать центром не славянской жизни, как у Данилевского, а духовной столицей русского народа, функции же Петербурга он предлагал передать Киеву, как матери городов русских¹⁹⁷. По мнению философа, Константинополь — это естественный центр, к которому должны тяготеть все христиане, которым предназначено рано или поздно составить восточно-православный союз во главе с Россией¹⁹⁸. При чем Царьград с прилегающими территориями должен

¹⁹⁴ *Леонтьев К.Н.* Византизм и Славянство. С. 337, 340, 353–355, 364.

¹⁹⁵ Там же. С. 440.

¹⁹⁶ Там же. С. 331, 349–350, 364–365.

¹⁹⁷ *Он же.* Письма о восточных делах. С. 422–423.

¹⁹⁸ *Он же.* Храм и Церковь. С. 513.

отойти в личное владение русского императора. Это государство даже и отдаленно не напоминает федерацию Данилевского.

К.Н. Леонтьев куда более реалистичнее автора «России и Европы» смотрел на славянские народы, описание нестроений в их развитии первому доставляло даже удовольствие, тогда как второго пугало. Данилевского тревожили «великие идеи» народов Балканского полуострова, для Леонтьева они были «вредным вздором». Автор «России и Европы» ратовал за интересы славян, философа же волновали только нужды России, для которой обладание Царьградом станет средством обновления через соприкосновение с истоками православия. Судьба же братских народов его волновала лишь в плане того, смогут ли они сослужить службу его стране или нет. Ссоры сербов и болгар могут способствовать усилению русских позиций на Балканах, значит, очень хорошо, что они ссорятся. Чехи в себе несут вредоносное семя либерализма, так надо их «предать совершенному съедению германцами», чтобы не опасаться вхождения этого народа в состав Восточно-славянского союза¹⁹⁹.

Его взгляды резко контрастируют с позицией Данилевского, для которого каждая индивидуальная черта характера любого славянского народа бесценна, поэтому он даже готов принять в федерацию поляков, народ глубоко неприятный ему. Автор «России и Европы» в своих построениях идеалистичен, что отчасти связано с плохим знанием реалий развития славянских народов. Леонтьев был более осведомлен²⁰⁰, но читателю в боль-

¹⁹⁹ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. С.421, 428.

²⁰⁰ К.Н. Леонтьев состоял на дипломатической службе с 1865 по 1872 г. Первоначально он был назначен секретарем и драгоманом консульства в Кандии на о. Крит. Вскоре он был отозван в Константинополь, а затем был назначен секретарем и драгоманом консульства в Адрианополе. В 1869 г. он был назначен консулом в Янину, в 1871 г. он был назначен консулом в Солунь. С января 1873 г. Леонтьев ушел в отставку. Таким образом, Леонтьев не только был хорошо осведомлен о ситуации на Балканах, но и принимал деятельное участие в ней.

шинстве случаев он рисовал образ этих народов в весьма неприглядном виде, стремясь победить русское «болгаробесие». Отношение Данилевского и Леонтьева к славянскому вопросу прямо противоположно, и говорить о какой-либо преемственности их взглядов просто бессмысленно.

Автор «России и Европы» много писал о необходимости борьбы, но она была не плодом кровожадности русского национализма в лице Данилевского, как это стремился представить В.С. Соловьев²⁰¹, а средством защиты и достижения его заветной мечты — Славянской федерации. Философ обвинял автора «России и Европы» в нетерпимости, но в случае Данилевского это было просто нежелание допускать до решения славянского вопроса европейских политиков.

Образ теоретика национализма самой низшей пробы закрепил за Данилевским В.С. Соловьев. Его авторитет был столь велик, а автор «России и Европы» «неосторожными высказываниями» давал столько поводов для упреков, что мнение философа очень скоро стало аксиомой. Бердяев даже не стал копаться в «националистических идеях» автора «России и Европы», и прямо ссылался на В.С. Соловьева²⁰². Он даже не посчитал нужным объяснять, почему он поставил знак равенства между национализмом М.Н. Каткова и национализмом Н.Я. Данилевского²⁰³.

Никто глубоко «национализм» автора «России и Европы» не исследовал потому, что и так все было ясно. В первую очередь, стоит задуматься над вопросом, а можно ли вообще говорить о «национализме» Данилевского или систему практических выводов из его историсофской системы следует обозначить иным термином, так

---

²⁰¹ Соловьев В.С. Россия и Европа. С. 395.

²⁰² Бердяев Н.А. Русская... С. 58.

²⁰³ Он же. Судьба... С. 361.

как в нее входили не только пресловутая борьба германороманского и славянского культурно-исторических типов, но и в особое понимание исторической ценности каждого народа и, в частности, славян. Автор «России и Европы» на первое место ставил величие славянского культурно-исторического типа, основой его должно было стать политическое единство всех славянских и связанных с ними судьбой народов. Таким образом, систему его взглядов правильнее называть политическим панславизмом. Носителем же националистических идей можно назвать К.Н. Леонтьева, примыкавшего к кругу М.Н. Каткова.

Позиция Данилевского не была популярна в русском обществе, так как она плохо согласовывалась с реальным внутривнутриполитическим и международным положением России. Требуя проведения активной внешней политики от правительства, он просил невозможного. Его политический панславизм не был воспринят и «братьями славянами». Т. Масарик назвал систему взглядов Данилевского зоологическим национализмом, подчеркивая тем самым ее примитивность²⁰⁴. Н. Пашич²⁰⁵ же вдохновился идеей Славянской федерации и даже пытался переводить труд Данилевского на сербский язык, но не довел начинание до конца и в дальнейшем не пытался реализовывать мысли автора «России и Европы», будучи премьер-министром Сербии²⁰⁶. Концепция «всеславяинства» Данилевского была слишком идеалистична для второй половины XIX в. Славянские народы ждали конкретной помощи от России, а она в силу своей эко-

²⁰⁴ Масарик Т. Указ. соч. С. 285.

²⁰⁵ Никола Пашич (1845–1926) — сербский политический деятель. Основатель и руководитель сербской Радикальной партии. Премьер-министр Королевства сербов (1891–1892). Премьер-министр Королевства сербов, хорватов, словенцев (1904–1918 с перерывами).

²⁰⁶ Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. М., 1998. С. 351–352.

номической слабости не могла ее оказать, что повлекло за собою падение престижа Российской империи на Балканах, а, значит, и отсутствие гипотетической возможности реализации идей Данилевского, следовательно, его проект создания Славянской федерации был ничем иным как утопией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Николай Яковлевич Данилевский известен современному читателю как один из основоположников теории цивилизации и создатель новой методологии истории, сформулированной им в работе «Россия и Европа», но его творчество не ограничивалось написанием этой книги. Впервые публикуя ее в 1869 г., мыслитель ставил перед собою цель не только создать новую «естественную систему истории», освещающую под нужным углом все исторические факты, но и дать собственные ответы на злободневные вопросы, поставленные современной ему действительностью перед Россией после Крымской войны 1853–1856 гг.

Рассмотрение целостной системы воззрений автора «России и Европы», в частности, теоретических представлений о всемирно-историческом процессе и его общественно-политических взглядов позволяет дать ответ не только на вопрос, какое место они занимали в общественной мысли пореформенного времени, но и прояснить общую картину ее развития. Кроме того, тот факт, что идеи Данилевского и по сей день вызывают интерес не только у профессиональных исследователей, но и у публицистов, писателей, журналистов, политиков и простых читателей свидетельствует о том, что ему удалось в своей историософии подняться над реалиями своего времени и затронуть вневременные проблемы близкие людям различных эпох.

В «России и Европе» ее автор оспорил правомерность деления истории человечества на древнюю, среднюю, новую, то есть существование единой линии прогресса. Взамен им была предложена теория культурно-исторических типов. По его мнению, в мировой истории действует множество положительных деятелей (культурно-исторических типов), которые возникнув, начинают

медленно формироваться (этнографический период), далее идет определенное закрепление жизненных форм (государственный период), и, наконец, их прогрессивное развитие прекращается, и их духовные силы, навыки начинают превращаться в определенные осязаемые результаты как в духовной, так и в материальной сферах деятельности (цивилизационный период), далее следует смерть.

Таким образом, линейному представлению о всемирно-историческом процессе он противопоставил идею множественности. Несмотря на то что, принцип существования культурно-исторических типов дал название теории Данилевского, основополагающим понятием ее является «прогресс». Автор «России и Европы» верил, что мир познаваем через отыскание естественной системы, в рамках которой развивается человечество. Свою историософскую систему он создавал как ученый, но при этом он не выступал как атеист, Данилевский искал естественную систему Божественного мироздания, а не бездушной материи.

Понятие «прогресса» у автора «России и Европы» очень многогранно, оно складывается из всей цепочки теоретических размышлений ученого, получая окончательные очертания лишь в последней главе книги. Для Данилевского принципиальным моментом является наличие прогресса. В существующем поле деятельности человечества, его развитие идет не по одной прямой, а по множеству, которые со временем должны заполнить все пространство. Мыслитель особо оговаривал невозможность существования единой цели или задачи, к осуществлению которой должно стремиться все человечество, значит, нет нации, которая, решив ее, поставит окончательную точку в мировой истории.

Каждый культурно-исторический тип должен в свое время уйти с исторической арены, однако прогресс от этого не прекращается. В представлениях ученого нет

фатализма. Культурно-исторические типы возникают, умирают, но оставляют после себя определенные плоды своей деятельности, которые никуда не исчезают, а попадают в «сокровищницу», которая является суммой результатов деятельности цивилизаций или иначе всечеловеческих ценностей. За исключением христианства она содержит лишь определенные материальные достижения (например, технические приемы, научные знания, практические навыки и т.п.). Все же, что касается духовной жизни общества, непередаваемо и умирает вместе с цивилизацией.

Культурно-исторический тип имеет способность развиваться именно в силу обладания особым духовным строем, который Данилевский называет «образовательным началом» (или «формационным», или «народным»), под которым им понимается особый психический строй народа или группы народов. Оно скрепляет их в одно единое целое и дает определенный вектор развития. Психический строй является движущей силой истории человечества. Именно наличием «образовательного начала» «положительные деятели человечества» отличаются от «отрицательных деятелей» (кочевые племена, несущие разрушительную силу, а затем исчезающие), и от «этнографического материала» (народы, существующие, но не создающие своего особого культурно-исторического типа). Также важно отметить, что Данилевский не ищет механизмов формирования «образовательного начала», для него это уже сфера Божественного Промысла.

Цивилизации приходят и уходят, а «сокровищница» остается и постоянно пополняется. Причем каждый культурно-исторический тип вполне самостоятелен, поэтому если один тип не сможет развиваться в силу, например, физического уничтожения, то вектор развития других не изменится, просто, условно говоря, одним навыком в «сокровищнице» будет меньше. Таким обра-

зом, преемственность цивилизаций Данилевский понимал как доступность достижений человечества в материальной сфере для ряда культурно-исторических типов, имеющих возможность общения.

Процесс наполнения «сокровищницы» и есть прогресс. То, как он осуществляется, автор «России и Европы» продемонстрировал, введя понятие «категории деятельности человечества». Их им было выделено четыре: религиозная, культурная, политическая, социально-экономическая. Сначала «сокровищница» пуста, и потому первые «аутохтонные цивилизации» не смогли развить ни одну сферу деятельности, но благодаря их навыкам, последующие цивилизации сумели добиться ощутимых успехов в одной сфере, став «одноосновными», далее возникла «двуосновная цивилизация» и, наконец, после этого появилась вероятность возникновения «четырёхосновной цивилизации». «Сокровищница», пополняясь, усложняется, обеспечивая более выгодные условия для возникновения более поздних цивилизаций. Степень ее наполненности и связанное с этим усложнение цивилизаций легко представить в виде прямой, всегда восходящей вверх. Развитие человечества, по Данилевскому, не знало регресса, но могло замедляться, если находилась цивилизация, которая в силу особого психического строя не могла в полной мере воспользоваться содержимым «сокровищницы» или культурно-исторический тип, обладающий особым «формационным началом», уничтожался ранее, чем реализовывал свой потенциал полностью.

Таким образом, можно сказать, что автор «России и Европы» был позитивистом. Но его позитивизм отличается от его классического варианта своей абстрактностью, так как понятие прогресса у него связано не с конкретными субъектами исторического процесса, а с объемом накопленных достижений человечества.

Приверженность мыслителя к «естественности» как мерилу истинности нашло отражение не только в теоретических, но и практических выводах Данилевского. «Естественное развитие» России и Славянского мира — это часть «естественного развития» всемирно-исторического процесса.

Славянский культурно-исторический тип — это новый положительный деятель истории, обладающий огромным потенциалом (особый психический строй и высокая степень наполненности «сокровищницы»). Следовательно, славяне могут сделать огромный шаг вперед по пути прогресса, создав «четырёхосновную цивилизацию». Их народное начало — основа великой будущности. И в этой связи для Данилевского вопрос, что оно из себя представляет, принципиален. Чтобы ответить на него он обращается к истории России, но ее образ, созданный им на страницах его книги, ценен для автора не только тем, что это прообраз будущего независимого и единого славянства, но и сам по себе.

Данилевского, в первую очередь, волновали вопросы социально-экономического и политического развития России. В своей книге он создал образ русской государственности весьма далекий от действительности, так как в своих построениях шел не за фактами, а за идеей. Мыслитель искренне верил, что русский народ — истинный творец своей истории, а правительство для него — это лишь механизм, через который его воля осуществляется. Поскольку, по Данилевскому, реформа 1861 г. сохранила общинное землевладение как особую форму частной собственности, являющуюся основой свободного общества, по мнению автора «России и Европы», не надо ничего менять, все необходимое для процветания уже заложено ходом исторического воспитания и психическим строем русского народа. Соответственно, российское государство и дальше будет развиваться естественно, а значит, правильно. Именно по-

этому, ученый высоко оценивал результаты Крестьянской реформы, отношение к которой у него всегда было неизменно положительным. Ему, по всей видимости, не были знакомы реалии жизни в деревне.

Образ народа столь важный в его историософии весьма противоречив. С одной стороны, только он определяет развитие всех сторон деятельности культурно-исторического типа, с другой, – образ народа весьма абстрактен, Данилевский не видел его реальных проблем, желаний. Мыслитель гиперболизировал значение коллективизма, присущего крестьянству, и полностью отрицал его личностное начало. Народ как бы творец всего, но лишь когда его воля едина, в отдельности человек ничего не может. Тем самым в историософии Данилевского он превращается в безмолвную, аморфную, а главное, пассивную массу. Социалистические увлечения молодости не были полностью изжиты им, артель Фурье, лишённая духа соперничества, превратилась в русскую общину, залог процветания России. Именно из факта обладания крестьянином землей Данилевский выводил невозможность революции в стране, чем тесно связывал в своих построениях политическую и социальную категории деятельности. Он не видел процесса разложения общины в деревне, для него она веками сложившийся уклад жизни русского народа, а значит, ее исчезновение равноценно гибели последнего. То, что в своих построениях автор «России и Европы» сделал ставку на уже изживающий себя социальный институт, было предопределено его неготовностью к модернизации России. Соответственно, созданный им образ социально-экономической действительности был утопичен.

Отрицая наличие политико-социальных проблем в стране, он резко отзывался относительно возможности заимствования западного опыта, видя в нем угрозу благополучия России. Все нестроения современного ему об-

щества Данилевский связывал исключительно с его увлечением европейскими образцами («европейничанье»). Именно поэтому он отказывался видеть буржуазность преобразований 60-х гг. XIX в. Списывание всех проблем российской действительности на «европейничанье», в конечном итоге, помешало ему увидеть их подлинные причины и последствия. Однако непонимание коренных причин происходящего говорит об ограниченности, а не о реакционности его представлений.

Автор «России и Европы» свято верил не только в социально-экономические и политические успехи русского народа, но и в то, что ему удалось сохранить в первозданной чистоте христианство. Доказывая это, он шел за определенной традицией восприятия этого вопроса, активно используя доводы А.С. Хомякова, идеи которого были тесно связаны позицией Ф.И. Гютчева и И.В. Киреевского. Но он расходился с ними в выводах, считая невозможным, возвращение католиков в лоно православия.

Провозгласив достижения славянского культурно-исторического типа в культурной сфере многообещающими, Данилевский фактически не смог этого наглядно продемонстрировать просто из-за нехватки знаний, которые он не потрудился восполнить, считая этот вопрос, очевидно, не требующим особого внимания.

О чем бы ни говорил Данилевский (о территории русского государства, о государственности, о самодержавии, о социально-экономическом строе, о культуре) — все у него имеет естественную природу существования. Превознося российскую государственность или русскую общину, он не разбирал механизмов их функционирования в материалистическом смысле этого слова, все для него творится на духовном уровне внутри народного организма. Все, в конечном счете, освящается Провидением. Эти нотки, так мало значащие в теоретической части, в практической приобретают огромное

значение. Все неслучайно. Все в славянской жизни естественно устроено. Но если строитель Бог, то человек должен мудро воспользоваться даром.

Общественно-политическую позицию автора «России и Европы» нельзя в полной мере отнести ни к либерализму, ни к консерватизму. С одной стороны, им всецело приветствовались реформы 1860-х гг., но с другой, — он писал о естественности развития российского государства как о залоге процветания, что по его мысли, должно было означать отказ от сознательного проведения каких-либо конкретных мер или введения новых структур. Следовательно, либералом в полном смысле этого слова Данилевского назвать нельзя, но и к консерваторам отнести его тоже сложно, ведь его трактовка российской государственности в корне отлична от позиции, например, М.Н. Каткова по этому вопросу. Для первого она создавалась снизу вверх, а для второго наоборот. В свою очередь, к реформам 1860-х гг. он относился не как к вынужденной уступке, подобно главному редактору «Московских ведомостей», а как к одному из величайших событий истории России, благодаря которому российская государственность окончательно оформилась. Его фигура стоит особняком в общественной мысли пореформенного времени.

Можно с полным основанием сказать, что общественно-политическим взглядам Данилевского присущи утопизм, некоторая ограниченность, недопонимание реалий, окружавшей его действительности. Но в слепом страхе к ней, равнодушии или циничности его никак нельзя обвинить. Он был искренне предан России и убежден что ее удел быть счастливой, главное сохранить саму себя, ведь одна из главных христианских добродетелей, «терпимость», всегда побеждает насилие, которое является неотъемлемой составляющей образовательного начала германо-романского типа.

Создавая на страницах своего сочинения образ России, Данилевский неизменно подчеркивал, что он прообраз Славянства, которого ждет великое будущее. Славянский культурно-исторический тип должен стать четырехосновным. Причем что очень важно, сделать это должны именно **все** славяне вместе со сходными по духу неславянскими народами (греки, румыны, венгры). Этому может помешать лишь германо-романская цивилизация, которая стремится разрушить образовательное начало славян, превратить их в этнографический материал. Отсюда возникает центральный мотив практических историософских выводов мыслителя — мотив борьбы. Борьба — это средство защиты славянского культурно-исторического типа, стоящего на пороге создания цивилизации. Кроме того, борьба за существование с германо-романским культурно-историческим типом — это еще и лекарство от нарождающихся конфликтов внутри славянского мира.

Данилевский говорил не просто о каком-то абстрактном противостоянии, на страницах его книги оно облекалось в вполне определенные формы Восточного вопроса. Трактовка мыслителем данной проблемы отличалась от общепринятой. Он не просто называл Восточный вопрос Славянским, ученый видел в нем противоборство германо-романского и славянского культурно-исторических типов. Им до предела заострялась проблема. Через эту борьбу лежит путь выживания славян, и она неизбежна как неизбежны честолюбивые притязания европейской цивилизации, достигшей максимальных успехов в своем развитии. Для Данилевского очень важна была психологическая значимость образа врага для формирования самосознания славянских народов, который должен был служить толчком для создания Славянской федерации. Однако человек не может жить исключительно ради борьбы. В связи с этим особое мистическое значение в историософии мыслителя

приобретает Царьград. Этот город – общеславянское достояние, обладающее огромной моральной значимостью, а потому он должен стать столицей и самостоятельной единицей Славянской федерации. Принцип баланса сил внутри союза очень важен для Данилевского, поэтому новое государство должно, по его мысли, состоять из примерно равных частей. Обширность территории России, в этом смысле, лишь накладывает на нее только еще большие обязательства.

Практические выводы историсофии Данилевского связаны с окружавшей его действительностью. Пока российская общественность дискутировала о внутренних российских вопросах, он видел проблемы не только внутренней политики, но и внешней. Политика государства – это всегда их совокупность. В 1860-х гг. внешнеполитические проблемы отошли на второй план, что было вызвано объективной причиной: экономической слабостью России, не позволявшей ей занимать активную позицию на международной арене. Данилевский не хотел верить в это. Он осознавал, что грядут перемены, равновесие сил, установленное венской системой, рушиться и в этой ситуации России важно не остаться в одиночестве. Урок Крымской войны, в этом смысле, для него был лучшим примером того, чем это может обернуться. И поскольку в дружественности европейцев он разочаровался, он вполне логично делал ставку на славян.

В своих практических выводах, как и в теоретических, он старался быть доказательным, но в большинстве случаев логика его рассуждений строилась на весьма общем представлении об истинном положении дел в славянских землях. И при всей их четкости и ясности они вряд ли могли быть применимы для решения реальных проблем в данном регионе, так как в них в равной степени не учитывались как сложные нюансы развития событий на Балканах, так и неспособность России ока-

зывать серьезную помощь славянам в тот период времени. Данилевский был убежден, что реформа 1861 г. решила все социально-политические проблемы в его стране, и поэтому он оптимистично смотрел в будущее, чем его позиция сильно отличалась от точки зрения его современников. Не отвлекаясь на «частности», автор «России и Европы» мог себе позволить окинуть общим взглядом проблему будущего славянских народов.

Данилевский не был посвящен в тайны русской дипломатии на Балканах как К.Н. Леонтьев, зато ему было известно о современных европейских портах в средиземноморском бассейне. Автор «России и Европы» понимал, что это означает — раздел сфер влияния. Балканы и прилегающие к ним территории — это этнически сложный регион. Опасность ссор между будущими славянскими государствами, которые неизбежно ослабят их и усилят европейцев, пугала его. Данилевский ратовал за кровные интересы славянских государств и был убежден в их общности. Он ставил проблему, которая станет столь острой на рубеже столетий и пройдет красной нитью через все XX столетие. Актуальна она и сейчас.

При освещении славянского вопроса автор «России и Европы» в большинстве случаев следовал вполне устоявшейся традиции его трактовки в панславистской публицистике. О великом будущем славян, о необходимости их единства и обретении ими независимости, о кровном братстве этих народов, о святой обязанности России помочь им писалось очень много начиная с 30-х гг. XIX в., хотя на первый план эти проблемы в русском обществе вышли лишь в середине 70-х гг. XIX в. Единственным принципиальным отличием его взглядов от позиции современников было то, что он настаивал именно на **политическом объединении** славян в ближайшем будущем, проблемы же культурной взаимности, которые в первую очередь интересовали рус-

скую общественность, Данилевский считал второстепенными. Он полагал, что Балканы, благодаря укреплению культурных связей, быстро соединиться не смогут, а вопрос об их судьбе будет решаться в ближайшее время и надо быть к этому готовым. Соответственно, на страницах своей книги автор «России и Европы» последовательно проводил идеи **политического панславизма**, а не национализма. Данилевский был глубоко убежден, что Россия нуждается в славянских народах, а славяне – в России. Для него не было «меньших братьев», для него существовал единый славянский мир. Однако в последней трети XIX в. не было никаких реальных предпосылок для создания государства, объединяющего все славянские народы. В этом не были заинтересованы ни русские правительство и общественность, ни представители национально-освободительного движения славян, ни, тем более, западные державы, идея Славянской федерации являлась утопией. И тем не менее, его концепция чрезвычайно важна и сегодня, поскольку главный ее вывод как теоретический, так и практический состоит в том, что только многообразие даст возможность полноценно развиваться человечеству по пути прогресса. Каждый народ создает мировую «сокровищницу», вкладывая туда благодаря своей индивидуальности что-то особенное.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Н.Я. Данилевский и его время	47
Культурно-исторические типы и прогресс	85
«Европа ли Россия?»	142
Борьба с Западом и закон сохранения исторических сил	196
Всеславянский союз и грезы о Царьграде	230
Заключение	287

Научное издание

Хорошева Анна Владимировна

«УДЕЛ РОССИИ – УДЕЛ СЧАСТЛИВЫЙ...»

Историософия Н.Я. Данилевского

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка: А.Ю. Степаненко
Художественное оформление обложки Н.О. Герасимец

Формат 84×108/32. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Объём 9,38 печ. л. Уч.-изд.л. 11,12. Тираж 200 экз.

Ордена «Знак Почёта» Издательство
Московского университета. 125009, Москва,
ул. Б.Никитская, д. 5/7.

Отпечатано: ИП Степаненко А.Ю.,
141221, Московская обл., Черкизово,
ул. Зеленской, д. 5